

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

6(18) 2007
И Ю Л Ъ

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№6'2007

Общество

■ ОБРАЗОВАНИЕ

Д. Rogozin, И. Solodova, A. Turchik

Типичное и особенное в жизни
школьного учителя информатики 5

■ ПРОФЕССИИ

И. Шмерлина

Российский журналист:
декомпозиция имиджа? 22

■ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В. Максимова

Дорожное движение изнутри и снаружи
водительской кабины: поможет ли ужесточение
наказаний за нарушение ПДД? 29

■ НАШ ДОМ

М. Иванова

Практика заготовок на зиму 40

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 47

Форум

■ БЕСЕДА

Взаимовлияние жизни и литературной фантастики.

"Круглый стол" на конференции "Басткон" 45

Мастерская

■ КРУПНЫЙ ПЛАН

Б. Докторов

Жизнь в поисках "настоящей правды".

Заметки к биографии Ю.А. Левады 67

Е. Петренко, Е. Галицкая

У кого сегодня синица в руках,

или Попытка типологизации российских семей ...82

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент... 28

П. Бавин

Кто такой патриот? 65

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
"Общество"

Григорий Кертман
"Форум"

Леонид Блехер
Георгий Любарский

"Мастерская"
Иван Климов

"Цифры"
Людмила Преснякова

"Между прочим"
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова

Ответственный секретарь
Мария Каневская

Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Ольга Кириченко
Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд "Общественное мнение"

Президент
Александр Ослон

Директор по исследованиям
Елена Петренко

Директор по технологиям
Алексей Чуриков

Финансовый директор
Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать
06.08.2007 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,

ул. Обручева, 26, корп. 2

тел.: (495) 745-87-65

факс: (495) 745-89-03

e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© "Социальная реальность"

Отпечатано в типографии

ООО "Группа Море"

101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

CO B T C E E E E O

Д. Рогозин, И. Солодова, А. Турчик

Типичное и особенное в жизни школьного учителя информатики

Нередко научная работа подается в качестве объективированного, независимого и потому истинного знания, в производстве которого участвуют некие бестелесные субъекты, обладающие навыками и умениями проникать в суть наблюдаемых явлений. Фактически же за подобным безыскусным способом конструирования фактов и событий стоят все те же люди, погруженные в череду социальных взаимодействий. Мы – не исключение.

Посещение школ, разговоры с учителями информатики и ребятами, наблюдение за ходом урока позволили выстроить перспективу, укорененную в обыденном мире учителя. Хотя основные ее элементы сформулированы при нашем непосредственном участии и в этом смысле представляют собой совместный социальный конструкт, мы надеемся, что нам удалось сохранить специфику изучаемой реальности – “жизненного мира” школьного учителя информатики.

Объект и метод исследования

Не претендуя на роль экспертов в сфере образования, попытаемся посмотреть, что входит в эту область, что можно в нее включить, не выходя за пределы здравого смысла и повседневного наблюдения за социальной жизнью. Вслед за А. Кларке¹ можно построить неструктурированную карту, отражающую элементы нынешних преобразований в интернет-образовании. С привнесением новых и новых элементов создается предшествующая разговору “куча мусора”, в которой, как и в самом разговоре, можно найти все что угодно. Рассматривая

¹ Подробнее см.: [Рогозин. 2007. С. 40].

непосредственных участников ситуации, ее структурные элементы, отдельные события и факты, мы эксплицируем предшествующие исследованию представления о конструируемой реальности (рис. 1).

Каждый из выделенных элементов может стать основанием для исследовательской перспективы, задающей и определяющей некоторую совокупность программных вопросов. На этом этапе нет смысла искать общие категории, систематизировать собственное предзнание или горевать по поводу отсутствия некоторых универсальных кодов. Наша задача заключается не в объяснении социальной реальности, не в конструировании схемы или придании ей некоторых надындивидуальных черт объективного описания, а в разметке существующих дискурсов, проблематизации здравого смысла, лежащего в основе социальных действий тех или иных участников процесса преподавания информатики в школах. Причем мы не ограничиваемся процессом передачи знания, не обращаемся к модели коммуникации, в которой выделяется отправитель, содержание и адресат сообщения. Фокус нашего внимания предельно широк, единственное его ограничение – это рамка, которую образует наше собственное понимание ситуации.

Итак, с чего мы начали решать столь нетипичную для социолога задачу?

Первым делом было решено отправиться в школы, на уроки информатики. Наугад открыв атлас, мы попали в тихий район на юго-западе Москвы. Атлас назывался “большим” – видимо, потому, что в нем не только отмечены номера домов, но и выделены школы. На участке, не превышающем полутора квадратных километров, мы обнаружили четыре школы, в которые и решено было пойти. Уже на месте увидели, что выбор оказался довольно интересным. Две самые обычные общеобразовательные школы, типовые строения начала 1950-х, приветствующие школьников барельефами четырех столпов русской словесности: Пушкина, Толстого, Горького и Маяковского. Школа с углубленным изучением английского языка и лицей, размещенный в современном здании из стекла и бетона.

Рис. 1. Неупорядоченная ситуационная карта, отражающая работу учителя информатики в средней школе

Сразу решив не играть в шпионов, мы подготовили сопроводительные письма директорам школ – их имена мы заблаговременно узнали в Интернете. Письма за подписью директора Фонда “Общественное мнение” по исследованиям Е.С. Петренко напечатали на бланках ФОМа. Лишь в одной общеобразовательной школе директор отказался с нами разговаривать, сославшись на занятость, бессмысленность встречи и мигрень². В остальных школах нас охотно допустили к учителям информатики, другим педагогам и детям. Директора с гордостью рассказывали о своих школах: кто сразу вел в школьный музей, кто – в пионерскую комнату, а кто и в компьютерные классы, внешне не уступающие вузовским.

Первое погружение в школьную жизнь мы решили провести посредством серии обычных разговоров с учителями и школьниками, без какого-либо структурирования вопросов и тем. Лишь общие представления, личные воспоминания о детстве да здравый смысл помогали не потеряться в новом мире, открываемом в этом общении. Особое внимание уделялось фиксации и сохранению любого речевого материала. Цифровые диктофоны позволяют проводить запись без каких-либо временных ограничений, поэтому мы включали диктофон, когда входили в школу, и выключали, лишь когда закрывали за собой входную дверь. Небольшой, похожий на mp3-плеер аппарат не вызывал ни внимания, ни интереса со стороны наших собеседников. Этическое же беспокойство в связи с несанкционированной записью разговоров мы в себе подавили, взяв негласное обязательство сохранить полную анонимность нашей интервенции в школьную жизнь. Поэтому мы не только не объявляем номеров школ и их точное месторасположение, но и изменили инициалы педагогов. Возможно, эта секретность лишена смысла, ведь ничего тайного в наших наблюдениях нет. Изначально разговор строился с незнакомыми людьми, и каждый его участник, как правило, неплохо контролировал собственную речь. Взрослый социализированный человек, тем более учитель, практически всегда понимает, когда, что и кому следует (и не следует) говорить. Однако, обеспечивая конфиденциальность, мы уходим от ненужной концентрации на реальных людях, которые, увидев этот текст, возможно, захотели бы поправить некоторые свои высказывания, сформулировать мысль иначе, по-другому расставить акценты.

Мы не придерживались никакого плана, перескакивали с предмета на предмет, шутили и смеялись шуткам, задавали вопросы невпопад и развернуто отвечали на обращенные к нам вопросы. В общем, вели себя так, как не должен вести себя интервьюер. Все это делалось для того, чтобы осуществить логическую реконструкцию некоторой перспективы или версии произошедших событий, наиболее близкой взглядам школьного учителя. Задача заключается в том, чтобы подтолкнуть собеседника “как если бы” выйти за пределы коммуникации, происходящей здесь-и-сейчас, посредством включения элементов

² Вскоре мы через десятки руки узнали, что школа, в которой получили отказ, имеет негативный имидж в округе. Неукомплектovanность классов, мелкое хулиганство среди школьников, низкие показатели успеваемости и низкий же процент поступающих в вузы превратили ее в публичном дворовом дискурсе в школу-изгоя, школу-страшилку для непослушных детей: “Будешь плохо учиться, отдам тебя туда – тогда посмотришь, что значит не слушаться маму и папу”.

прошлого опыта: воспоминаний, скрытых и явных цитат, шуток, анекдотов, личных историй. Итак, к делу.

Педагогика без педагогов

Все учителя информатики, с которыми нам удалось поговорить, не оканчивали педагогических вузов.

ЛС, 54 года³: *“Я по образованию математик, специальность – прикладная математика, без педобразования... Как я в школе оказалась? Во-первых, я эту школу заканчивала...”* (учитель информатики).

НС, 42 года: *“Я училась когда-то давно в этой школе. У меня нет образования педагогического. Я по образованию инженер-системщик. Закончила МГУ, пришла в школу воспитателем по учебной работе, но потом ребята выиграли компьютерный класс, а учителей не хватало”* (учитель информатики).

МЮ, 53 года: *“Я инженер-металлург. А в школу зачем пошел? Ну, это перестройка. Пришел учителем английского языка...”* (учитель информатики).

ЕМ, 49 лет: *“Я по образованию математик-прикладник, работала программистом. Меня в школу просто заставили пойти, потому как нужно было отдать сына в маткласс”* (учитель информатики).

АИ, 57 лет: *“Я преподавала в Бауманке. Двое детей, которые пошли в школу, – вот и пошла, чтобы быть поближе”* (учитель информатики).

МА, 55 лет: *“Долгое время преподавал в школах, а потом ушел в бизнес; вернулся в педагогику недавно”* (завуч по информатике, выполняет и административные функции).

Инженеры, технари, выпускники математических факультетов – они пришли в школу в начале 90-х на волне коллапса многочисленных НИИ, конструкторских бюро, общего сокращения рабочих мест – явного или неявного, посредством многомесячной задержки заработной платы.

“Лучше на судьбы <учителей информатики> не смотреть... Там ад просто” (МА).

На фоне абсолютной бесперспективности на привычных рабочих местах школа выглядела более чем привлекательно: стабильная зарплата, поначалу малознакомая, но интересная работа с детьми, автономность и самостоятельность, которую давал загадочный статус эксперта по компьютерным технологиям.

“Сначала мы работали еще на «Электронике». Полчаса пишешь команды, а потом выставляешь на окно, чтобы остыла, – улыбается ностальгическим воспоминаниям наша собеседница. – Но было жутко интересно, ребята прямо вырывали компьютер из рук, старались писать

программы, это было ново и модно. У нас ведь тогда и программистов было вон сколько. У меня сын заканчивал матфак МГУ, так там уже на третьем курсе были кругом объявления расклеены: приглашения, приглашения, приглашения... и все за рубеж...” (АИ).

³ Далее, исключительно для различения реплик разных учителей, мы будем указывать их вымышленные инициалы и не совсем точный возраст.

Инженеры, технари, выпускники математических факультетов – они пришли в школу в начале 90-х на волне коллапса многочисленных НИИ, конструкторских бюро, общего сокращения рабочих мест – явного или неявного, посредством задержки зарплаты

Кроме того, у кого-то собственные дети были школьниками – хотелось уделить им больше внимания, пристроить в хорошую школу, сделать что-то для их будущего.

“Я вообще училась когда-то давно в этой школе... А потом, у меня двое детишек. Когда я собралась вести вторую в школу, обо мне вспомнили – не было завуча по воспитательной работе. И вот я пришла, сказала, что мне бы вот Машку... а мне в ответ: приведишь только в том случае, если ты пойдешь работать... Я по образованию инженер-системщик, а наши дети выиграли на ярмарке идей вот этот кабинет [компьютерный класс]” (НС).

Так родительские чувства мотивировали перемену профессии, а воспитание из семейной проблемы стало профессиональной.

“ДР: Скажите, а это плохо или хорошо, что у Вас не было педагогического образования?”

АИ: Вы ходите по школам – у кого оно есть? Практически все учителя информатики пришли откуда-то со стороны. А плохо или хорошо... по-моему, это нормально, просто нормально”.

С одной стороны, ситуация с отсутствием педагогического образования объяснима, поскольку информатика как школьный предмет введена в учебный план в 1985 году, а значит, до того в педагогических вузах этой специализации не было. Следовательно, дипломированные специалисты только начинают появляться в школе. С другой – это обстоятельство позволяет по-иному взглянуть на школу и педагогику как таковую. Учитель математики со стажем подытожил текущее положение дел.

“Они все – неспециалисты с точки зрения педагогики, и они все, что называется, самородки со всеми вытекающими последствиями. То бишь люди до всего доходят, так сказать, собственными ногами, с изобретением банальных велосипедов и с нарушением канонов методики. Самоделкины. Потому что они нарушают программу... рассказывают так, как хочется, но не так, как принято, используют свои методы” (МА).

Интересно, что он, будучи сам преподавателем информатики, говорил о своих коллегах в третьем лице, с одной стороны, объективируя ситуацию, с другой – исключая их из когорты типичных учителей.

Как соотносится подобная профессиональная идентичность с реальным реформированием школьного образования? Увидим ли мы реализацию новых идей в педагогике, которую многие считают неповоротливой и бессмысленной дисциплиной? Помогает ли изначально новаторский дух учителей информатики реформированию школьного образования?

Чужой среди своих

Мы поднимались по лестнице с директором школы. Перед нами, возвращаясь с физкультуры, шел мальчуган лет десяти; он чуть наклонил лыжи в нашу сторону. “Ты что, не понимаешь, что лыжи следует носить вертикально?! – грозно

На фоне бесперспективности на привычных рабочих местах школа выглядела привлекательно: стабильная зарплата, поначалу малознакомая, но интересная работа с детьми, автономность, которую давал статус эксперта по компьютерным технологиям

воскликнул ему вслед директор. – Чтобы я этого больше не видел!” Мальчонка испуганно оглянулся, подхватил лыжи и торопливо ретировался. Это был наш первый визит в школу. Сразу же нахлынули детские воспоминания. То, что принято называть воспитанием, зачастую выражается в окриках и угрозах, совершенно естественных для взрослого мира, как и обращение к ребенку на “ты”. Строгость и дисциплина как основа воспитания – укоренившееся верование, передающееся у нас из поколения в поколение. Необычно другое. Уже потом, многократно встречаясь с учителями информатики этой и других школ, мы ни разу не слышали от них ни одной угрожающей нотки в адрес детей. Вот уж поистине, трудно отыскать более чужеродный элемент в когорте педагогов.

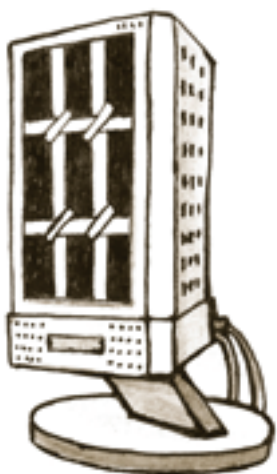
Когда мы разговаривали с преподавателями после уроков, в классе всегда была пара-тройка ребят, которые играли в компьютерные игры. Реакция учителей – добродушная улыбка: “А что, играть ведь тоже надо. Ничего в этом страшного нет” (НС). Более того, дети подходили и доверительно рассказывали о скаченных рефератах, которые практически в первозданном виде будут приняты в качестве отчетных работ на уроках литературы, химии, биологии, географии.

“А что? Они иной раз такой интересный текст отыщут, что и мне с техническим образованием очень любопытно почитать. Молодцы!” (МЮ).

“ДР: Как насчет плагиата? Разве не ругаются учителя?”

АИ: Да что Вы, это в вузе, может быть, плагиат, а в школе... нет ничего такого в школе. Пусть лучше ребенок найдет хороший текст, может, чему и научится, чем самому ломать голову над порой бессмысленными заданиями”.

Я (ДР) невольно вспомнил эпизод из своего школьного детства. Мой закадычный дружок целый год учился в другом городе и, когда вернулся в наш класс, повел себя как-то странно: на уроках литературы вдруг взялся сам писать сочинения. Тогда казалось, что они начинались весьма забавно, вроде того что “сйжу я за столом, передо мной «Вечера на хуторе...», за окном темно, лишь слабый отблеск в окне от моей настольной лампы...” И далее в этом же духе – размышления о себе, о собственных фантазиях, мечтах, связанных с прочитанными произведениями. Тогда сочинения – по крайней мере, у нас в школе – писались в соответствии со строгим, но негласным правилом. Надо было пойти в библиотеку (Интернета ведь и в помине не было) и списать из какой-нибудь книжки по литературной критике пяток листов. В конце сочинения в обязательном порядке приписать: “я считаю”, “я думаю” или “по моему мнению”. Затем следовал какой-то пассаж от себя или опять же списанный из книжки, но “подредактированный” – менее официальный. Вот и все. Это гарантировало положительную оценку. Когда мой товарищ показал мне сочинение, я только посмеялся над ним: “ну-ну, посмотрим”. Через пару дней результат: у меня – 4/5 (“четыре” – за грамотность, “пять” – за содержание), у него – 4/3. Через какое-то время опять сочинение: у меня – 5/5, у него – 3/3. Опять... На четвертый раз он сломался и попросил меня объяснить технологию – и тогда нам выставили уже одинаковые оценки: 4/5. Похоже, ситуация не сильно изменилась и теперь. Клишированность и стандартизация письма до сих пор милы сердцу учителя, иначе как была бы возможна повсеместная

практика многократной сдачи одной и той же работы, кочующей по просторам Интернета?

Учитель информатики смотрит на школьную жизнь иначе, ставит под сомнение святая святых еще советской педагогики: незыблемость и авторитет знаний самого учителя. Он видит свою задачу не в том, чтобы играть в правильность и логичность, создавать пусть и безупречно систематизированные, но безжизненные из-за своих основополагающих посылок описания, а в том, чтобы искать пути решения, пусть даже нарушающие общепринятые нормы.

“Информатика нарушает табу на другие предметы как нечто застывшее, не требующее ничего, кроме повторения, монотонного заучивания” (МА).

В результате поиск и копирование рефератов, оставаясь не-легитимным действием, вполне допускается учителем информатики, а зачастую – если поиск проведен эффективно (за минимальное время найден релевантный текст) – даже поощряется.

Повседневные трансформации школьной программы

Распрашивая об особенностях школьной программы по информатике, мы узнали, что сейчас она подразделяется на три типа: обычная, так называемая расширенная и углубленная. Основные различия заключаются в количестве часов в неделю и объеме предлагаемого к освоению материала. Показатели качества обучения слишком размыты и практически неуловимы в сетях бюрократической отчетности.

Обычная программа – это час в неделю и никаких вольностей и собственных нововведений. Такая программа, по мнению наших собеседников, ставит информатику на низшую ступеньку среди школьных предметов.

“Если хочешь угробить предмет – поставь один час в неделю” (НС).

“Час в неделю – это, конечно, мало. Если говорить, что сейчас внедряется ЕГЭ, а ЕГЭ там с такими вопросами, для которых мало владеть материалом, – там, извините, надо, как вот готовят... извините за выражение, натаскивать” (ЛС).

Любопытно, что именно время, отведенное на освоение информационных технологий, считается ключевым фактором внедрения интернет-технологий в школе, наряду с доступностью Интернета, тренингом учителей и их лидерскими и харизматическими качествами [Franklin. 2007]. Поэтому очевидно, что ни о какой перспективе развития интернет-образования в школах, практикующих обычную программу, не может быть и речи.

Расширенная программа позволяет увеличить количество учебных часов, а значит, и объем предлагаемых знаний. Углубленная – выводит информатику в область приоритетных предметов школы, приравнивая ее к базовым дисциплинам школьной программы: русскому языку, алгебре, геометрии, физике или химии. Администрация школы вправе самостоятельно выбирать приоритетные дисциплины, но вероятность того, что таковой окажется информатика, чрезвычайно мала. По крайней мере, во всех школах мы наблюдали обратную ситуацию.

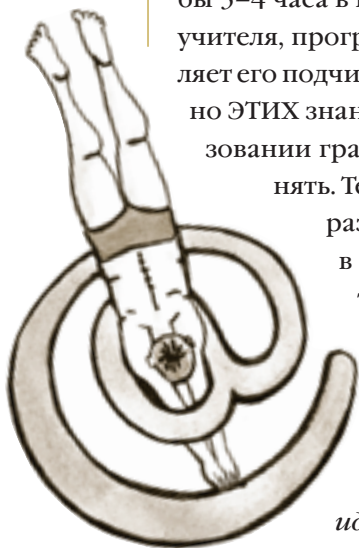

Учитель информатики видит свою задачу не в том, чтобы играть в правильность и логичность, а в том, чтобы искать пути решения, пусть даже нарушающие общепринятые нормы

“У одного восьмого класса полтора часа информатики, а у другого – только 45 минут. Связано это с тем, что у того класса не хватает часов на что-то, – вот и забрали. Вообще по программе положено два часа в неделю. Так что вот они урезали. Это очень просто” (ЛС).

Однако дело не только в нехватке часов. Если каждому предмету уделять хотя бы 3–4 часа в неделю, то и суток будет мало на учебный день. С точки зрения учителя, программа не всегда позволяет развиваться ученику, а лишь заставляет его подчиняться требованиям кого-то, кто уверен в необходимости именно ЭТИХ знаний: “Мы разрешаем государству определять недостатки в образовании граждан и учреждать специальные организации, чтобы их устранять. Тем самым мы позволяем государству решать за других, какое образование им необходимо, а какое нет”, – отмечал И. Иллич, еще в 1970-х годах поставив под сомнение вообще всю систему централизованного образования [Иллич. 2006]. С правилами игры *quod dant*⁴, как это ни странно, первыми соглашаются не учителя, а ученики.

“Мальчики вот у нас есть, умные мальчики, говорят: «Нам это не надо». Excel что ли там мы начали изучать – они говорят: «Надоело нам это, нам это не надо». Я говорю: «Так, идешь к директору и говоришь: вот мне учитель преподает четко по программе, а мне это НЕ НАДО, и пусть родители твои еще придут заодно. Пойдешь?» – «Нет, не пойду». Это четко просто. Они когда в гимназию приходят, принимают условия. Согласен – учишь, не согласен – школ полно... Я говорю: я понимаю, что тебе это не надо, но я не могу этого не дать. Дети вот в восьмом классе. Я не могу этого не дать – это входит в базовый курс. Я обязана это дать на том или ином уровне. У меня есть программа” (ЛС).

Ученик находится в подчиненной позиции, обусловленной как системой оценок, так и сводом нравственных норм, задающих ролевые установки воспитуемого, поэтому ему гораздо удобнее послушаться, принять покорный вид, в лучшем случае пробурчав что-нибудь себе под нос, нежели идти на открытый конфликт. Тем более потеря интереса, легитимируемая ненужностью предлагаемого знания, может замещаться иными формами активности. Так возникает игровая ситуация уловок и фабрикаций, в которой охотно участвуют школьники и с которой никак не могут совладать учителя, придерживающиеся предзаданных стандартов. Открытие во время урока окон с побочными программами, серфинг по Интернету или разговоры о посторонних предметах – это не столько демонстрация отсутствия интереса или, наоборот, неудержимый интерес к чему-то более важному, сколько слом фабрикаций фрейма заинтересованного в предмете ученика. Игра в урок подвержена аналогичным любой другой игре сдвигам: остановкам и паузам, временному возвращению к базовому фрейму обыденного взаимодействия. Естественную границу такой игры определяют звонки на урок, которые И. Гофман называет скобками, определяющими действующий фрейм урока. Поскольку “игровые действия не имеют смысла сами по себе, они всегда существуют в противоположении определенной, реально дей-

⁴ Quod dant (лат.) – бери, что дают.

ствующей системе значений” [Гофман. 2004. С. 101], участники игры вынуждены поддерживать и элементы базового фрейма. Они не могут позволить себе транспонировать игру обратно в реальность, иначе последующие действия переопределят ситуацию таким образом, что продолжение игры потеряет всякий смысл или будет попросту опасным. Легко себе представить вышедшего из себя учителя, привод в кабинет директора, распекаание родителей на родительском собрании и т. д.

В аналогичную ситуацию вынужденных фабрикаций и подстановок попадают и учителя, реализуя свой собственный интерес, компетентность и приобретенные ранее навыки в воспроизводстве двойных стандартов преподавания: один – для отчетности, второй – для жизни.

“В седьмых и одиннадцатых классах – одно и то же. Вот седьмые классы у меня сегодня были. Они не знают, что делать, потому что у них на целую четверть компьютерные презентации, вся третья четверть, представляете? Вот... Следующая тема, на УРОК – переходы между слайдами с помощью кнопок и гиперссылок. Что там рассказывать? Вот что рассказывать? Значит, следующий – применение эффектов анимации, тоже это дело 15 секунд... Я им рассказала. Дальше что делать? Ну, сделали свой слайд, сделали, они очень быстро делают. Ну хорошо, ну в седьмом они первый раз это прошли – а что мне с одиннадцатыми делать? То же самое?” (НС).

Выразив недовольство программой и переспросив еще раз о конфиденциальности разговора, учитель поведала, что *“тихонько установила Photoshop”* и по возможности учит детей (и заодно учится сама), как пользоваться *“такой полезной для повседневной жизни”* программой. Наш другой собеседник был более осторожен и вовсе уклонился от вопросов о собственных интересах и увлечениях в области информатики.

“В принципе да, есть интересы... ну, вообще-то я далеко от учебников не отхожу... мне не так много и до пенсии осталось” (МЮ).

Учителями должны бы быть недовольны уже районные инстанции от образования, реализующие властные функции. Но и здесь происходит подмена, легитимированная распухающей по объему отчетностью. Работа с документами, оценка предлагаемых знаний посредством отметок и рассмотрение работы учителя через их призму позволяет отстраниться от реальных трансформаций программы. Так возникает череда театральных постановок, подчиняющихся общему замыслу подавления и сокрытия реальных взаимодействий, подмены повседневной коммуникативной ситуации на суррогаты бумажной отчетности. Так конституируется и поддерживается амбивалентный статус учителя: “Социальная функция учителя ясна и определена, чего нельзя сказать о его положении в обществе и социальном характере. Он «воспитывает нацию», но зависит от любого чиновника из РОНО. В этосе сегодняшнего российского учительства парадоксальным образом сочетаются психологическая зрелость наставника с социальной инфантильностью, а миссионерские амбиции – с чувством

Выразив недовольство программой и переспросив еще раз о конфиденциальности разговора, учитель поведала, что “тихонько установила Photoshop” и по возможности учит детей (и заодно учится сама) пользоваться “такой полезной для повседневной жизни” программой

неполноценности и униженности. Социальная значимость педагога признается в обществе бесспорной, однако профессия – непрестижной. Он носит высокое звание Учитель, а в обыденной жизни его (в большинстве случаев – ее) зовут училкой” [Шмерлина. 2007. С. 5].

Возможно, повседневные фабрикация школьной программы скрывают в себе основную социализирующую функцию школы – трансляцию способов и навыков уклонения от неприемлемых по тем или иным причинам распоряжений, сохранение своего “я” в, казалось бы, абсолютно жесткой и не терпящей возражений коммуникативной среде. Так воспроизводится рациональность на первый взгляд “расщепленного” и неконсистентного поведения. Не надо искать экспертов в области образования, чтобы увидеть всеобщее понимание и одновременную неудовлетворенность текущей ситуацией с интернет-образованием и всеобщее же социальное поведение по поддержанию этой ситуации. Театральность такого положения вещей может вызвать бурю оваций на сцене – и такую же бурю негодования на кухне или в курилке.

Потерянная инициатива

В ситуации театральной постановки инициатива возможна только в виде уклонения от предписанной роли, которое, естественно, отнюдь не поощряется людьми, претендующими на режиссерские позиции. Следовательно, и презентация таких отклонений должна либо блокироваться, либо принимать форму анекдота. Иначе рассказчик рискует потерять не только лицо (по Гофману), но и служебную позицию. Не случайны оговорки о пенсии, когда речь заходит о личных интересах, как в уже приводившейся реплике: *“В принципе да, есть интересы... ну, вообще-то я далеко от учебников не отхожу... мне не так много и до пенсии осталось”* (МЮ).

Вполне понятная и объяснимая ситуация. Интересно другое. Формально нестатусная, неопределенная ситуация 1990-х вспоминается всеми учителями с сильной ностальгией. Традиционно именно первый год педагогической карьеры ассоциируется с изоляционизмом, отсутствием инициативы и психологической подавленностью учителей, что связывается с психологическим шоком, вызванным новой профессиональной деятельностью [Herrington, et al. 2006. P. 120]. Ситуация с учителями информатики – по крайней мере та, которая конструируется в их воспоминаниях⁵, – обратная. Тогда они принимали самостоятельные решения, искали оптимальные способы общения с учениками, сами конструировали свою педагогическую идентичность.

Формально нестатусная, неопределенная ситуация 1990-х вспоминается учителями информатики с ностальгией. Тогда они принимали самостоятельные решения, искали оптимальные способы общения с учениками, сами конструировали свою педагогическую идентичность

ДР: *А что у вас еще интересного было в школе?*

АИ: *Что интересного? Был такой Сорос... [улыбается] Тогда было много конференций, инновационных программ, мы постоянно встречались,*

⁵ Поскольку “повторное проигрывание в виде пересказа подробно знакомит с личным опытом говорящего, а не просто сообщает о событии” [Гофман. 2004. С. 614], наивно приписывать воспоминаниям статус некоторых “объективных картинок” из прошлого.

всем что-то хотелось сделать. Вот и я участвовала в инновационном курсе по экологии, разработанном на компьютерных технологиях. Там простенькие программки по выращиванию семян, какие-то небольшие базы данных. Идея была в том, чтобы поместить ребенка в почти реальную жизнь, сделать из него хотя бы на время экспериментатора. Был и учебник, и методические разработки, но что-то не понравилось в Министерстве образования – и эту программу закрыли... Еще была у нас программа по составлению химических соединений. Скажем, оксид железа. От ребенка требовалось выбрать из таблицы Менделеева феррум, кислород, указать валентность... а потом машина прямо голосом оценивала результат. Так ребята, даже если «двойку» получали, не уходили, просили еще раз попробовать, и, пока не получалось, кто-то так и просиживал у компьютера. Зато потом любые соединения составляли, даже не задумываясь. Еще что-то было, разве все вспомнишь...”

Теперь появились статус, педагогическое признание, и ситуация реального общения с ребятами постепенно стала вытесняться “работой с документами”. Загадочные, почти мифические чиновники от образования все время требуют новых отчетов, как будто испытывая жуткий страх от возможного снижения интенсивности документооборота.

“ДР: Вы все рассказываете скорее о 90-х годах – а сейчас есть что-нибудь интересное, какие-то новые проекты?”

АИ: А что сейчас? Что начальство скажет, то и делаем. Пишу бесконечные отчеты, показатели успеваемости – так все каникулы на составление бумаг и уходит; да и сейчас вот заполняю очередной формуляр. Нет ничего интересного в школе, а тем более на уроке информатики. Нечем здесь интересоваться.<...> Тысячи, тысячи бумажек нужно собрать и подписать, и ведь на каждую двойку бумажка нужна, и за каждый урок нужно отчитаться тройне” (ЛС).

О важнейших составляющих профессиональной активности столь творческой профессии, как школьный учитель, ни разу не упоминают наши собеседники. Мы не слышали ничего, что свидетельствовало бы об их экспертности в области информационных технологий, деятельном участии в моделировании учебного процесса, об обсуждении разных ролей преподавания, перспектив развития интерактивного обучения, возможностей проведения открытых дискуссий, поднимающих вопросы “личностного знания”. Подготовка отчетности и правильное заполнение предлагаемых форматов – это все, что связывает учителей информатики с вышестоящими инстанциями.

Ф. Паджарес указывает на размытость и неопределенность природы обучения, работы учителя [Pajares. 1992. P. 311]. Недаром разговор об учителе всегда складывается из персональных описаний. Интуитивно родители и дети, описывая любимого учителя, говорят не о знаниях, а о его стиле поведения, манере речи, особенностях общения с детьми. Обладание знаниями, высокая квалификация, даже хорошие коммуникативные навыки не гарантируют успеха в учительской карьере, основной показатель которой, кроме признания, – реальные

Интуитивно родители и дети, описывая любимого учителя, говорят не о знаниях, а о его стиле поведения, манере речи, особенностях общения с детьми

достижения учеников. Поэтому часто, говоря о педагогике, ее квалифицируют как искусство. Тем фантастичней выглядит доминирование чиновнической логики, установок, направленных на сбор и, возможно, обработку отчетности, имеющей лишь опосредованное отношение к педагогической практике. Неудивительно, что педагоги иронично и настороженно относятся к вопросам о возможности повышения своего статуса. Обсуждать эту тему не имеет смысла, поскольку новый статус ничего не даст, кроме добавки к зарплате и дополнительных бумажных хлопот.

“Да, это так, дополнительно... Да-да-да, так и называюсь: замдиректора по информационным технологиям. Только вот не развитием сети или еще чем-то занимаемся, а отчеты писать нужно. Как раньше было, в доперестроечные времена, ну вот как он там был, Госплан, да? Значит, там нужно было уйму бумаги для плана работы предприятия. Ну, вот примерно то же самое” (МЮ).

Вот и получается ситуация, похожая на ту, которую описывал Манн, говоря об американской школьной системе образования, господствовавшей некоторое время назад: “Бесплатные средние школы извиваются в бюрократических путях, подобно Гулливеру в веревках лилипутов, их прочно связывают федеральные мандаты, законы штатов, местные законодательные акты” [Манн. 1993. С. 66]. Только ни Гулливера, ни особых веревок нет. Они как театральная бутафория, исчезают, как только люди начинают жить и говорить о жизни, начинают самостоятельно действовать, фальсифицируя и ниспровергая директивность приходящих извне указаний. А школа, собственное место в ней – это лишь сценические действия, кому-то приносящие удовольствие, кому-то – доход, а кому-то – и чувство выполненного долга.

Экономические игры

Национальный проект в сфере образования признается одним из наиболее успешных. И он не мог не привести к возникновению экономического интереса к школам со стороны коммерческих структур и субъектов, занимающихся коммерцией на свой страх и риск. Наши собеседники не включились в эту среду – и ранее, в перестроечные годы, они пошли в школу, а не в частный бизнес. Видимо, как тогда, так и теперь сработала привычка следовать устоявшимся и доступным для понимания нормам. Но хотя бы функционально находясь в центре мейнстрима реформирования школы (до сих пор с интернетизацией школы связывают самые радужные надежды на преобразование российского среднего образования), учителя информатики становятся включенными наблюдателями всевозможных экономических игр, сопутствующих реализации национального проекта. Перечислим лишь несколько сюжетов, промелькнувших в наших разговорах.

Согласно основным условиям национального проекта школам оплачивается интернет-трафик и непосредственное подключение компьютеров. Остальные инициативы (оснащение компьютерного класса, модернизация компьютеров, покупка софта, расходные материалы, различная периферия – принтеры, мультимедиа-проекторы, сканеры, ксероксы и т. д.) – а значит, и расходы – должны реализо-

вывать сами школы⁶. Здесь возникают всевозможные казусы. Для того чтобы РОНО обеспечило подключение Интернета, требуется наличие локальной сети в школе, без которой подключение невозможно. Ресурсы для построения сети в программе не заложены; школа должна организовать ее на собственные средства, при помощи спонсоров. Видимо, отсутствие желания изымать из и без того скудного бюджета некоторую сумму привело к возникновению ситуации псевдоотчетности и псевдоподключения в одной из наших школ.

“Вот я учитель информатики. Когда я пришла, там не было Интернета. Я говорю: как же – нет? Когда я сунулась там у себя дома уже в Интернет – и там написано, что школа уже два года как подключена! Более того, IP-адреса школы оказались занятыми – 50 адресов. Ответственный за подключения школ в районе, заведующий окружным управлением образования, был в курсе сложившейся ситуации; названная причина – отсутствие локальной сети в школе и, следовательно, невозможность подключения. <...> Это же золотое дно. По идее, я вот сейчас на свой компьютер, на свой сервер подключу все близлежащие дома; мне бы только помощнее память, но это стоит копейки, и это мгновенно окупится, вот через месяц. Видимо, так там и делалось. Это же как сотовая связь – ничего не стоит. Надо за этим следить. Я не знаю, вправе он их давать или нет. Может, это от Лужкова пришло. Но я не знаю, мне ничего, никакого приказа не приходило” (НС).

Второй аспект технического обеспечения касается наличия и качества компьютеров в классах информатики. В классах в среднем около 10–12 компьютеров. Внешне они выглядят вполне современно, что не всегда соотносится с их “наполнением”.

“Вы понимаете. Когда стоят машины Pentium-4, но начинка такая, которая... Ну, скажем, процессор, CD-ROM – можно иметь могучий процессор, но такие остальные параметры в начинке, что его высокоскоростная работа ничего не даст” (ЛС).

“Ой, такие старенькие, еще «целерончики» стояли тут раньше. Если бы тут мне сеть на таком делали – ничего бы не выдержало” (НС).

Сокращение реальной производительности компьютера – лишь один из аспектов экономии. Второй связан с известной бережливостью некоторых администраций школ, когда вполне осознанно недоукомплектовываются компьютерные классы.

⁶ Решение о подобном разделении финансовых потоков было принято на федеральном уровне. И хотя чиновники всех категорий время от времени возвращаются к легитимизации акцента на интернет-образование, их выбор не вполне очевиден. Так, на интернет-конференции в Yandex Д. Медведев пытался обосновать решение правительства через отсылку к перспективе “обычного пользователя”, никак не комментируя, что она собой представляет: “Где-то год назад мы начали заниматься проектом в области образования, и у нас была дилемма – как поступить? Предложение, которое было сформулировано изначально, в рамках того финансирования, которое уже было выделено, заключалось в том, чтобы частично подключить российские школы к Интернету. А к тому времени у нас процентов пять школ в России было подключено, а на оставшуюся часть денег – на довольно такую солидную часть денег – закупить, как принято говорить, “железа”, для того чтобы поставить новое оборудование, новые компьютеры, новую технику в школы.

“А типичная ситуация – я спросила у этих ребят из Formoza, которые нам устанавливали компьютеры, они говорят: обычно привозим, и сразу один – в кабинет директора, один – секретарю, парочку оставьте в классе, а остальные даже не распечатывайте. Уберите туда-то” (НС).

Деньги из районного или городского бюджета не выделяются на обеспечение школ необходимыми программами. Фактически все программы школы достают самостоятельно – начиная от Microsoft Office и заканчивая графическими редакторами

Если в первом варианте экономической игры на первый план выходят мотивы элементарной наживы, во втором экономическая выгода получается путем снижения издержек.

Наконец, отдельный разговор следует вести о программном обеспечении школьного образования. Дело А. Поносова, всколыхнувшее общественное мнение, открыло типичную не только для школ ситуацию повсеместного умышленного или неумышленного использования нелегального программного обеспечения. Официально работать исключительно на лицензионном программном обеспечении должны не только школы, но школы входят

в особую область морали, в которой любые отклонения могут быть возведены в ранг национальной драмы. Лозунги “Дети – наше будущее!”, “Дети – это святое!” входят не только в публичный, но и в частный дискурс, а значит, здесь можно мобилизовать общественное мнение без особых медиазатрат. Далее, использование пиратских программ – преступление, использование их в стенах школы – преступление еще более тяжкое. Ведь часть ответственности перекладывается и на государство, которое позиционирует себя как верховный покровитель общего среднего образования. Этого суверена трогать в модернизируемом обществе чрезвычайно опасно. Экономические выгоды от возможных сделок не идут ни в какое сравнение с возможными рисками. Но это лишь одна, моральная сторона. Другая, обыденная, заключается в том, что на домашних компьютерах этих же детишек установлены все те же пиратские программы, купленные на одном из московских рынков, в рамках абсолютно свободного, читай – легального, обмена. Конечно, в такой ситуации здравый смысл берет верх над соображениями морали.

“Вот в учебниках по информатике, вот у того же самого Угриновича – у него все вот по поводу всех этих лицензионных программ и всего прочего. Ну, как бы, не секрет, что все работают с Word’ом и Excel’ем, а у него там Word pad, например, который вообще, это блокнот тот же самый. Я понимаю, что он там юридически как бы соблюдает как бы все и вся... А нормальный Word 600 долларов стоит... Может, как-то с кодами для школы закупать, чтобы я могла его сама ставить, я не знаю...” (НС).

Еще более занятно в этой логике то, что деньги из районного или городского бюджета не выделяются на обеспечение школ необходимыми программами. Ни районо, ни другие инстанции, ответственные за интернетизацию школ, не предоставляют ни программного обеспечения, ни дополнительных программных ресурсов. Фактически все программы школы достают самостоятельно – начиная от Microsoft Office и заканчивая графическими редакторами.

“НС: Антивирус у меня стоит, опять же, дома скаченный. Потому что Касперского на Celeron ставить – это же караул. Они тормозят страшно.

ИС: Ну, вот Вы говорите, что сами скачали, сами из дома принесли.

НС: Да, нам ничего не дают. Нам дают 100 рублей на литературу...”

Так поддерживается элементарная теневая экономика, основной вдохновитель которой, как это ни парадоксально, само государство.

Итоги

Посетив три, казалось бы, разные школы (обычная школа, лицей и школа с углубленным изучением английского языка), мы услышали от учителей информатики очень похожие истории о диктате со стороны вышестоящих организаций, необходимости совершать постоянные подмены в программе, нежелании проявлять хоть какую-то инициативу, выходящую за рамки личных интересов; нам поведали истории об отсутствии реальной помощи в компьютерном оснащении школы, разобщенности как со своими коллегами по цеху, так и с другими предметниками.

Все наши собеседники пришли в школу под давлением жизненных обстоятельств: кого-то подтолкнула необходимость устроить в школу детей, кого-то – проблемы с материальным положением, кого-то – банальная неустроенность. Никто специально в школу не рвался, никто не расценивает это как профессиональный или жизненно необходимый выбор. И хотя поначалу у наших собеседников был интерес к новому делу, им хотелось проверить границы собственной компетенции, постепенно энтузиазм сошел на нет и уступил место общепринятой бюрократической игре во взаимное исполнение бессмысленных (с точки зрения исполнителей) обязательств. В результате вырисовывается картина “жизненного мира” учителя информатики, в которой основное место занимает недовольство текущей ситуацией, связанное с постепенно наступившим отчуждением от учебного процесса, все дальше уходящего в сферу неразделяемой рациональности (рис. 2).

Рис. 2. Карта “жизненного мира” учителя информатики, сконструированная в личных беседах

В такой ситуации любые реформы образования, опирающиеся на опосредованные формы отчетности, обречены на неудачу. Фабрикация согласия играть по установленным правилам, отсутствие реальной обратной связи и подмена ее некоторыми фиктивными изображениями создают непреодолимую преграду любым нововведениям⁷.

Однако сконструированная перспектива заведомо локальна. Она определена местом и временем коммуникации в неменьшей степени, нежели сущностными моментами, задающими и определяющими работу учителя информатики, которые мы постарались эксплицировать (рис. 2). Наши разговоры и последующие усилия по написанию этого текста – не более чем очередное переключение или фабрикация, задающая новую реальность, формирующая новый фрейм. Отсюда возникает весьма продуктивный ряд исследовательских задач: сконструировать некоторую значимую для нас позиционность перспективы “ключника”, обозначить недостающие элементы схемы и наметить стратегии по их наполнению.

Важнейшим элементом смысловых конструкций, первоначально задающим интригу исследования, являлся общий фон, на котором проходят реформы в сфере образования, в частности, попытки компьютеризации и информатизации средней школы. Всплывающая в бюрократической среде риторика эффективности реформ, как правило, не выходит за рамки образных фигур речи. Тем не менее накал, с каким идет обсуждение востребованности и необходимости проведения преобразований, постоянно возникающие в медиа информационные поводы, отсылающие читателя (зрителя, слушателя) к образованию (шумиха вокруг ЕГЭ, репортажи из сельских школ, дело Поносова и т. д.), указывают на весьма значимую размерность возможной пропозиционной карты.

Второй критерий в конструируемом двумерном пространстве можно определить как включенность или исключенность учителя информатики из школьного коллектива, разделение им педагогических ценностей, норм, установок, ве-

рований, определяющих и задающих статус и мировоззрение педагога (рис. 3). Если первый критерий возник из общих представлений, предшествующих полевым работам, то второй сформировался в поле, в точном соответствии с так называемой приземленной теорией (grounded theory).

Каково наполнение оставшихся трех квадратов? Насколько различается их содержание? Переходит ли хотя бы часть выделенных в нашей коммуникации сущностных описаний на другие типы социального взаимодействия, другие перспективы? Является ли выделенная нами перспектива настолько локальной, что при малейшем изменении контекста наши собеседники готовы от нее отказаться? Или, на-

оборот, мы ухватили типичные черты, устойчиво проявляемые в конструируемой многими акторами реальности, и никакие усилия отдельных учителей не могут кардинально изменить предзаданную структуру различений?

Так мы идем дальше, разматывая клубок исследовательской практики, интерпретируя разговоры своих собеседников, пытаюсь прояснить основания смы-

⁷ Видимо, неслучайно в одной из бесед сотрудник российского отделения Всемирного банка, участвующий в проектах по образованию, назвал учителей информатики “ключниками”, сидящими в своих комнатах.

Фабрикация согласия играть по установленным правилам, отсутствие реальной обратной связи и подмена ее некоторыми фиктивными изображениями создают непреодолимую преграду любым нововведениям

Рис. 3. Позиционная карта отношения к реформам и личному участию в делах школы со стороны учителей информатики

слового конструирования нашей совместной коммуникации. “Люди действуют под влиянием того, что им (и они сами – ДР) говорят, и эти действия в свою очередь становятся неотъемлемой частью жизненного мира” [Гофман. 2004. С. 610]. Хотя “ни один участник разговора не может поручиться за то, что именно понял другой” [Гофман. 2004. С. 626], мы надеемся, что сумеем посредством “разговоров” подобраться к тому пониманию ситуации, которое объединяет наши (респондентов, исследователей и читателей этого текста) представления об этой реальности, сколь бы фантастической и неопределенной или банальной и очевидной она ни представлялась. ■

Литература

- Franklin Cb.* Factors that influence elementary teachers use of computers // Journal of Technology and Teacher Education. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 267293.
- Herrington A., Herrington J., Kervin L., Ferry B.* The design of an online community of practice for beginning teachers // Contemporary Issues in Technology and Teacher Education. Vol. 6. 2006. No. 1. P. 120132.
- Pajares M.F.* Teachers' beliefs and educational research: Cleaning up a messy construct // Review of Educational Research. 1992. Vol. 62. No. 3. P. 307332.
- Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; Вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006.
- Мани Д.* Цена свободы – подотчетность // Директор школы. 1993. №2.
- Рогозин Д.М.* Ситуационный анализ по Адель Кларке // Человек. 2007. № 1. С. 38–48.
- Шмерлина И.* Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование” // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 519.

К журналистам в нашем обществе всегда было особое отношение. Оно формировалось не просто десятилетиями, но эпохами – пусть не очень продолжительными, но глубоко своеобразными периодами российской истории XX века. И особенно – ее резкими переходами, во время которых ломалась старая жизнь и “простым гражданам” открывался “момент истины”. Последнее часто было заслугой журналистов – ведь, как принято считать, их миссия и состоит в том, чтобы “*довести до среднего человека истину*”, “*донести до народа то, что есть на самом деле, правду*”, чтобы “*была истинная правда в жизни*”¹.

И. Шмерлина

Российский журналист: декомпозиция имиджа?

Сегодняшний имидж журналиста противоречив и многолик: в массовом сознании присутствует и ностальгически очищенное воспоминание о журналисте советского времени – интеллигентный, эрудированный, он не только умел правильно и красиво говорить, но и был искренним “борцом за правду”, часто выступая последней защитой и упованием людей, ищущих справедливости; и благородный лик преданного рыцаря перестройки – без таких сама перестройка вряд ли была бы возможна; и образ развязного комментатора, речь которого изобилует безграмотными и вульгарными оборотами, что, впрочем, несколько не снижает его напористости и уверенности в своем безусловном праве наставлять “народ”.

Неслучайно респонденты, пытаясь описать “современного российского журналиста”², говорили как о его принципиальности, независимости от каких-либо структур, неподкупности, стремлении “*объективно давать информацию*” (13%), так и о беспринципности, продажности, нечистоплотности (6%). Одни отмечали образованность, эрудированность, высокий интеллектуальный уровень российских журналистов (9%), другие отзывались о них как о “*хамоватых ребятах, везде сующих свой нос*” (7%).

Кто-то полагает, что журналист работает для того, чтобы донести до людей правду (9%), кто-то считает его главной целью карьеру, стремление “*выделить се-*

¹ Общероссийский опрос от 2–3 июня 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Ответы на открытый вопрос “*Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...*”

² Ответы на открытый вопрос “*Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского журналиста. Как Вы себе его представляете?*”

бя”, “завоевать славу”, “наработать себе имя”, “повысить свой рейтинг” (6%). Для одних журналист предстает в образе патриота, который пишет, говорит, выступает, исходя из высоких идейных побуждений – чтобы “была хорошая жизнь у страны” (6%), другие в своих ответах воспроизводят образ беспринципного баламута, возмутителя спокойствия, живущего “в погоне за сенсацией”, ради создания ажиотажа готового “врать”, “дурить народ”, “запудрить мозги людям...” (4%)³. Что стоит за этими ответами: просто несовпадающие мнения отдельных людей о журналистах или симптомы, свидетельствующие о трансформации имиджа представителя этой своеобразной и столь нужной обществу профессии?

Симптомы “расколотого имиджа” можно увидеть и в том, как распределились ответы респондентов на два содержательно очень близких вопроса: об уважении к журналисту и о престижности его профессии. В массовом сознании доминирует представление о том, что работать журналистом в нашей стране престижно, – это мнение разделяют 63% респондентов (противоположных взглядов придерживаются 16%, а 21% участников опроса затруднились ответить на вопрос). Между тем лишь каждый второй россиянин (53%) полагает, что журналисты сегодня пользуются уважением в обществе (чуть более четверти – 27% – разделяют противоположную точку зрения, а каждый пятый – 20% – не имеет мнения на этот счет).

Судя по этим данным, значительная часть россиян воспринимает журналистику как престижную профессию, представители которой не пользуются в обществе уважением. Показательно, что подобное же противоречие характеризует отношение людей к должности “чиновник”. Фактически вопросы о престиже и уважении создают своего рода “операциональную вилку”, которая позволяет зафиксировать ценностное напряжение в массовых представлениях об определенных видах деятельности.

Впрочем, несмотря на подобные ценностные “разрывы” и стоящие за ними тенденции, о которых речь пойдет ниже, массовое сознание по-прежнему удерживает более или менее целостный и в общем позитивный образ журналиста, скомпонованный из устойчивых представлений и мифов об этой профессии.

Одним из таких прочно утвердившихся, осевших в массовом сознании убеждений является представление о том, что журналист – тяжелая профессия. Это мнение разделяют подавляющее большинство наших сограждан (87%). Лишь 4% опрошенных полагают, что у журналистов легкая работа, а 9% воздержались от однозначной оценки.

Определенное единодушие наблюдается и в оценке такого параметра работы журналиста, как профессионализм. Половина участников опроса (52%) оценивают его высоко.

В два с лишним раза меньше доля полагающих, что у большинства современных журналистов низкий уровень профессионализма (21%); 27% затруднились оценить их профессиональный уровень.

Отвечая на вопрос, произошли ли за последние 3–5 лет какие-либо изменения в профессиональном уровне российских журналистов, участники опроса

Как принято считать, миссия журналиста состоит в том, чтобы “довести до среднего человека истину”, “донести до народа то, что есть на самом деле, правду”

³ Ответы на открытый вопрос “Закончите, пожалуйста, фразу: «Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...»”

значительно чаще говорили, что он вырос, нежели заявляли, что он снижается (45 и 8% соответственно). По мнению 23% респондентов, профессиональный уровень российских журналистов за указанный период не изменился, столько же (24%) затруднились оценить перемены в этой области.

Почти половина опрошенных (48%) считают, что российские журналисты в целом объективно освещают происходящие в стране события. Треть (32%) придерживается противоположной точки зрения, а пятая часть (20%) затруднились с ответом. Сравнение этих данных с опросами 2000–2001 годов⁴, когда россиянам задавались аналогичные вопросы, показывает определенный рост доверия населения к информации, поставляемой журналистами: так, в 2000 году лишь 42% считали ее объективной, а 45% оценивали как необъективную.

Между тем, если говорить о доверии к самим журналистам, то здесь наблюдается скорее обратная – хотя и слабовыраженная – тенденция: шесть лет назад почти половина россиян (47%) заявляли о своем доверии журналистам, сегодня – 44%. Стоит подчеркнуть, что вопрос о персональном доверии оказался весьма чувствительным индикатором, фиксирующим поляризацию общественного мнения по исследуемой проблеме. Сегодня в обществе почти поровну тех, кто доверяет журналистам, и тех, кто отказывает им в доверии (44% и 41% соответственно; 15% затруднились с ответом на этот вопрос).

Если сопоставить ответы на рассмотренные выше вопросы с учетом присущей этим данным динамики, можно говорить, что в обществе растет доверие к информации, которую оно получает через журналистов, но становится более сдержанным отношение к “поставщикам” этой информации, к их персональным, человеческим качествам. Эти противоположно направленные тенденции свидетельствуют о том, что в российском массовом сознании идет переоценка роли, приписываемой людям, “от которых <мы> узнаем новости”.

Этот вывод в определенной степени подтверждается и динамикой мнений о характере влияния журналистов на общественную жизнь страны. В целом в дан-

ном вопросе сегодня, как и шесть лет назад, наблюдается высокая степень согласия. Убеждение в том, что влияние журналистов позитивно, явно преобладает над любой иной точкой зрения – сегодня его разделяют 45% россиян, в то время как об отрицательном влиянии заявляют 13%, а об отсутствии сколько-нибудь серьезного влияния на общество – 23% респондентов (19% затруднились ответить на вопрос).

Суждения о позитивном характере журналистского влияния преобладали и шесть лет назад, однако распределение ответов тогда было несколько иным. О положительном влиянии говорил каждый второй (49%), а об отрицательном – почти каждый пятый (18%, что на 5 п.п. больше соответствующей доли сегодняшних ответов). В 2001 году

была заметно (на 7 п.п.) ниже доля тех, кто отказывал журналистам во влиятельности (она составляла 16%, в то время как сегодня, напомним, 23%). Последнее обстоятельство позволяет предположить, что российское массовое сознание

⁴ Опросы населения 4–5 ноября 2000 года и 16–17 июня 2001 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Сегодняшний имидж журналиста противоречив и многолик: в массовом сознании присутствует и ностальгически очищенное воспоминание о журналисте советских времен, и благородный лик преданного рыцаря перестройки, и образ развязного комментатора

постепенно расстается с представлением о журналистах как об особой идейно-нравственной силе, дающей обществу не просто текущую информацию, но ценностные ориентиры развития.

Когда-то в людях, умеющих излагать свои мысли и чувства в литературной форме, видели “совесть нации” (“поэт в России – больше чем поэт”). Эту особую “литературно-духовную” миссию общество возлагало и на журналистов, тем более что они, как считалось, обладали бесценным информационным ресурсом – привилегированным доступом к “правде”. Из этого специфического сплава, идейно-нравственного подвижничества и эксклюзивной информированности, отлит идеальный образ отечественного журналиста – “борца за справедливость”, и именно его чаще всего упоминали люди, когда их просили: *“Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского журналиста. Как Вы себе его представляете?”*

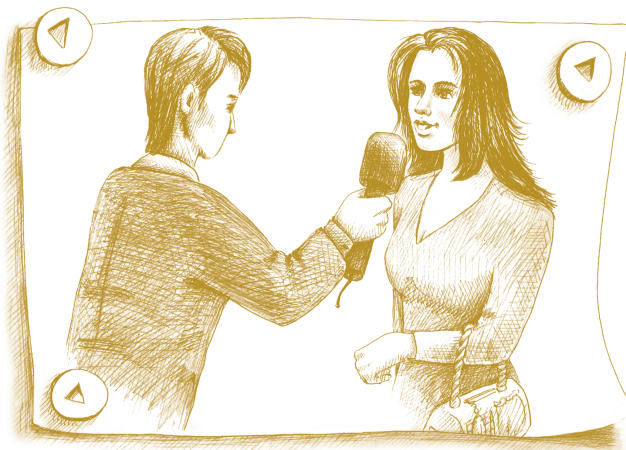
“Неподкупный, правдивый, борец за справедливость”; “должен писать правду, чтобы информация до людей доходила не ложная, а истинная”; “человек, который стремится объективно давать информацию, которого нельзя подкупить”, “не зависит от каких-то структур его объективность”; “правдивый, честный, непродажный” (13%; ответы на открытый вопрос).

Еще ярче акцент на особую миссию журналиста, который не просто добывает разную информацию, но борется за правду, открывает людям глаза, прозвучал, когда участников опроса попросили: *“Закончите, пожалуйста, фразу: «Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...»”*

“Была истинная правда в жизни”; “высказать всю правду”; “выявить правду”; “глаза открыть гражданам”; “для того, чтоб не вводит в заблуждение людей”; “довести до среднего человека истину”; “донести до народа то, что есть на самом деле, правду”; “люди знали правду о происходящем в стране”; “народ должен получать объективную информацию”; “борется за справедливость” (9%; ответы на открытый вопрос).

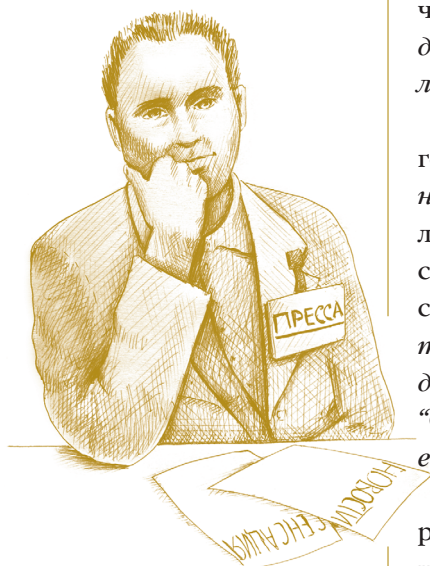
Образ журналиста – борца за справедливость, рыцаря правды, дающего духовно-нравственные ориентиры простым людям, – получает дополнительные коннотации в суждениях, в которых он описывается как человек, стремящийся *“преподнести нам свои мысли”, “высказать читателю свое мнение по какому-либо поводу”, “раскрыть свое мнение о событии”, “настоять на своей точке зрения”,* чтобы *“люди больше прислушивались к мнению жизни”,* чтобы *“дать нам возможность правильно думать”*⁵.

Такой журналист – конечно, *“патриот”, он “работает для народа”*⁶, чтобы *“изменить жизнь людей к лучшему”,* чтобы *“была хорошая жизнь у страны”,*

⁵ Из ответов на вопрос *“Закончите, пожалуйста, фразу: «Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...»”*

⁶ Из ответов на открытый вопрос *“Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского журналиста. Как Вы себе его представляете?”*

чтобы “крепла Родина” и “материальное и нравственное благосостояние народа улучшилось” (6%; ответы на вопрос “Закончите, пожалуйста, фразу: «Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...»”).

Однако чаще всего, рассуждая о том, для чего работают журналисты, люди говорили об информационной составляющей их деятельности: чтобы “дать новости”, “дать информацию оперативно” (35%). В глазах некоторых журналист – это своего рода “информационная воронка”, в которую стягиваются последние новости о том, что происходит в ближнем и дальнем мире: он находится “в центре событий”; “журналист сегодня должен быть на гребне всех событий в стране и за рубежом”; “который все везде знает”; “его работа – нести людям новости”; “работа – охота за информацией” (6%; ответы на вопрос “Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского журналиста. Как Вы себе его представляете?”).

Подобные ответы и в целом качественные и количественные данные опроса, взятые в своей совокупности, позволяют предположить, что в общественном сознании происходит декомпозиция традиционного образа журналиста. Сегодня ему сравнительно редко приписывают духовную самоотдачу и нравственное подвижничество, но от него по-прежнему ожидают активности, любознательности, высокого интеллектуального уровня, компетентности в освещаемых вопросах, профессионального владения словом и коммуникабельности⁸. Он перестает быть духовным поводырем и превращается в профессионала, чья “работа – нести людям новости”, быть информационным посредником между огромным, необъятным внешним миром и рядовым человеком с его узко ограниченным полем зрения. От такой работы ждут оперативности и объективности, но вопрос о персональной доверии к ее исполнителю становится малоуместным.

Однако со старыми идеалами расставаться непросто. Многие респонденты, описывавшие журналиста как работника информационного фронта⁹, осознанно или подсознательно дополняли “новый” образ чертами, идущими из “миссионерского прошлого” этой профессии. Журналист, настаивали респонденты, должен не просто освещать события, но производить ценностную селекцию информации, актуализировать острые проблемы, привлекать к ним внимание общества, чтобы “было известно простым людям, что происходит в мире”; “донести до людей острые вопросы, проблемы”; “люди знали о всем, что делает правительство”; “не только информацию донес, но и заострить вопрос”.

Наряду с далеким от завершения процессом декомпозиции романтического образа журналиста – борца за справедливость в массовом сознании складывается новый образ – “ньюмейкера”, ничуть не похожего на журналиста старой генерации. Если первые “выявляют правду”, то вторые “делают новости” – особый информационный продукт, пользующийся спросом, но не имеющий ника-

⁸ Эти требования прозвучали в ответах на открытый вопрос “Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского журналиста. Как Вы себе его представляете?” (статистический вес каждого из них – от 3 до 9%).

⁹ Напомним, статистически это наиболее весомая группа ответов на открытый вопрос “Закончите, пожалуйста, фразу: «Журналисты пишут, говорят, выступают, чтобы...»” – она составляет 35%.

кого отношения ни к правде, ни к справедливости, ни к благу России. “Наглый”, “навязчивый” представитель этой новой генерации “гоняется за желтой уткой”, стремится “урвать какую-то сенсацию”, “собирает всю грязь”, “везде сует свой нос”, “куда ему нужно, туда и пройдет”, – таким он предстает в ответах 7% респондентов. Этот новый журналист зависим и продажен – “за деньги маму продаст” (6%), он думает о своей карьере (6%), или о рейтинге своего издания (1%), или просто лоббирует чьи-то интересы (1%).

В сегодняшней России работают и честные профессионалы, и верткие “нью-мейкеры”. Впрочем, наши респонденты чаще говорили о журналисте первого типа, образ которого подсвечен ореолом его благородных предшественников.

* * *

В анализе изменений, происходящих в имидже журналиста, полезно обратить внимание на ответы россиян, живущих в Москве и мегаполисах, и сопоставить их с данными по общей выборке и прежде всего – с ответами, полученными от сельских жителей. Расхождения, которые здесь наблюдаются, неслучайны. Известно, что новые тенденции общественного мнения зарождаются обычно в центрах, живущих наиболее насыщенной культурной / социально-политической жизнью (впрочем, это справедливо по отношению к любым феноменам – как духовного, так и поведенческого плана).

Если проанализировать под этим углом зрения те довольно резкие несоответствия, которые наблюдаются между ответами жителей российской глубинки и мегаполисов, то тенденции, описанные выше, получают дополнительные обоснования. Наиболее позитивно журналистов воспринимают на селе, где половина граждан испытывает к ним доверие, 53% убеждены, что их влияние на общество позитивно, а 57% полагают, что они пользуются уважением в обществе.

Иначе относятся к журналистам в Москве и других мегаполисах: в столице доверяют им 30%, а 53% – не доверяют (в других мегаполисах – 40% и 51% соответственно; в селах не доверяют людям этой профессии 35%). Полагают, что журналисты пользуются уважением своих сограждан, 36% жителей Москвы, а 42% убеждены в обратном. Треть москвичей (32%) утверждают, что влияние журналистов на российское общество благотворно (в целом по выборке, напомним, 45%, на селе – 53%), а 29% заявляют, что они вообще не влияют на жизнь страны (на селе так считают 19%). По мнению 22% москвичей, журналистское влияние на общество в целом негативно (на селе это мнение поддерживают лишь 9%).

Половина сельских жителей (50%) доверяют информации, которая идет от журналистов, считают ее объективной; недоверяющих в сельской местности в два раза меньше (25%). Среди москвичей лишь 36% воспринимают эту информацию как достоверную, а 45% отказывают ей в доверии (в других мегаполисах – 46% и 38% соответственно).

В связи с этим стоит отметить, что 29% респондентов-москвичей из всех существующих источников оперативной информации о событиях в стране предпочитают Интернет (табл. 1); по этому показателю Москва заметно опережает и иные города, и села.

В массовом сознании доминирует представление о том, что работать журналистом в нашей стране престижно. Между тем лишь каждый второй россиянин полагает, что журналисты сегодня пользуются уважением в обществе

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Тип места жительства				
		Москва	мегаполис	большой город	малый город	село
Как Вам кажется, где сегодня можно получить наиболее объективную информацию о событиях в России – по телевидению, из газет, по радио или в Интернете?						
По телевидению	58	45	49	58	59	65
Из газет	5	10	5	6	5	4
По радио	4	2	3	2	5	3
В Интернете	16	29	12	15	18	11
Нигде	8	10	15	9	6	5
Затрудняюсь ответить	9	3	15	9	8	11

Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом или курсивом.

Вообще примечательно, что Интернет повсеместно, во всех поселенческих группах вышел на второе место после телевидения. Россияне упоминают его в качестве наиболее достоверного источника информации почти в два раза чаще, чем газеты и радио вместе взятые. За этим можно различить тенденцию, смысл которой состоит в смещении внимания и доверия от традиционных, сильно персонифицированных способов подачи информации к более обезличенной и в оценочном плане более объемной информации, которую содержат интернет-ресурсы. Возможно, данная тенденция обусловлена не только расширением доступа к этому альтернативному источнику сведений, но и структурными переменами, которые претерпевает имидж российского журналиста. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Что, по Вашему мнению, означает слово “инфляция”?

– Это достаток семьи, помноженный на государственную безалаберность.

***

– Зачем, по Вашему мнению, нужны политические партии?

– Россия большая, пускай разделяют и правят.

***

– Почему Вы не обменяли бы свою квартиру на частный дом с городскими удобствами в пригороде?

– Я, конечно, люблю природу, но не в таких количествах.

– Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информации, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?

– В Челябинске продавали игрушки непонятно какого пола – то ли мужчина, то ли женщина.

***

– Почему Вы считаете, что московские власти поступили правильно, запретив представителям сексуальных меньшинств проведение парада?

– Если ты меньшинство, то и сиди молча.

– В чем состоит главная, самая серьезная неудача В. Путина за время его работы на посту президента России?

– Полагается только на внутренние органы.

(Из опросов ФОМа)

В. Максимова

Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: *поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД?*

Каждый водитель желает стать пешеходом, а каждый пешеход хочет стать водителем. Когда они меняются ролями – забывают про это сразу и навсегда.

Юрий Деточкин (к/ф “Берегись автомобиля”)

Сотрудники ГИБДД бьют тревогу: отчеты о погибших и пострадавших на дорогах становятся все больше похожи на сводки с поля боя. “Только в 2006 году в 230 тысячах ДТП погибло 32 000 человек. А за первые месяцы этого года на дороге погибло на 20% больше россиян, чем за аналогичный период прошлого года”¹.

Действительно, сегодняшняя ситуация на дорогах России напоминает “бронзовое движение”. К этому хаосу многие начали привыкать, и игнорирование правил водителями, да и пешеходами уже нередко воспринимается как норма.

Водители возмущаются безответственностью пешеходов, когда те выходят на проезжую часть там, где это запрещено; иногда просто идут по ней, вместо того чтобы двигаться по тротуару; часто внезапно появляются на дороге, обходя автобус не с той стороны. Пешеходы рассчитывают на то, что водители должны соблюдать правила и быстро реагировать (“не трамвай – объедет”), не учитывая при этом, что тоже являются участниками дорожного движения, для которых существуют определенные правила.

Впрочем, у пешеходов, в свою очередь, тоже есть серьезные поводы для недовольства. Сегодня они не чувствуют себя в безопасности, даже переходя улицу по “зебре” на зеленый сигнал светофора. Да и на тротуаре никто не гарантирован от серьезной травмы: автомобилисты, экономя время, часто объезжают пробки по пешеходной дороге.

Конфликт интересов водителя и пешехода, бесспорно, существует. Каждый из его участников, наблюдая полное неуважение другой стороны, порой ощущает себя чуть ли не на гражданской войне. По прогнозам Министерства промышленности, науки и технологий, к 2010 году на одну тысячу россиян будет приходиться 245 автомобилей (сейчас их 140). Такая автоэкспансия только повысит напряженность отношений водителей с пешеходами.

¹ Из выступления В. Плигина в Госдуме 16 марта 2007 года.

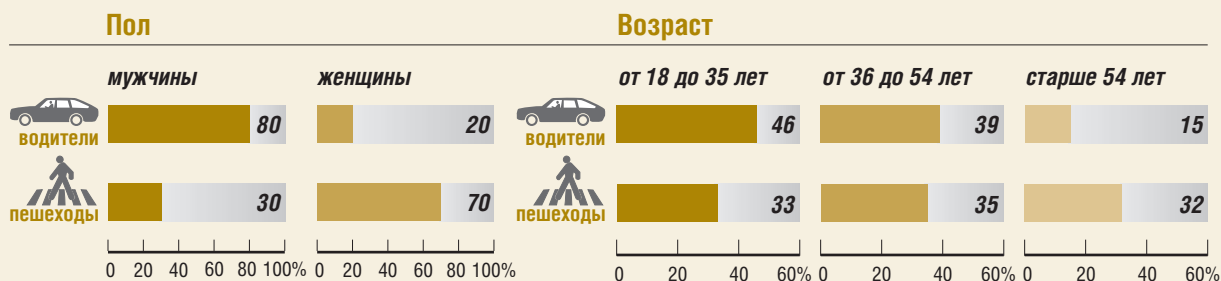

График 1

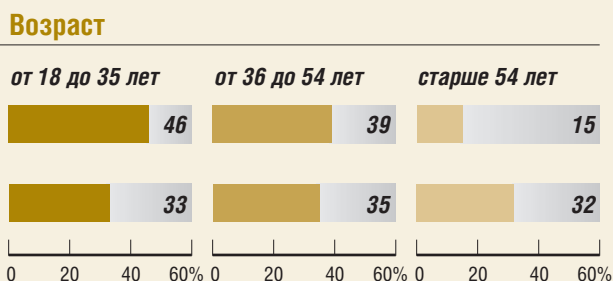

График 2

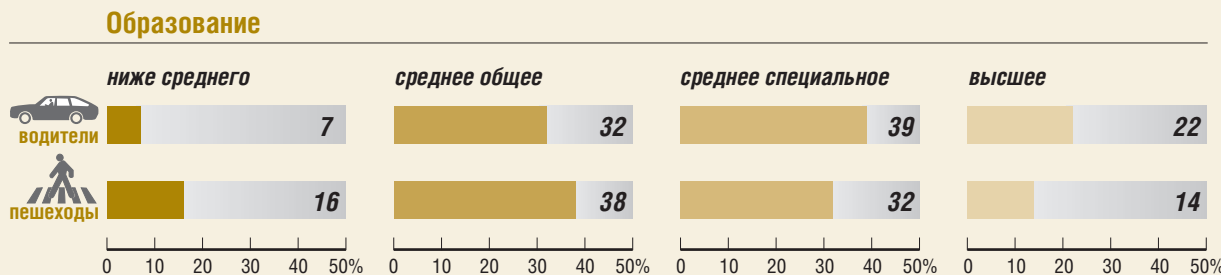

График 3

Как видят автомобилисты и люди, не садящиеся за руль, проблему безопасности движения? Считают ли “стороны” эффективной мерой для разрешения критической ситуации на дорогах ужесточение наказаний за нарушение Правил дорожного движения? И как они относятся к работе Госавтоинспекции, призванной обеспечивать соблюдение этих правил?

Но прежде чем подробно рассмотреть мнения водителей и пешеходов о дорожном движении и мерах по разрешению существующих проблем, небезынтересно взглянуть на социальные портреты обоих наших “персонажей” – водителя и пешехода.

Согласно данным опроса², никогда не садились за руль автомобиля 67% россиян. Эту группу мы будем называть “пешеходами”. Треть опрошенных (33%), по их словам, водят машину, причем 22% управляют автомобилем часто, а 11% – редко. Эта группа – “водители”.

Самое значимое различие между водителями и пешеходами – гендерное: среди первых безоговорочно преобладают мужчины, среди вторых – женщины. Кроме того, водители в среднем моложе пешеходов, а их образовательный уровень выше, чем у последних (графики 1–3).

Безопасность дорожного движения

Безопасность дорожного движения в своем городе, регионе респонденты оценивают довольно низко. Только по 8% водителей и пешеходов заявили, что там, где они живут, ситуация с безопасностью хорошая, 36% первых и 38% вторых назвали ее удовлетворительной, но чаще всего положение дел называют плохим: такую оценку дают 53% водителей и 43% пешеходов. По сравнению с данными

² Здесь и далее по умолчанию используются данные общероссийских опросов населения от 31 марта – 1 апреля и 7–8 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

2006 года³, мнение водителей о ситуации на дорогах ухудшилось: тогда 12% оценивали ее как хорошую, 45% – как удовлетворительную, 42% – как плохую; в представлениях пешеходов существенных изменений не произошло.

Половина участников опроса (среди водителей – 47%, среди пешеходов – 55%) утверждают, что там, где они живут, ситуация с безопасностью движения за последние год-два не изменилась. Улучшения отмечают лишь 14% водителей и 11% пешеходов. О снижении безопасности на дорогах говорят 34% первых и 23% вторых. Итак, автомобилисты чаще пешеходов оценивают ситуацию на дорогах как опасную и чаще отмечают ее ухудшение за последние годы. Возможно, это связано с тем, что, как признаются две трети водителей (65%), они и сами временами нарушают ПДД; правда, подавляющее большинство из них (57% всех автомобилистов) утверждают, что делают это редко. Утверждают, что никогда не нарушают дорожных правил, 33% водителей (табл. 1).

Возможно также, что более мрачное восприятие дорожной ситуации свойственно водителям потому, что они чаще включены в нее на длительное время, а следовательно – имеют более полную информацию и реже затрудняются отвечать на вопросы о дорожном движении. В частности, 71% водителей (против 61% пешеходов) утверждают, что Правила дорожного движения там, где они живут, нарушаются часто (при этом затруднились ответить, насколько регулярно это происходит, только 7% водителей и вдвое больше – 15% – пешеходов). Впрочем, как мы видим, расхождения во мнениях по этому вопросу между водителями и пешеходами незначительны – все согласны, что с соблюдением ПДД дело худо: только по 18% автомобилистов и пешеходов придерживаются мнения, что правила нарушаются редко, и совсем немногие – 4% первых и 6% вторых – убеждены, что там, где они живут, правила никто не нарушает.

Каков же выход из сложившейся ситуации? Какие действия по улучшению обстановки на дорогах люди считают необходимыми и эффективными? В этом дают возможность разобраться ответы на открытый вопрос о первоочередных мерах по повышению безопасности дорожного движения.

Автомобилисты чаще пешеходов оценивают ситуацию на дорогах как опасную и чаще отмечают ее ухудшение за последние годы

Табл. 1. Водители, нарушающие и не нарушающие ПДД, о дорожной ситуации

% от групп (по столбцам)

	Все водители	Бывает ли, что Вы нарушаете Правила дорожного движения? И если бывает, то часто или редко?		
		не бывает	бывает редко	бывает часто
Доли групп, %	100	33	57	8
Как обстоят дела с безопасностью дорожного движения там, где Вы живете, – хорошо, удовлетворительно или плохо?				
Хорошо	8	9	8	<1
Удовлетворительно	36	40	34	27
Плохо	53	48	54	67
Затрудняюсь ответить	3	3	4	6
Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом или курсивом.				

³ Общероссийский опрос населения от 7–8 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Россияне полагают, что основной помехой для безопасности движения на дорогах страны в первую очередь является состояние самих дорог, – соответственно предлагается принять меры по их ремонту и строительству: об этом говорят 39% водителей и 28% пешеходов (*“асфальт положить, чтобы можно было проехать”, “ямы на дорогах нужно заделать – ездить невозможно”, “построить новые дороги, реконструировать старые”, “делать развязки – учиться у Европы”*). Кроме того, 11% автомобилистов и 10% пешеходов отмечают, что улучшить ситуацию поможет благоустройство дорог: установка светофоров, дорожных знаков, которых сегодня недостаточно (*“нет совсем знаков на дорогах”, “поставить регулируемый светофор на перекрестке”*), также *“необходимо освещение дорог”*. Такие меры, как строительство тротуаров, организация пешеходных переходов, “лежачих полицейских”, называют 8% водителей и 7% пешеходов (*“у нас мало тротуаров – вот и шагаешь по колено в грязи по нашим дорогам, поэтому и сбивают людей”, “пешеходных переходов чтобы было больше”, “«полицейского» полосатого положить на дороги и многое другое”*). По 1% в каждой группе говорят о необходимости упорядочения парковок, автомобильных стоянок и их строительства (*“разгрузить дворы и улицы от парковок, что затрудняет проезд, проход”, “отводить специальные места для парковок и стоянок автомашин”*); 1% водителей убеждены в эффективности такой меры, как своевременная уборка дорог и улиц (*“чистить дороги”*). Все эти меры в той или иной степени относятся к активизации работы дорожных и коммунальных служб по благоустройству и более конструктивной организации движения.

Приблизительно пятая часть водителей (21%) и 11% пешеходов полагают, что улучшению ситуации на дорогах могут способствовать изменения в работе ГИБДД. Причем чаще всего респонденты, называвшие данную меру (11% среди водителей и 6% – среди пешеходов), говорили о необходимости усиления контроля за работой Госавтоинспекции, о борьбе с превышением ее сотрудниками служебных полномочий, с коррупцией в их рядах (*“вести жесткий контроль за сотрудниками ГИБДД”, “контролировать гаишников – одни поборы”*). Кроме того, россияне считают, что ГИБДД должна работать лучше и увеличивать количество патрулей, – об этом говорили 8% автомобилистов и 5% пешеходов (*“лучше и больше работать, а не сидеть в кустах”, “ставить регулировщика в случае поломки светофора”, “чаще рейды проводить”*). Предлагается также (5% водителей и 1% пешеходов) усовершенство-

вать кадровую политику в этой службе и повысить зарплату ее сотрудникам (*“подбор сотрудников и их оклад”*, *“поднять зарплату сотрудникам и подбор кадров”*).

Чуть меньше пятой части респондентов (16% водителей и 18% пешеходов) говорили о необходимости укрепления дисциплины и порядка на дорогах и ужесточения наказаний за нарушение Правил дорожного движения (*“поднять дисциплину среди пешеходов и водителей”*, *“методом наказаний приучить водителей к соблюдению ПДД”*, *“штрафы увеличить водителям и пешеходам за нарушения”*). Есть также примыкающие к этой группе суждения, авторы которых предлагают пересмотреть законодательство в области дорожного движения, в частности – ужесточить наказание за вождение в пьяном виде (*“повысить штрафы за нарушение правил для пьяных водителей”*, *“ликвидировать водителей-пьяниц”* – 1% водителей, 4% пешеходов), усилить контроль за выдачей водительских прав (*“жестче отбирать водителей общественного транспорта, а права водителям выдавать после долгих проверок”*, *“проверить, как права получены, – ездить не умеют”* – 5% и 2% соответственно), ограничить транспортные потоки и снизить скоростной режим (*“ограничить скорость движения в городе”*, *“ограничить движение транспорта у жилых домов”* – соответственно 1% и 4%).

Помимо ужесточения карательных мер и действий по улучшению дорожной инфраструктуры, опрошенные также говорят о необходимости повышения культуры поведения на дорогах, воспитания уважения водителей и пешеходов друг к другу и о необходимости массового обучения Правилам дорожного движения (*“культуру вождения повысить”*, *“взаимопонимание и взаимоуважение водителей и пешеходов”*, *“азбуку дорожного движения пройти всем”* – по 6% водителей и пешеходов).

Таким образом, мы видим, что водители и пешеходы вполне солидарны не только в своем восприятии дорожной ситуации, но и в том, каким образом ее разрешить. Только водители больше внимания уделяют улучшению состояния дорог и изменениям в работе ГИБДД, с которой, без сомнения, они сталкиваются значительно чаще пешеходов, а пешеходы (также ставя на первое место проблемы ремонта и строительства транспортных путей) упирают на необходимость ужесточения законов и наказаний за нарушение Правил дорожного движения.

Отношение к Закону об ужесточении наказаний за нарушение ПДД

Большинство россиян в той или иной степени осведомлены о том, что Госдума планирует ужесточить наказания за нарушение Правил дорожного движения. О принятии соответствующего закона в первом чтении “знают” 54% водителей

Россияне полагают, что основной помехой для безопасности движения на дорогах страны в первую очередь является состояние самих дорог

и 29% пешеходов, “что-то слышали” – 35% и 34% соответственно. Десятая часть водителей и треть пешеходов не знают об этой инициативе Госдумы.

Данные опроса свидетельствуют о широкой поддержке решения ужесточить наказания за нарушение ПДД – его одобряют 61% водителей и 70% пешеходов. Противников этой идеи среди водителей вдвое больше, чем среди пешеходов: 31% против 14%.

Почти половина опрошенных водителей (47%) и более половины пешеходов (61%) ожидают, что ужесточение наказаний приведет к уменьшению числа дорожно-транспортных происшествий. Две пятых автомобилистов (43%) и пятая часть пешеходов (22%) полагают, что ситуация останется прежней.

Однако важно отметить, что само по себе законодательное ужесточение наказаний не кажется россиянам достаточной мерой по дисциплинированию участников дорожного движения – во всяком случае, при сохранении нынешней практики применения этих наказаний. Показательны ответы респондентов на следующий вопрос: “Одни считают, что для повышения безопасности дорожного движения необходимо прежде всего ужесточить наказания за нарушение правил. Другие считают, что наказания ужесточать не надо, но нужно сделать так, чтобы избежать их было невозможно. Какое мнение Вам ближе – первое или второе?”

Солидаризировались с первым мнением 25% водителей и 31% пешеходов. Второе же – поддерживает значительно бóльшая доля опрошенных: 61% автомобилистов и 41% тех, кто машину не водит. При этом больше половины в одной и другой группах (соответственно 56% и 51%) уверены, что если наказания за нарушение Правил дорожного движения останутся прежними, но будут созданы условия, при которых избежать их будет невозможно, количество дорожно-транспортных происшествий уменьшится (полагают, что в этом случае ничего не изменится, 24% водителей и 16% пешеходов).

Водители явно считают ужесточение наказаний за нарушение ПДД менее эффективной мерой, нежели обеспечение неотвратимости расплаты: если в действительность ужесточения наказаний верят, повторим, 47% из них (не верят – 43%), то в действительность повышения неотвратимости наказания – 56% (а не верят – только 24%).

Хотя отношение россиян к идее ужесточения наказаний неоднозначное, позитивных прогнозов все же больше, чем негативных: так, треть водителей (33%) и почти половина пешеходов (47%) думают, что ужесточение наказаний за нарушение ПДД принесет пользу, 28% первых и 20% вторых ожидают как пользы, так и вреда, 18% и 6% соответственно полагают, что оно только навредит (еще 13% водителей и 10% пешеходов утверждают, что ничего не изменится).

Какие именно пользу и вред от ужесточения наказаний за нарушение правил имеют в виду участники опроса, можно судить по их ответам на открытый вопрос о том, какими будут последствия таких новаций.

С одной стороны, четверть водителей и пятая часть пешеходов предполагают, что это приведет к повышению дисциплины и ответственности водителей, к снижению количества нарушений: “бдительность водителей возрастет”, “водители будут думать, прежде чем гонять по улицам”, “будет меньше нару-

Данные опроса свидетельствуют о широкой поддержке решения ужесточить наказания за нарушения ПДД. Противников этой идеи среди водителей вдвое больше, чем среди пешеходов

шений”; 2% водителей и 4% пешеходов заявляют, что пьяные будут реже садиться за руль: “будут бояться садиться за руль пьяными”, “пить меньше будут на дорогах”. Следствием этого станет уменьшение количества аварий, случаев травматизма и гибели людей на дорогах (“меньше катастроф будет”, “аварий меньше, травм меньше”, “меньшая смертность” – 4% автомобилистов и 7% пешеходов) и улучшение ситуации на дорогах в целом (“безопаснее будет на дорогах”, “будет больше порядка на дорогах” – по 3%).

С другой стороны, 29% водителей и 15% пешеходов говорили, что ужесточение наказаний за нарушение Правил дорожного движения приведет к увеличению коррупции среди сотрудников ГИБДД, что возрастет величина взяток (“рост благосостояния сотрудников ГИБДД”, “а наживутся опять гаишники”, “денег больше левых давать будут”). 9% водителей и 5% пешеходов уверены, что богатые и влиятельные люди по-прежнему будут откупаться от наказаний, а пострадают бедные (“богатые будут нарушать, а щетки долетят до неимущих”, “богатым все равно, а бедным плохо”).

Некоторые респонденты (9% водителей и 4% пешеходов) считают, что ужесточение наказаний ничего не изменит или количество нарушений даже возрастет (“все останется, как и было”, “еще больше будет скрытых нарушителей”).

Кроме того, высказывалось предположение, что подобные меры создадут нервную обстановку и вызовут протесты водителей (“бурное возмущение водителей”, “возможны забастовки автомобилистов” – по 2%).

Как показывают ответы на открытый вопрос, наибольший вред от ужесточения наказаний усматривается в том, что оно спровоцирует рост коррупции в рядах ГИБДД. Это подтверждают и данные закрытого вопроса на ту же тему: 64% водителей и 43% пешеходов уверены, что в случае ужесточения наказаний коррупция среди сотрудников ГИБДД усилится, и лишь 18% первых и 13% вторых полагают, что увеличения коррупции не будет. Тем не менее даже среди ожидающих усиления коррупции в рядах ГИБДД вследствие ужесточения наказаний за нарушение Правил дорожного движения больше половины водителей (58%) и две трети пешеходов (69%) высказываются за подобные меры (табл. 2, 3).

По всей видимости, большинство россиян либо считают усиление коррупции неизбежной платой за улучшение ситуации на дорогах, либо не увязывают законодательные нормы с реальной практикой их применения, воспринимая их

Табл. 2. Представления водителей о последствиях ужесточения наказаний за нарушение ПДД

% от групп (по столбцам)

	Все водители	Считают, что ужесточение наказаний за нарушение ПДД к увеличению коррупции в ГИБДД	
		приведет	не приведет
Доли групп, %	100	64	18
Сейчас предлагается ужесточить наказания за нарушение водителями Правил дорожного движения. Как Вы считаете, следует или не следует ужесточать наказания за нарушение водителями Правил дорожного движения?			
Следует	61	58	70
Не следует	32	37	<u>22</u>
Затрудняюсь ответить	7	5	7
Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом или курсивом.			

Табл. 3. Представления пешеходов о последствиях ужесточения наказаний за нарушение ПДД

% от групп (по столбцам)

	Все пешеходы	Считают, что ужесточение наказаний за нарушение ПДД к увеличению коррупции в ГИБДД	
		приведет	не приведет
Доли групп, %	100	43	13
Сейчас предлагается ужесточить наказания за нарушение водителями Правил дорожного движения. Как Вы считаете, следует или не следует ужесточать наказания за нарушение водителями Правил дорожного движения?			
Следует	69	69	77
Не следует	16	23	11
Затрудняюсь ответить	15	<u>8</u>	12
Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом или курсивом.			

не как регулирующие поведение “обычных” граждан, а как предназначенные для “злостных преступников”.

Какие же “преступления” россияне считают наиболее злостными, за какие нарушения, по их мнению, следует ужесточить наказание в первую очередь? Чаще всего в этой связи называлось управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения (это нарушение в предложенном респондентам списке отметили 55% водителей и 61% пешеходов). Кроме того, довольно многие называли проезд на запрещающий сигнал светофора (29% и 33% соответственно); превышение допустимой скорости (25% и 31%); выезд на встречную полосу (26% и 24%); езду по тротуарам (20% и 27%); управление транспортным средством водителем, не имеющим водительских прав соответствующей категории (это нарушение упомянули по 24% водителей и пешеходов).

Респондентам было задано также несколько закрытых вопросов об их отношении к отдельным спорным моментам законодательства о дорожном движении. “Есть страны, где допускается небольшое содержание алкоголя в крови у водителя. Есть страны, где любое содержание алкоголя в крови у водителя строго запрещено. А как было бы правильнее сделать в нашей стране – допустить небольшое содержание алкоголя в крови у водителя или строго запретить любое содержание алкоголя в крови у водителя?” Отвечая на этот вопрос, подавляющее большинство водителей и пешеходов (69% и 82% соответственно) заявили, что следует строго запретить любое содержание алкоголя в крови у водителя. Впрочем, 27% автомобилистов считают, что небольшое содержание алкоголя в крови у водителя допустить можно; поддерживают их в этом лишь 13% пешеходов.

Респондентов спрашивали и о таком правонарушении, как проезд на красный сигнал светофора. “Сегодня за проезд на красный свет на водителя налагается штраф в размере 100 рублей. По новому закону за проезд на красный свет на водителя либо будет налагаться штраф в 1–1,5 тысячи рублей, либо он будет лишаться прав на 1–1,5 года. Вы одобряете или не одобряете такое ужесточение наказания за проезд на красный свет? И если одобряете, то что Вам кажется более правильным – взять увеличенный штраф или временно лишать прав?” Ужесточение наказания за это нарушение одобрили 70% водителей и 72% пешеходов. При этом первые больше склоняются к тому, чтобы взимать с нарушителей увеличенный штраф (43%), чем временно лишать их прав

(27%), тогда как вторые разделились при выборе наказания почти поровну (38% против 34% соответственно). Почти четверть управляющих автомобилем (23%) – вообще против ужесточения наказаний за проезд на красный свет (с ними солидарны 14% пешеходов).

В ходе опроса выяснялось, как люди относятся к тому, чтобы вернуться к системе начисления штрафных баллов за нарушение Правил дорожного движения. Автомобилисты разделились в этом вопросе почти поровну: 32% считают, что возврат к этой системе принесет больше хорошего, а 35% – что больше плохого (среди пешеходов – 31% и 11% соответственно). При этом третья часть водителей и больше половины пешеходов (58%) затруднились определить последствия подобных изменений в законодательстве.

О вероятных положительных и отрицательных последствиях возврата к системе начисления штрафных баллов опрошенные говорили, отвечая на два соответствующих открытых вопроса.

Среди ожидаемых улучшений – уменьшение количества нарушений Правил дорожного движения (об этом сказали 9% водителей и 8% пешеходов), повышение ответственности и дисциплины водителей (6% и 8% соответственно), появление у них страха нарушить Правила дорожного движения (5% и 7%). Кроме того, ожидается усиление контроля за нарушениями ПДД (так сказали 5% водителей и 3% пешеходов), что поможет предотвратить повторные нарушения правил (4% и 2%), благодаря чему и обстановка на дорогах станет безопаснее (4% и 3%).

Главным негативным следствием возврата к системе начисления штрафных баллов опрошенные считают предстоящее усиление коррупции среди работников ГИБДД (эту негативную сторону возможного нововведения назвали 20% водителей и 9% пешеходов), а также необъективное начисление штрафных баллов (5% и 2% соответственно).

Итак, большинство противников ужесточения наказаний за нарушение Правил дорожного движения и возврата к “накопительной системе” штрафов – водители. Чаще всего их аргументом становятся опасения, связанные с увеличением масштабов коррупции сотрудников ГИБДД и с их необъективностью, о чем мы особо поговорим ниже.

ГИБДД – гарант законности и порядка на дорогах?

Мнение россиян о работе ГИБДД, как уже ясно из всего вышесказанного, невысокое. Только 15% водителей и 7% пешеходов считают, что Госавтоинспекция работает хорошо. Почти треть первых и вторых (31% и 28% соответственно) говорят об удовлетворительной работе этой структуры, тогда как 44% автомобилистов и 29% пешеходов убеждены в том, что сотрудники ГИБДД плохо исполняют свои обязанности.

За последний год общались с сотрудниками ГИБДД больше половины водителей (59%), при этом у 22% остались положительные впечатления от этого общения, у 37% – отрицательные. Трети водителей (37%) за последний год не приходилось иметь дело с сотрудниками ГИБДД. Среди пешеходов

не общались с ними 85%; но среди тех немногих, кто сталкивался с дорожными инспекторами, отрицательные впечатления от общения с ними также преобладают (7% против 4%).

Как видно из данных опроса, сейчас отношения сотрудников ГИБДД и водителей чаще строятся на “договорной” основе. Так, подавляющее большинство автомобилистов (72%) утверждают, что там, где они живут, водители чаще предпочитают откупиться от автоинспекторов, а не понести наказание за нарушение Правил дорожного движения (такого же мнения придерживаются больше поло-

вины пешеходов – 58%)⁴. Многие водители (61%) убеждены, что и сами сотрудники ГИБДД склонны не налагать на водителя наказание, а предлагать ему откупиться. Почти половина пешеходов (47%) и в этом случае солидарны с автомобилистами⁵.

При столь негативной оценке россиянами работы ГИБДД естественно, что почти половина водителей (47%) предпочитают не делегировать сотрудникам автоинспекции права решать, какое наказание – денежный штраф или лишение водительских прав – налагать за нарушение правил. Лучше, считают они, чтобы за каждое нарушение был законодательно предусмотрен только один вид наказания (их поддерживают 28% пешеходов). Альтернативный подход поддержали бы 27% водителей и 18% пешеходов. Аргументы в пользу той или иной точки зрения раскрываются в ответах на соответствующие открытые вопросы. Высказывающиеся в пользу существования одного наказания полагают, что “*водитель будет четко знать, что получит за нарушение ПДД*” (“*все должно быть четко регламентировано*”, “*должен быть узаконенный определенный вид наказания*” – 14% водителей и 8% пешеходов), что позволит уменьшить злоупотребления и взяточничество со стороны работников ГИБДД (“*меньше возможности для коррупции*”, “*меньше у инспекторов поводов для махинации*” – 10 и 6% соответственно), гарантирует большую объективность работников ГИБДД по отношению к автомобилистам (“*для всех одинаковое наказание*”, “*меньше будет споров: инспектор может быть очень необъективным*” – 6 и 4% соответственно), а на дорогах будет больше контроля и порядка в целом (“*будет лучший контроль*”, “*оно более дисциплинирует*” – 4 и 3%).

Те, кто хотел бы, чтобы сотрудник ГИБДД выбирал одно из нескольких положенных за нарушение наказаний, полагают, что кара должна зависеть от степени серьезности проступка (“*если не очень серьезное нарушение, то возможен самый нестрогий вид – небольшой штраф*”; “*есть разная степень нарушения*” – 8% водителей и 5% пешеходов), что будет обеспечена гибкая система наказаний (“*можно подобрать должное наказание*”; “*более гибкий будет подход*” – 7 и 4%) и индивидуальный подход в каждом конкретном случае нарушения Правил дорожного движения (“*исходить из личности человека за рулем*”; “*по ситуации смотреть надо*” – 6 и 3% соответственно).

Те, кто хотел бы, чтобы сотрудник ГИБДД выбирал одно из нескольких положенных за нарушение наказаний, полагают, что кара должна зависеть от степени серьезности проступка (“если не очень серьезное нарушение, то возможен самый нестрогий вид – небольшой штраф”; “есть разная степень нарушения” – 8% водителей и 5% пешеходов), что будет обеспечена гибкая система наказаний (“можно подобрать должное наказание”; “более гибкий будет подход” – 7 и 4%) и индивидуальный подход в каждом конкретном случае нарушения Правил дорожного движения (“исходить из личности человека за рулем”; “по ситуации смотреть надо” – 6 и 3% соответственно).

⁴ Противоположную точку зрения высказали только 13% водителей и 7% пешеходов.

⁵ О том, что сотрудники ГИБДД предпочитают наказать водителя за нарушение в соответствии с законом, говорил лишь каждый пятый водитель и каждый десятый пешеход.

Таким образом, сторонники единственного наказания за конкретное нарушение руководствуются стремлением снизить возможность злоупотреблений и взяточничества со стороны сотрудников ГИБДД, а респонденты, ратующие за сохранение нескольких видов наказаний, выбирать из которых надлежит инспектору, хотят сохранить для водителей возможность обойтись “малой кровью” в случае, когда совсем избежать наказания уже невозможно.

Итак, мы видим, что в оценках ситуации на дорогах нашей страны вечные антагонисты – водители и пешеходы – сходятся: и те, и другие считают ее плохой. И те, и другие в качестве первоочередной меры по разрешению этой проблемы предлагают улучшить состояние и оснащение дорог и прилегающих к ним функциональных территорий (парковок, стоянок, подземных переходов). Однако в остальном такого единодушия не наблюдается. Автомобилисты чаще признают необходимость усиления контроля за работой ГИБДД и ограничения полномочий ее сотрудников, тогда как пешеходы считают необходимым наделить работников Госавтоинспекции большей властью, для чего предлагают принять более жесткие законы относительно нарушителей ПДД. И это при том, что пешеходы (как и водители) оценивают работу Госавтоинспекции невысоко и признают, что взяточничество среди ее сотрудников распространено очень широко. Возможно, пешеходы ратуют за ужесточения, потому что полагают, что таковые не коснутся лично их. Ведь очень часто можно увидеть, как за нарушение правил штрафуют водителя, тогда как наблюдать, чтобы за переход дороги в неположенном месте штрафовали пешехода, доводилось далеко не каждому. Между тем ужесточение наказаний за нарушения касается и пешеходов – штрафы планируется повысить и для них.

Автомобилисты, в основной своей массе, в идее ужесточения наказаний за нарушения Правил дорожного движения видят попытку снова “залезть к ним в карман”. Сотрудник ГИБДД не воспринимается ими как страж порядка на дорогах. Он – скорее злостный взяточник (чему нередко потворствуют сами водители), чем помощник автомобилистам. Наблюдая, однако, беспорядок на дорогах, водители понимают, что это безобразие нужно как-то остановить. Решение проблемы (как “приструнить” других водителей) они тоже находят в ужесточении наказаний на нарушения или, еще лучше, в обеспечении неизбежности ныне существующих наказаний “беспредельщиков” на дорогах (разумеется, себя в злостных нарушителях мало кто числит).

Одним словом, большинство россиян предлагают бороться со следствием – нарушениями правил дорожного движения. Во многом они, несомненно, правы. Акцент же на повышение культуры вождения делают только по 6% автомобилистов и пешеходов. Они, отвечая на открытый вопрос о первоочередных мерах по повышению безопасности на дорогах, говорили, что уважение водителей и пешеходов друг к другу – залог улучшения обстановки, а массовое обучение Правилам дорожного движения и тех, и других поможет избежать огромного количества жертв дорожно-транспортных происшествий. ■

Половина водителей предпочитают не делегировать сотрудникам автоинспекции права решать, какое наказание – денежный штраф или лишение водительских прав – налагать за нарушение правил. Лучше, считают они, чтобы за каждое нарушение был законодательно предусмотрен только один вид наказания

М. Иванова

Практика заготовок на зиму

Философ Д. Юм говорил о практическом мышлении как о мышлении по привычке, которое “дает возможность действовать, не прибегая к философским, логическим, моральным или иным обоснованиям” [Волков. 1997]. Выходя в пространство повседневной деятельности, мы сталкиваемся с огромным количеством непроблематичных практик, воспринимаемых нами в модусе “а как иначе?”. Каждый день мы встаем, чистим зубы, идем на работу, в институт или детский сад, готовим еду и съедаем ее... Список можно продолжать до бесконечности, и на первый взгляд он не представляет никакого интереса – не то что мысли, чувства, мнения и воззрения. Однако подробное рассмотрение практик повседневности позволяет нам увидеть “карту социального мира” и составить представление о путях освоения человеком окружающей реальности. Жизнь общества – это совокупность социальных практик [Волков. 1997], и судьба тех или иных практик тесно связана с происходящими в нем процессами. Для того чтобы понять социальную практику, необходимо воссоздать ее внутреннюю логику, “соотнести ее с реальными условиями ее генезиса, то есть с теми условиями, в которых оказываются определены как выполняемые ею функции, так и используемые для этого средства” [Бурдьё. 2001. С. 179.], – то есть в максимальной степени понять ее контекст.

В эпоху тотального дефицита, распределения товаров “по благу” и “спискам” в Советском Союзе были широко распространены практики потребления в духе идеологии “сделай сам”. Яркий пример внедрения подобных практик – раздел “Домашнему мастеру” в журнале “Наука и жизнь”, где можно было найти разнообразные советы относительно того, как “довести до ума” недавно купленную или “оживить” старую вещь: приклеить скрепку на каблук, чтобы не скользили туфли, просунуть кусочек ластика в дверцу холодильника, чтобы не выходил холод, и т. д., и т. п. Этот же принцип распространялся на приготовление пищи – поскольку существовало определенное представление о том, что должно быть на праздничном столе, все, что можно было достать, покупалось заранее и хранилось до праздника, а домашние заготовки были “уравновешивающим вкладом”. Но и в иную эпоху, с появлением в магазинах изобилия товаров, практики домашних заготовок не исчезли. Становится актуальным вопрос, что несут в себе эти практики сегодня: насколько они распространены и чем мотивированы, каким образом вписываются в современную систему потребления?

Результаты опроса ФОМа¹ показывают, что практика заготовок не только жива, но и весьма распространена: подавляющее большинство россиян (82%), не полагаясь только на магазины, предпочитают обеспечивать себя домашними заготовками на зиму. Не делают заготовок

¹ Общероссийский опрос населения от 7–8 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее в статье по умолчанию используются данные этого опроса.

только примерно пятая часть россиян (18%). Вполне естественно, что жители мегаполисов и особенно столицы значительно чаще других респондентов заявляют, что не запасаются продуктами на зиму (28% и 42% соответственно). Выше, чем в среднем по выборке, доля не делающих запасы среди граждан с относительно высокими доходами (25%) и респондентов с высшим образованием (26%). В селах же не заготавливают продукты на зиму лишь 5% опрошенных.

Изменились ли, по оценкам россиян, за последнее время объемы заготовок? Почти треть опрошенных (31%) утверждают, что там, где они живут, люди сегодня делают столько же запасов на зиму, сколько и раньше, десятая часть респондентов (11%) считают, что заготовок стали делать больше, а 21% – что меньше. Тех, кто сказал, что за последнее время запасать стали больше или меньше, спросили (в открытой форме), чем, по их мнению, объясняются эти перемены. Полагающие, что объемы заготовок растут, связывают это с тем, что *“уровень жизни падает, зарплаты низкие”*, *“в магазине все дорого, особенно весной”* (8%), а заготовки обеспечивают сбалансированный рацион питания (1%), то есть увеличение объема заготовок трактуется ими как следствие плохой экономической ситуации. Те же, кто говорит, что объемы заготовок снижаются, объясняют это тем, что *“в магазинах в продаже все есть”*, включая *“замороженные ягоды и фрукты”* и прочее (9%), дороговизной самих заготовок (*“сейчас проще и выгоднее купить”* – 5%). Кроме того, говорится, что людям лень тратить силы на заготовки, поскольку они *“стали жить лучше, есть возможность купить готовое”* (2%), подсобные хозяйства многие оставили (2%), у людей нет времени, они *“очень заняты на работе”*, то есть уменьшение объема заготовок объясняется новыми условиями жизни.

Что именно предпочитают заготавливать наши сограждане? Более всего распространены такие виды зимних заготовок, как разнообразные соленья (квашеная капуста, соленые грибы, огурцы и проч.), а также варенья, компоты – их делают соответственно 75% и 73% опрошенных. Две трети респондентов (68%) запасаются свежими овощами (картошкой, свеклой, морковью и т. п.), 17% – свежими фруктами (яблоками, грушами и т. д.). Довольно широко распространены и такие способы заготовок, как сушка и заморозка грибов, ягод и фруктов (соответственно 22% и 21%). Значительно реже упоминаются заготовки сала (13%), муки (8%), круп (6%), подсолнечного масла (4%), лишь немногие запасают на зиму вяленую и соленую рыбу и мясо (по 4%), а также мясо тушеное (5%).

Что же заставляет людей делать на зиму заготовки? По всей видимости, один из мотивов – сугубо практический: невозможность удовлетворительно питаться, не делая их. Чтобы понять, насколько значим этот мотив, нужно прежде всего обратиться к структуре потребления домашних хозяйств и выяснить, какую роль в ней играют заготовки.

Доля затрат семьи на питание служит важным критерием при определении порога бедности. Так, во многих западных странах, в том числе в США, проедание трети семейного бюджета означает порог бедности [Сычева. 2002] – то есть при превышении этого порога семья попадает в разряд бедных. Однако для России и стран СНГ такой порог слишком низок. Опрос от 28 февраля 2002 года показал, что у большинства россиян питание тогда являлось основной статьей расходов: треть респондентов (32%) тратили на еду почти все свои деньги, три четверти семейного бюджета уходило на питание у 16%, больше половины – у 28% опрошенных. Пятая часть россиян тратили на еду менее половины семейного

бюджета (21%), и лишь для 1% граждан эта статья расходов составляла не более одной десятой бюджета.

Как показал апрельский опрос 2007 года, заготовки действительно играют важную роль в питании многих россиян: для 12% опрошенных они являются основной едой (в селах – для 28%), для 43% – существенной добавкой к магазинным продуктам, для 26% – небольшой добавкой к ним. Половина опрошенных (54%) уверены, что не смогли бы обойтись без заготовок (среди жителей сел – 75%), четверть (25%) – заявляют, что смогли бы прожить без них. Косвенно об их востребованности говорит тот факт, что к моменту опроса только у 7% россиян оставалась большая часть заготовок, более чем у половины (57%) – меньшая; у 13% зимние запасы иссякли.

Причем подавляющее большинство опрошенных (80%) делают заготовки только для себя и своей семьи. Практика торговли произведенным в домохозяйстве не распространена: делают заготовки как для себя, так и на продажу лишь 2% респондентов.

При ответе на открытый вопрос, почему они делают заготовки на зиму, участники опроса чаще всего говорили о том, что им *“не на что жить, поэтому заготовки – основной продукт питания”* (32%); также отмечалось, что заготовки – *“это существенная помощь... семейному бюджету”*, поскольку в магазинах *“высокие цены”*, а делать заготовки *“дешевле, чем зимой покупать”* (15%). Таким образом, практики заготовок на зиму вписываются в стратегии домохозяйств по выживанию и экономному потреблению. Отметим, что эти практики – как у сельских жителей, так и у горожан – тесно связаны с наличием личного подсобного хозяйства: две трети опрошенных (66%) обычно делают заготовки именно из продуктов, выращенных или произведенных в таком хозяйстве.

Как показал опрос, проведенный 5–6 мая 2007 года, дачные или садовые участки есть у 41% россиян, проживающих в городах. И очень часто именно участки для заготовок представляют для владельцев этих участков главную ценность, тогда как дом, жилище отступает на второй план. Об этом косвенно свидетельствуют данные опроса, проведенного 15–16 мая 2007 года, в ходе которого у респондентов, имеющих загородное жилье, спросили, какие удобства есть у них на даче (для ответа предлагалась карточка). Сказали, что в их дачном доме есть электричество, три четверти имеющих дачу (или 27% от числа опрошенных городских жителей). Но уже тот или иной вариант отопления (центральное, печное, АГВ и т. д.) и водоснабжение есть в доме лишь у каждого четвертого владельца дачи (10% и 9% горожан соответственно). Еще реже на дачах у россиян есть канализация (4%) или магистральный газ (3%). А четверть владельцев дач (8% горожан)

сказали, что в их доме нет ни одного из перечисленных удобств. Иначе говоря, такой дом зачастую является только приложением к огороду, элементом инфраструктуры, обеспечивающей возможность делать заготовки.

К выращиванию продуктов на даче примыкают в этом плане сбор грибов и ягод в лесу, рыбалка и отчасти охота – поскольку они требуют некоторой находящейся вне города “базы”, откуда человек совершает походы в лес и куда возвращается для переработки добытого. Заметим, что 25% опрошенных делают заготовки из собранных в лесу грибов, ягод и трав, и 3% – из добытой на охоте и рыбалке дичи и рыбы (30% – из продуктов, купленных на рынке, 10% – из купленного в магазинах).

Отвечая на открытый вопрос о причинах изготовления заготовок, респонденты нередко ссылаются на необходимость переработки произведенного на даче или собранного в лесу: *“не выбрасывать же выращенное”, “им приходится консервировать то, что вырастили”, “куда ягоды девать?”* (5%). Прослеживается некая рекурсивная логика: не выращивать, чтобы заготавливать, а заготавливать, раз уж выращено. Часть респондентов (6%) прямо ссылаются на традиции – как семейные, так и национальные, в силу которых воспроизводятся такие практики: *“это родовая болезнь, из поколения в поколение передается”*; *“русский народ без варенья, соленья, овощей не живет, это наша русская еда зимой”*.

Названные обоснования практики заготовок сводятся, таким образом, к экономической целесообразности или необходимости, а также следованию традиции (работа в личном подсобном хозяйстве, сбор грибов и ягод, охота, рыбалка). Эти причины жизнеспособности данной практики можно охарактеризовать как базовые, однако существуют и другие мотивы. Многие респонденты, объясняя, почему они делают заготовки, говорят, что это и вкусно (*“зимой очень вкусно к картошке – огурцы, помидоры, капуста”*; *“вкусно свое собственное, по своим рецептам”* – 14%); приносит удовольствие человеку и его близким (*“для себя любимого, по своему рецепту”*; *“дети любят”*; *“для гостей”* – 4%); что домашняя еда не только вкуснее магазинной, но и более экологична (*“из экологически чистых продуктов заготавливаем соленья, варенье”* – 5%). Иными словами, в мире массового потребления человек может потребить уникальный продукт, произведя его сам, при этом, как и в случае с рукоделием,² старая практика получает дополнительное толкование и вполне вписывается в концепцию современного потребления, где утверждаются ценности “дисциплины, умеренности, экологичности, заботы о здоровье, расчетливости” [Голофаст В. 2000].

Таким образом, сегодня практики заготовок на зиму широко распространены и плотно вписаны в традиционный для постсоветского пространства социальный контекст. Осуществление заготовок предстает традиционной практикой, не утратившей своих прежних оснований (традиция работы на земле, способ выживания и экономии) и одновременно получающей основания новые (уникальность, экологичность). Появление последних позволяет предположить, что и при дальнейшем изменении социального контекста эта практика будет достаточно адаптивной. По всей видимости, в случае улучшения материального положения населения “старые” мотивы к изготовлению заготовок будут становиться менее актуальными, а “новые” – набирать значимость. ■

Литература

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. №6.

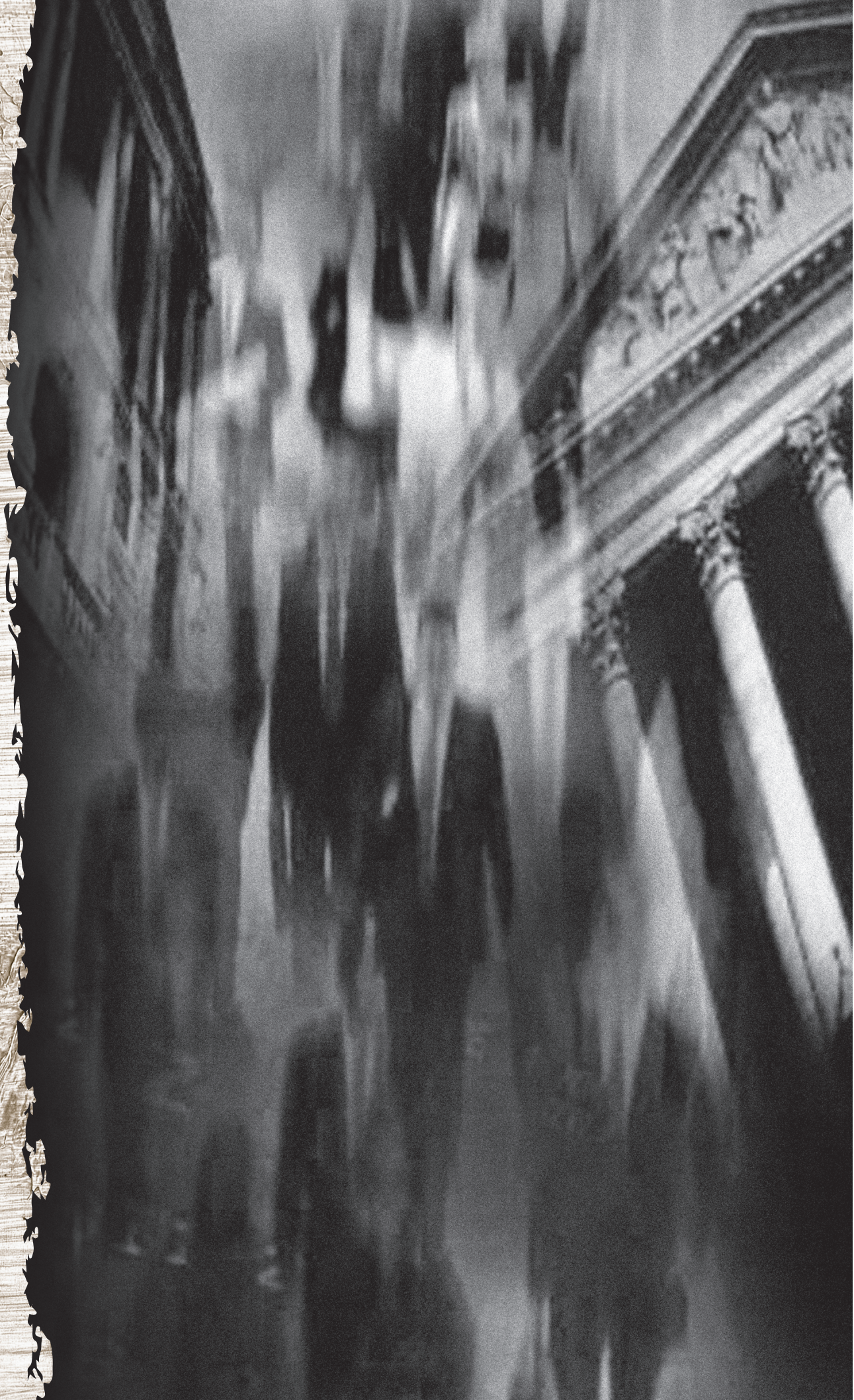
Голофаст В. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58–65.

Сычева В. С. // Социология: 4М. № 14. 2002. С. 176–188.

² Которое приобретает более высокий статус “хендмейда” (hand-made, что, если переводить с английского “под кальку”, и обозначает “рукоделие”), отражая не только необходимость одеться (получить новую мебель, украшения и пр.), но и выразить себя уникальным образом. При этом выпуск журналов по рукоделию, в свою очередь, делает этот процесс менее уникальным, превращая эксклюзивность в массовый бренд.

MAN OF F E

Взаимовлияние жизни и литературной фантастики

“Круглый стол” на конференции “Басткон”

В первом номере нашего журнала за 2007 год была опубликована статья историка и писателя-фантаста Дм. Володихина “Требуется осечка... Ближайшее будущее России в литературной фантастике”, в которой автор описывал картины настоящего и будущего нашей страны, представленные в книгах его коллег – отечественных писателей-фантастов. Тема взаимоотношений и взаимовлияния фантастики и жизни оказалась настолько интересной, что была поднята на литературной ежегодной конференции “Басткон”, которая проводится зимой в Подмоскowie. На “Басткон” приезжают писатели (как правило – фантасты), критики и литературоведы, переводчики (как правило – фантастики), издатели и редакторы соответствующих издательств и, наконец, читатели (фантастики).

На одном из “круглых столов” конференции “Басткон” состоялся разговор на предлагаемую тему, фрагменты которого мы здесь приводим.

Георгий Любарский (ученый, писатель)

Пред-писания (писанные предсказания)

Жанровая литература сейчас – в числе прочего – подгружает читателя специальными знаниями. В боевиках старательно рассказывается о тактике боя и системах оружия. В бестселлерах в довесок к сюжету проводят спецподготовку (Артур Хейли с его отелями и аэропортами, Умберто Эко с его ересями). Детектив давно известен как источник точнейшей и детальнейшей информации о быте страны: как американцы (англичане, французы) повязывают галстук, зажигают спичку, жуют ролик или пьют кофе – особенно подробно рассказывается в детективе. Это – буквально социально-антропологический вид литературы.

А многие жанры фантастики имеют дело с социальной реальностью. Неважно – альтернативная ли это история, космические войны, контакты цивилизаций в космосе, путешествия во времени – есть множество ходовых сюжетов, где просто “технически” положено уметь изобразить какое-то общество. Некоторые мастера относятся к такому изображению со страстью и рисуют целые картины устройства общества – что Левая (понятное дело) Рука Тьмы Ле Гуин, что ордусские придумки Хольма нашего Зайчика. Другие лишь пишут фон для основного сюжета, развлекательного, и другими задачами особенно не заморачиваются.

Но в любом случае выстраивать образ общества приходится. Иногда при этом просто транслируется сегодняшний социальный опыт

(с гипертрофией того или иного элемента), иногда добавляется какая-то идея.

И тут возникает занимательный момент. На 99 процентов (скажем так) эти описания общества – “просто” трансляция того, что писателю кажется привычным, обычным, понятным.

Описания общества в фантастической литературе – некоторый слепок представлений о современном писателю обществе, ценный для социолога

Например, в массовой фантастике 90-х годов все наперебой дрались, все эти бандиты, будь они хоть вампиры, хоть мутанты – все равно одни банды рвали в ключья другие. А потом появились, скажем, истории об империях...

Все это некоторый слепок представлений об обществе. При этом конденсированный, единый сюжет, по возможности непротиворечивый и т. п., и потому ценный для социолога. Социолог получает возможность подсмотреть, как представляется общество. То, что ни один респондент не выговорит, хоть ты с ним пять часов подряд беседуй за рюмкой диктофона, фантаст уже сделал или помнит, что сделали другие. Это – его профессиональное умение.

Как для антрополога-этнографа детективщик является первейшим информантом, так очень полезным может оказаться соединение знаний социолога и фантаста.

Кстати, о том одном проценте описаний, который остался. Фантастика, разумеется, также играет роль утопической литературы, формулируя ожидания общества, создавая проекты того, как и куда оно будет развиваться, и чуть-чуть влияя на это: просто подобранными образами, словами, сюжетами и проч. Делая одни миры – симпатичными, другие миры – неприятными, а третьи – вот это самое важное! – вообще не упоминая.

И потому крайне интересно попытаться как собрать в кучки те “сценарии общества”, что уже есть в фантастической литературе, так и пред-

ставить, о чем не говорится никогда (ну или крайне редко и без малейшего отклика).

Вот и хотелось бы узнать у профессионалов: если взглянуть отстраненно не на успех тех или иных авторов/произведений, а на частоту/симпатичность (для читателей? для фантастов?) повторяемых образов общества – что можно сказать?

Приведу для примера пару самых простых наблюдений, которые не сделает только ленивый. Налицествует любовь к образу империи – и, напротив, государства победившей демократии или коммунизма рисуются крайне редко. Нелюбовь к Америке: мир может быть любым, но Америка в нем должна быть силой темной, разрушительной и обычно проигрывающей схватку за будущее. Впрочем, второй пример не очень нам в тему: не хотелось бы здесь устраивать болтовню о геополитике, о возрастающей роли Китая и смятенной Европы для сырых русских равнин. Лучше все же об обществах.

Вот есть империи – а что еще есть? Есть ли какие-то особенные типы отношений между людьми – не о технических новациях речь идет, а о социальных? А придуманы ли новые социальные институты? Механизмы – да, лазер или там видеоманитофон, технические новинки придумывают – могут же придумать и социальные новации, не так ли? И здесь интересно не то, насколько правдоподобно придуманное, а показатель интереса: чего бы хотелось? Каждый социальный институт отвечает на желание – так какие желания, ценности стоят за выдуманными институтами?

Опять дурацкий пример, просто чтобы подчеркнуть уровень банальностей: в фантастике, боевиках всегда есть дружба, верность дружбе, дело по долгу службы или для государства. Во имя страны – не так часто, а вот личная дружба – чаще. То есть индивидуальные ценности кроют социальные, причем не все – скажем, особенной родительской любви не наблюдается, скорее дружба равных.

Это не к тому, что это обязательно так, – а просто чтобы попытаться задать образ возможных размышлений.

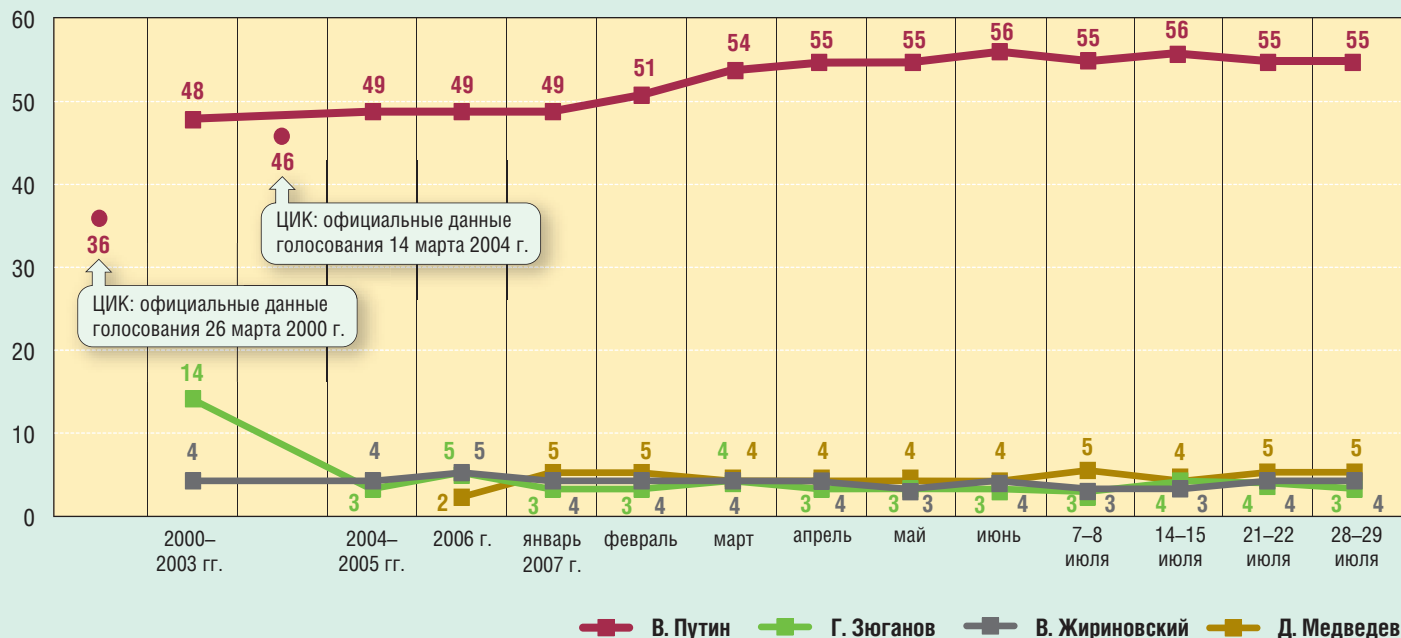
Окончание см. на стр. 55 →

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

Политики

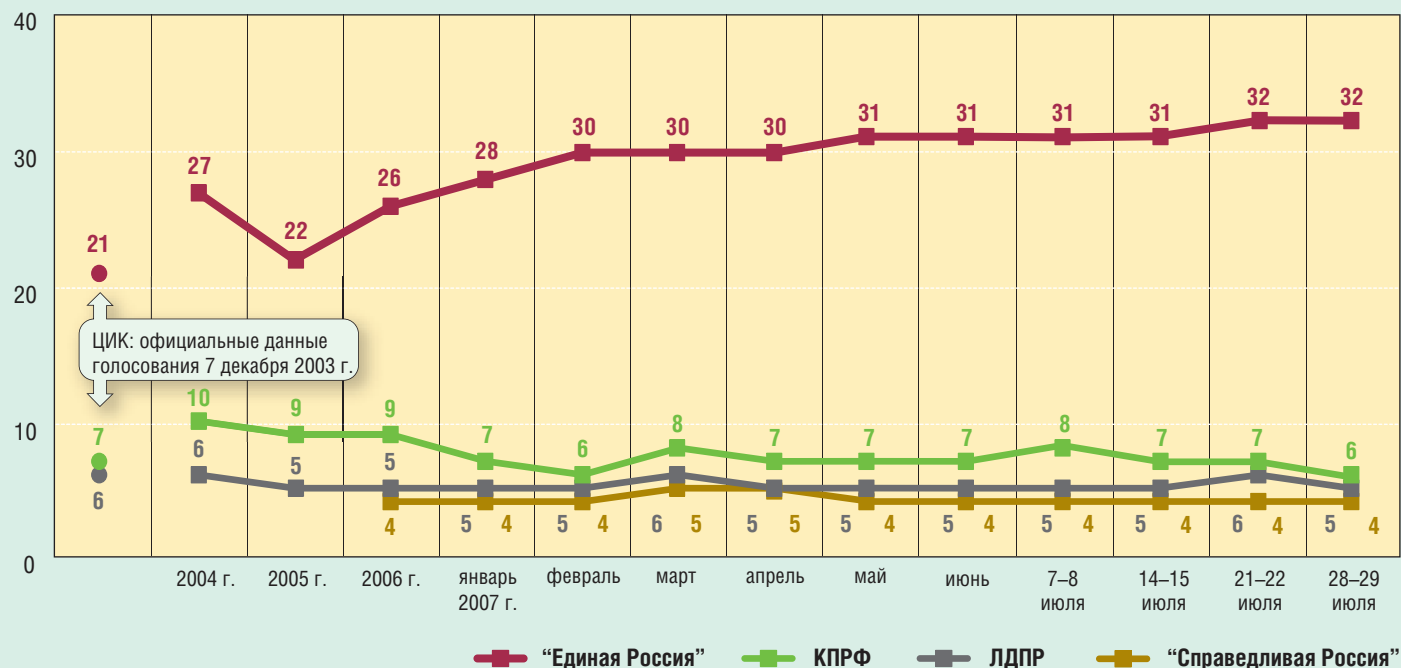
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?*(Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали?*** (Карточка, один ответ)

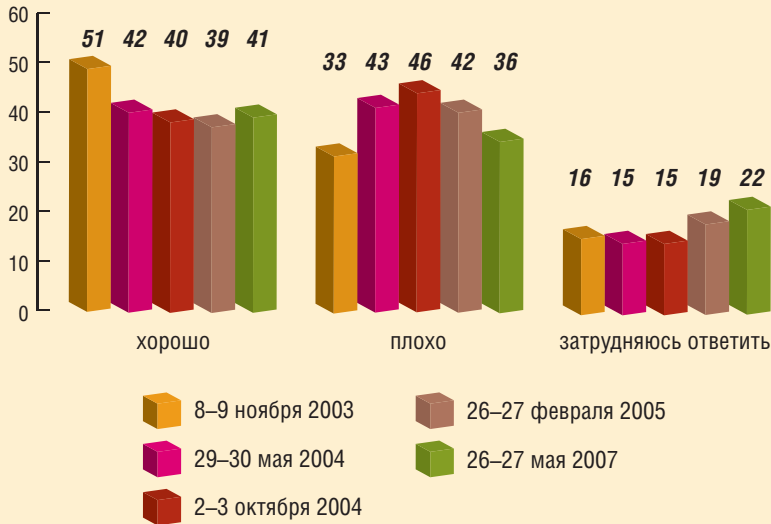

*** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

Представления об имидже России в мире

Данные в % от населения

Если говорить в целом, как, по Вашему мнению, сегодня относятся к России в мире – хорошо или плохо?

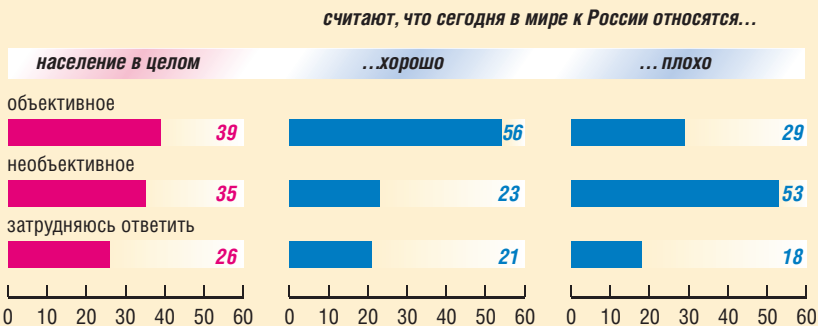
А как Вам кажется, Россию в мире считают развитой, передовой или неразвитой, отсталой страной?

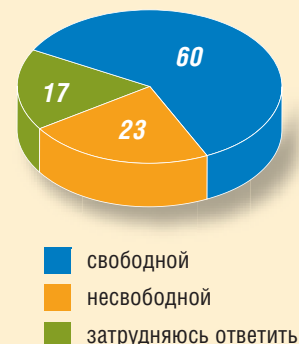
А как Вам кажется, Россию в мире считают цивилизованной, культурной или нецивилизованной, некультурной страной?

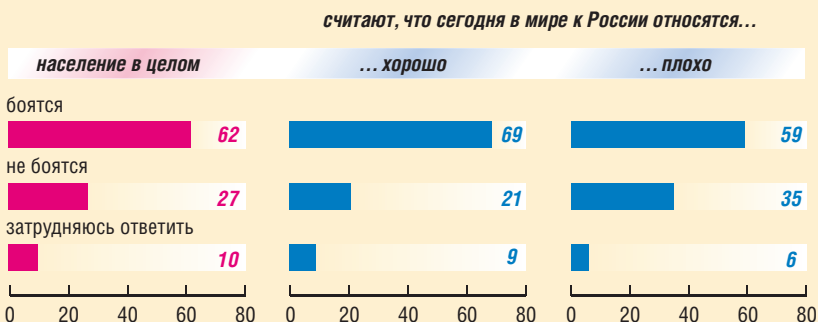
Как Вы считаете, отношение к России в мире в целом объективное или необъективное?

А как Вы думаете, Россию в мире считают свободной или несвободной страной?

По Вашему мнению, Россию в мире боятся или не боятся?

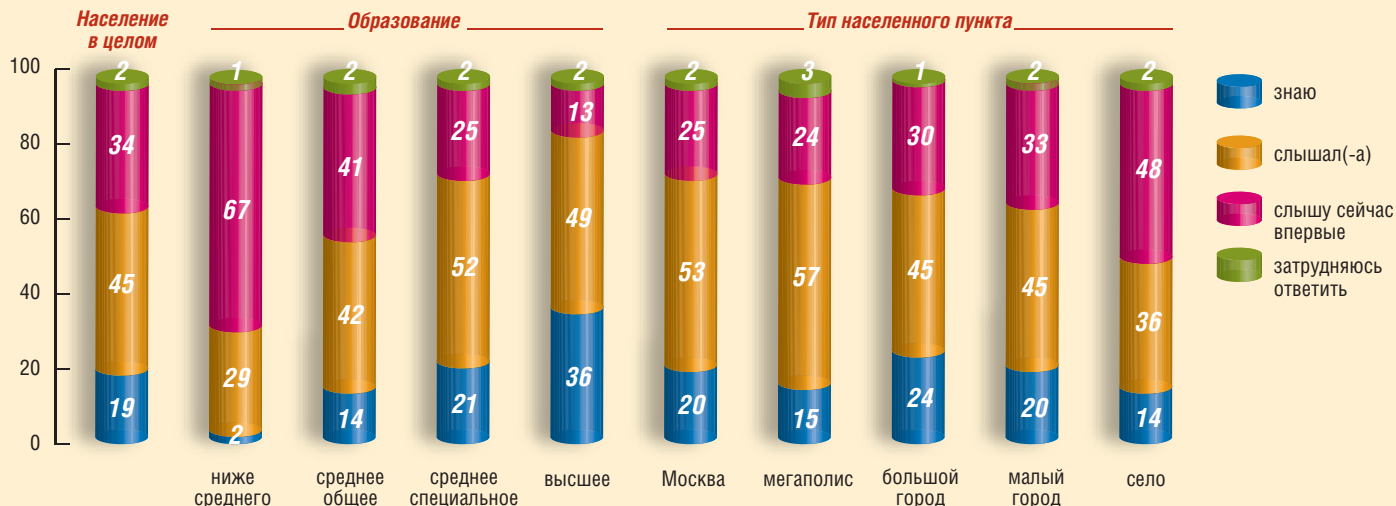
На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 26–27 мая 2007 года. Выборка: 1500 человек

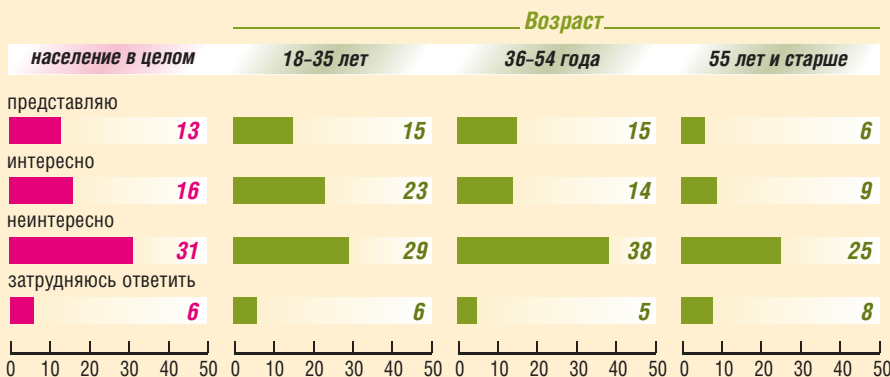
Фондовый рынок и акции: осведомленность и заинтересованность россиян

Данные в % от населения

Знаете ли Вы, слышали или слышите сейчас впервые словосочетание “фондовый рынок”?

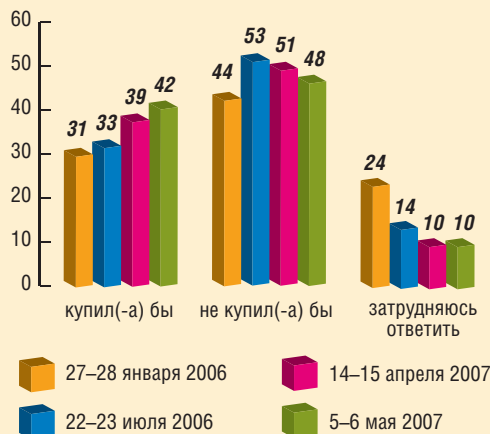
Скажите, пожалуйста, Вы представляете себе, как зарабатываются деньги на фондовом рынке, или не представляете? И если не представляете, то Вам интересно или неинтересно было бы узнать об этом? (Ответы всех, кроме заявивших, что они впервые слышат словосочетание “фондовый рынок”, – 66% от всех опрошенных)

Одни считают, что удачно, прибыльно вкладывать деньги в акции без специальных знаний невозможно. Другие считают, что и без специальных знаний можно удачно, прибыльно вкладывать деньги в акции. Какая точка зрения – первая или вторая – Вам ближе?

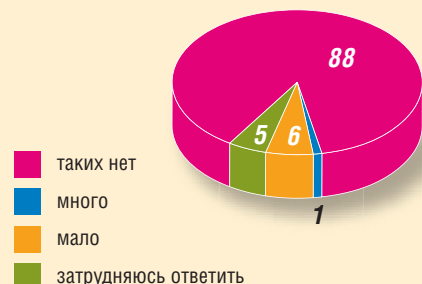
Если бы Вам позволяли финансовые возможности, Вы купили бы (купили бы еще, если у Вас уже есть) или не купили акции какой-нибудь российской компании?

Скажите, пожалуйста, Вам встречается или не встречается в газетах, на телевидении и радио информация о ситуации на российском фондовом рынке? И если встречается, то насколько часто Вы уделяете внимание этой информации? (Карточка, один ответ)

Скажите, пожалуйста, среди Ваших родственников, друзей, знакомых есть люди, которые зарабатывают деньги на фондовом рынке? И если есть, то их много или мало?

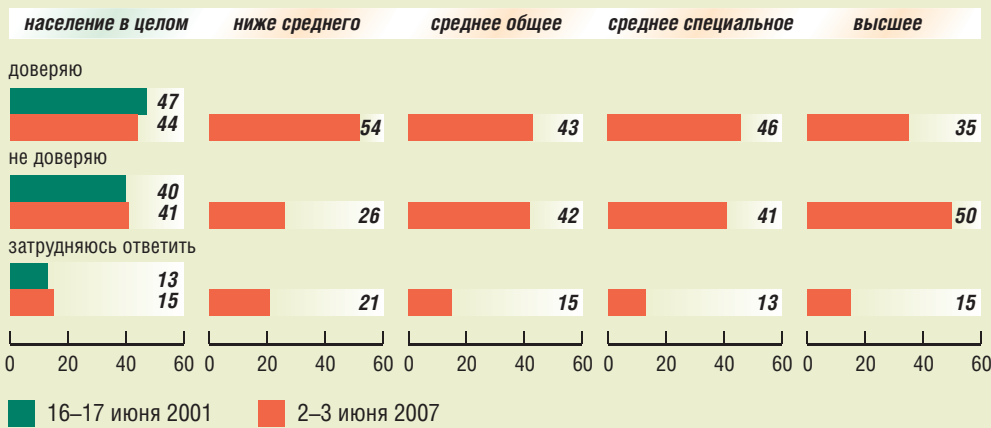

Профессия: журналист

Данные в % от населения

Вы в основном доверяете или не доверяете журналистам?

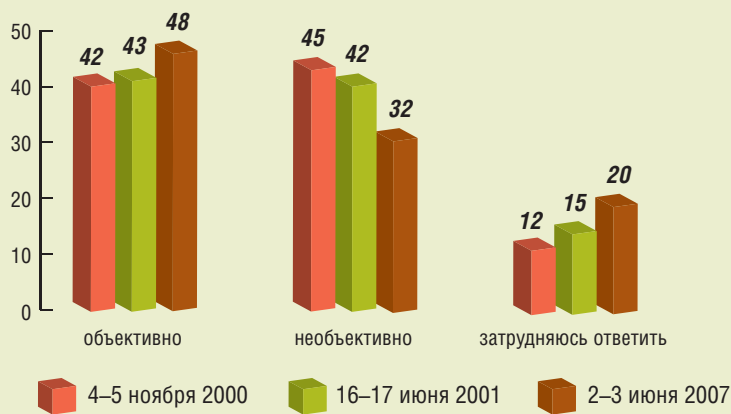
Образование

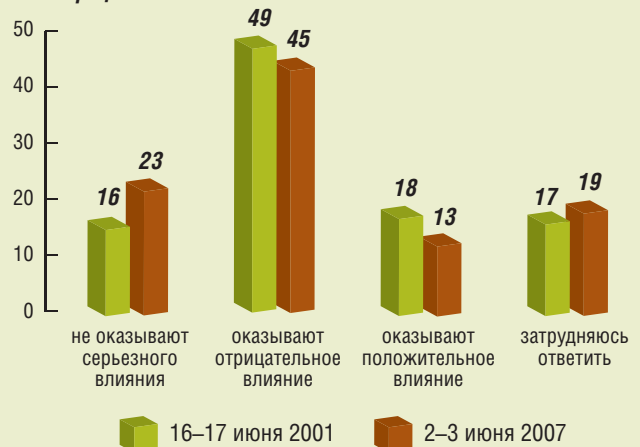
Как бы Вы оценили уровень профессионализма большинства российских журналистов — как высокий или низкий?

Как Вы считаете, российские журналисты освещают события, происходящие в современной России, в целом объективно или необъективно?

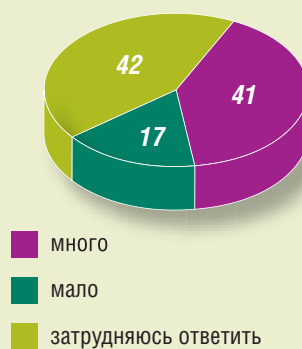
Как Вы думаете, на сегодняшний день журналисты оказывают или не оказывают серьезное влияние на жизнь страны? И если оказывают, то это влияние в целом положительное или отрицательное?

Как Вам кажется, у журналистов работа трудная или легкая?

Как Вы считаете, сегодня в нашей стране работа журналиста приносит много денег или мало?

По Вашему мнению, сегодня журналисты пользуются или не пользуются уважением в нашем обществе?

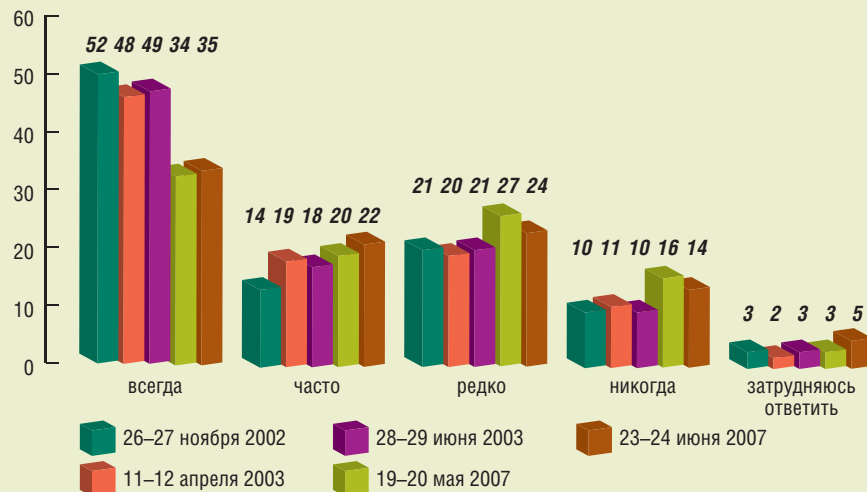

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 2–3 июня 2007 года. Выборка: 1500 человек

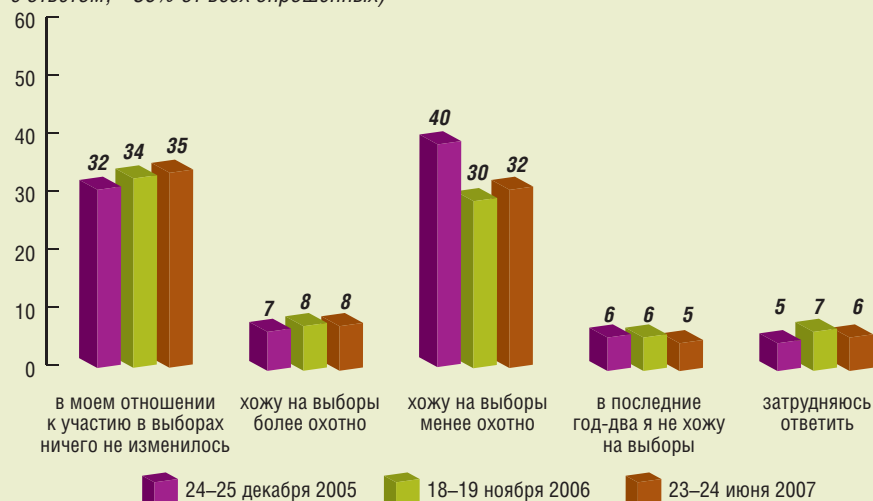
Отношение к выборам и неучастию в них

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?

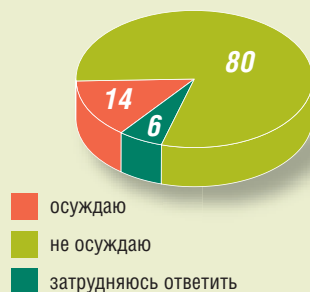
В последние год-два Вы ходите на выборы более охотно или менее охотно, чем пять-десять лет назад? Или в Вашем отношении к выборам ничего не изменилось? (Ответы заявивших, что они хотя бы иногда ходят на выборы, и затруднившихся с ответом, – 86% от всех опрошенных)

Как Вы думаете, за последние пять-семь лет количество людей, не участвующих в выборах, выросло, сократилось или не изменилось?

Вы лично осуждаете или не осуждаете людей, которые обычно не участвуют в выборах?

Люди по-разному объясняют свое неучастие в выборах.

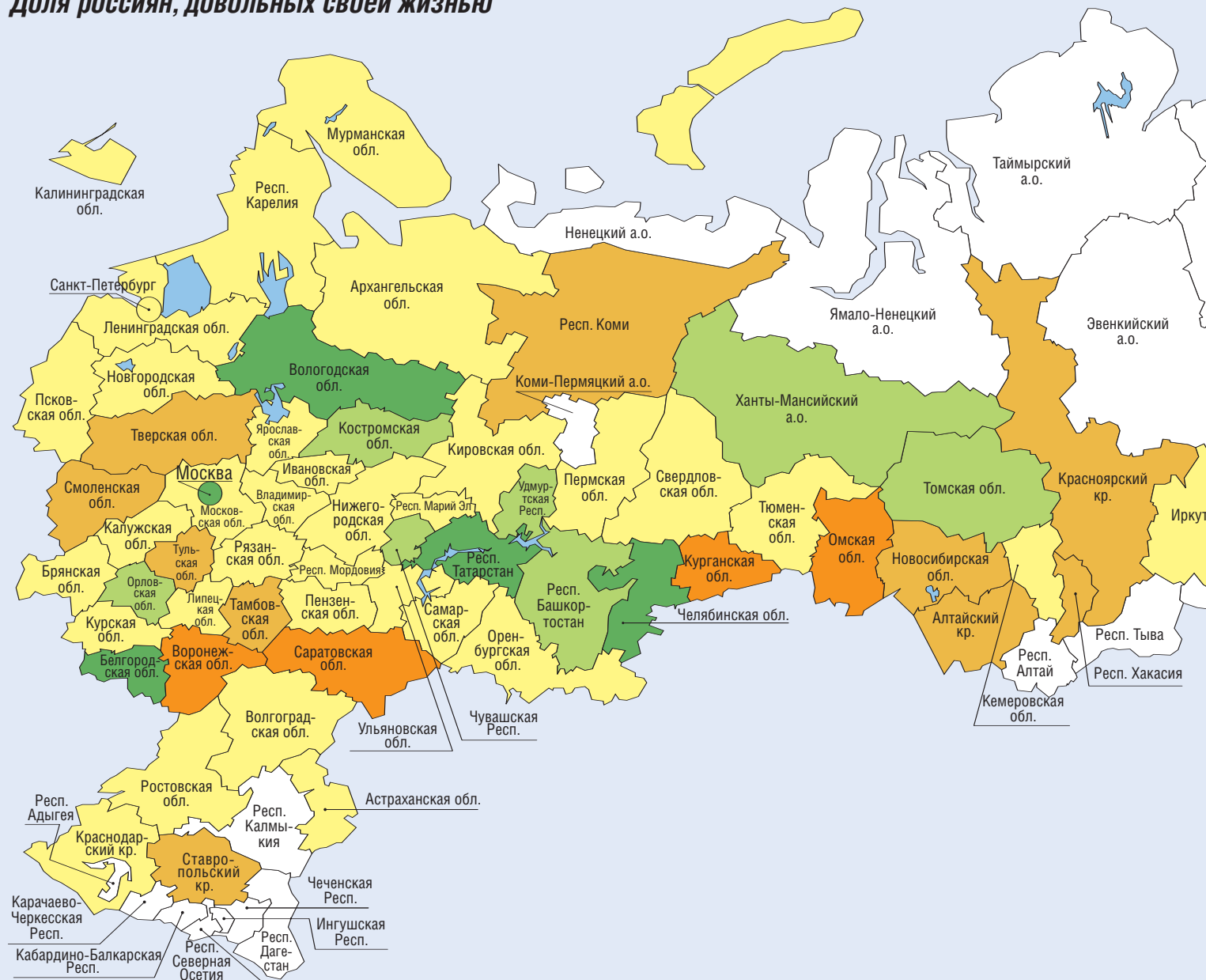
Какие из следующих высказываний о неучастии в выборах представляются Вам серьезными, заслуживающими уважения?

(Карточка, не более трех ответов)

Удовлетворенность собственной жизнью

Доля россиян, довольных своей жизнью

Скажите, пожалуйста, Вы в целом довольны или недовольны своей жизнью?

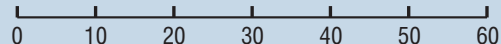
доволен(-на)

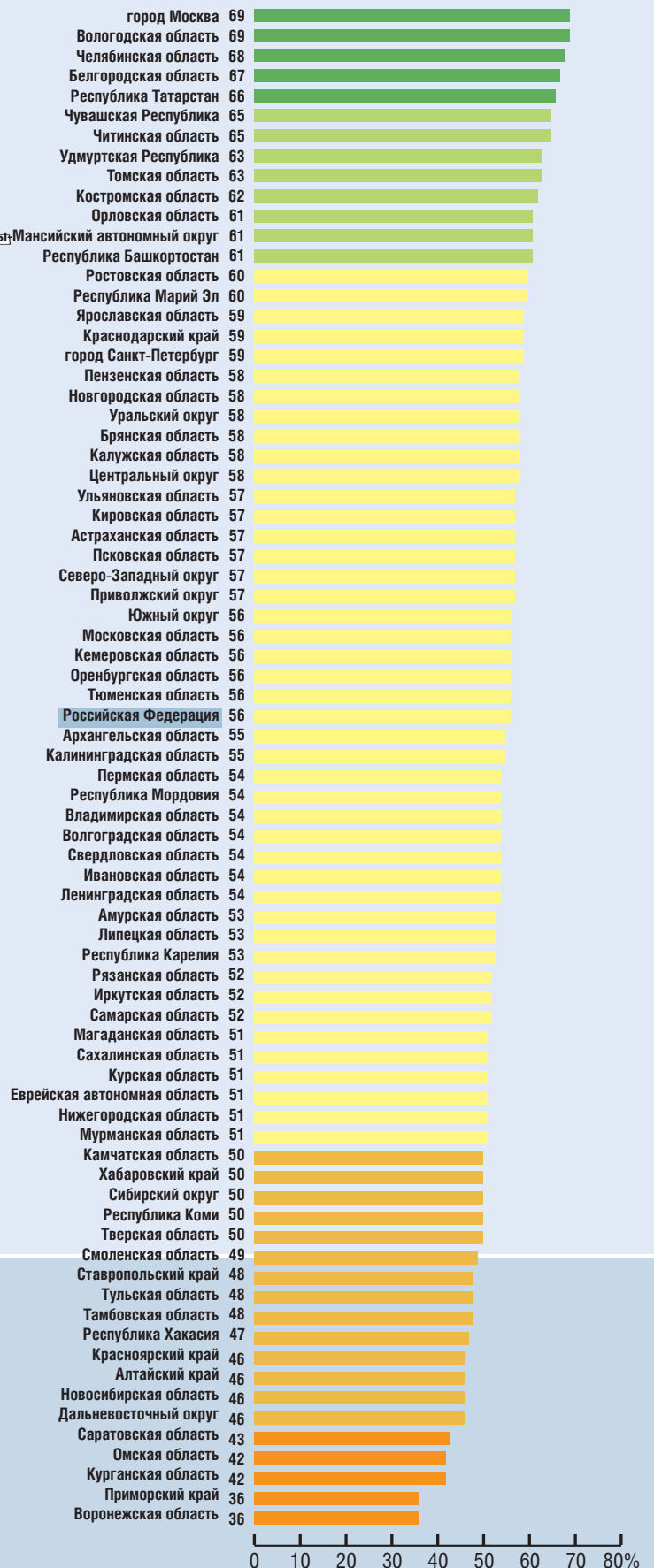
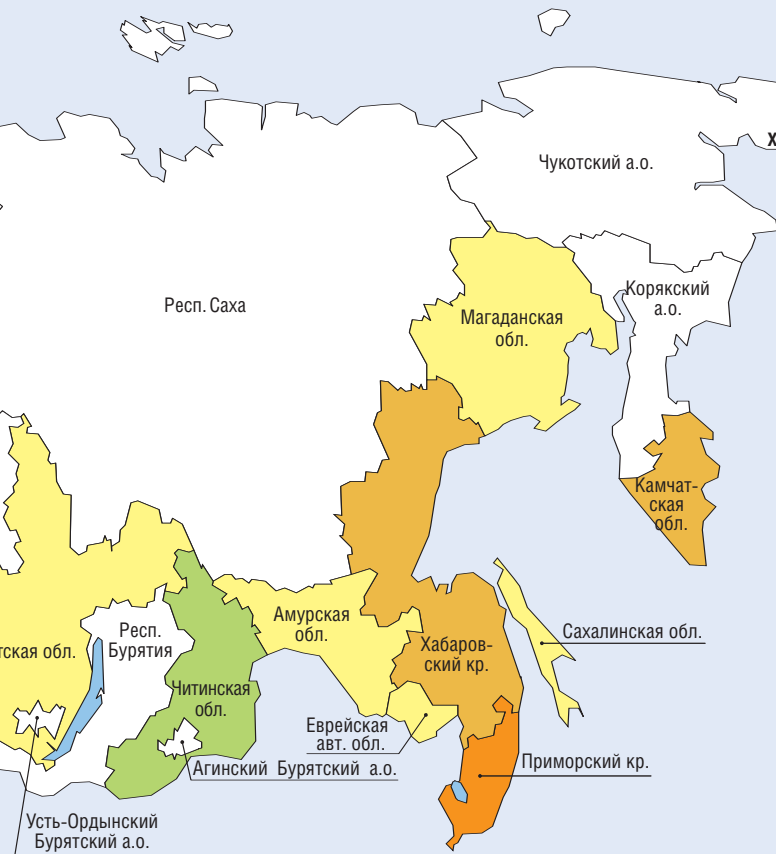
недоволен(-на)

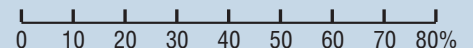
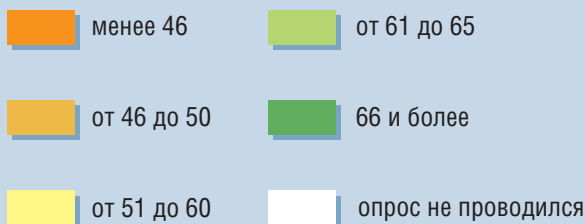
затрудняюсь ответить

Опрос 15–30 мая 2007 года. Выборка: 34 000 человек

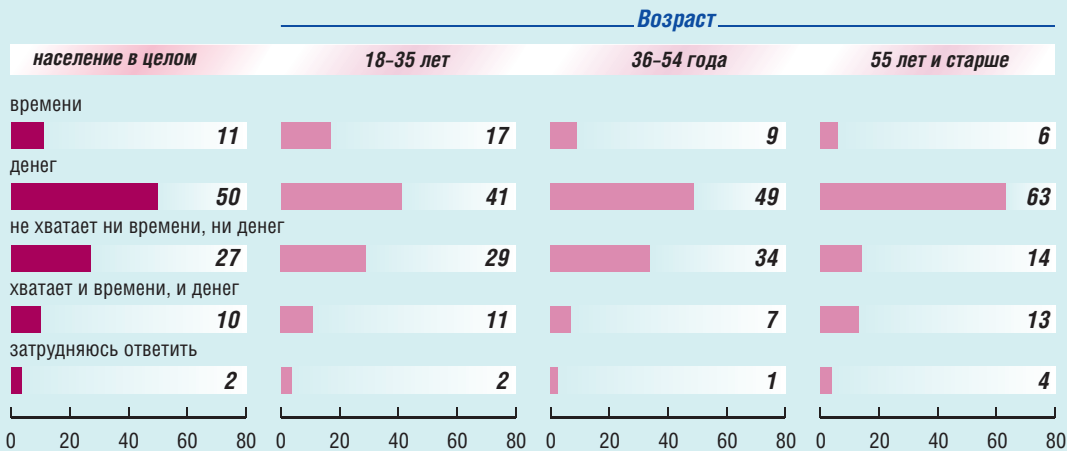
Доля от числа опрошенных, %

Россияне о своем свободном времени

Данные в % от населения

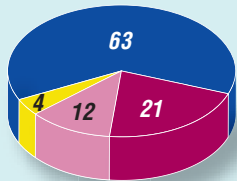
Люди часто жалуются, что им не хватает времени и денег. Скажите, пожалуйста, а лично Вам чего больше не хватает — времени или денег? Или, может быть, Вам хватает и времени, и денег?

Одни люди умеют организовать свое время. Другим это плохо удается. Скажите, пожалуйста, а Вы лично скорее относитесь к первым или ко вторым?

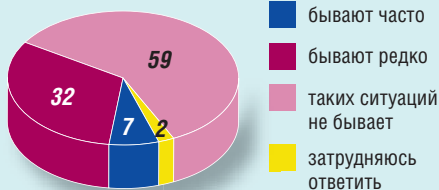

Под свободным временем мы будем понимать время, которое остается у Вас после работы или учебы (если Вы работаете или учитесь) и выполнения домашних дел. Иначе говоря, свободное время — это время, которое полностью принадлежит Вам, которым Вы можете распоряжаться по своему усмотрению. У одних людей обычно есть хотя бы пара часов свободного времени каждый день. У других в будние дни свободного времени обычно не бывает, а бывает — только в выходные и праздничные дни. Вы лично относите себя скорее к первым или ко вторым? Или, может быть, у Вас вообще не бывает свободного времени ни в будни, ни в выходные, ни в праздники?

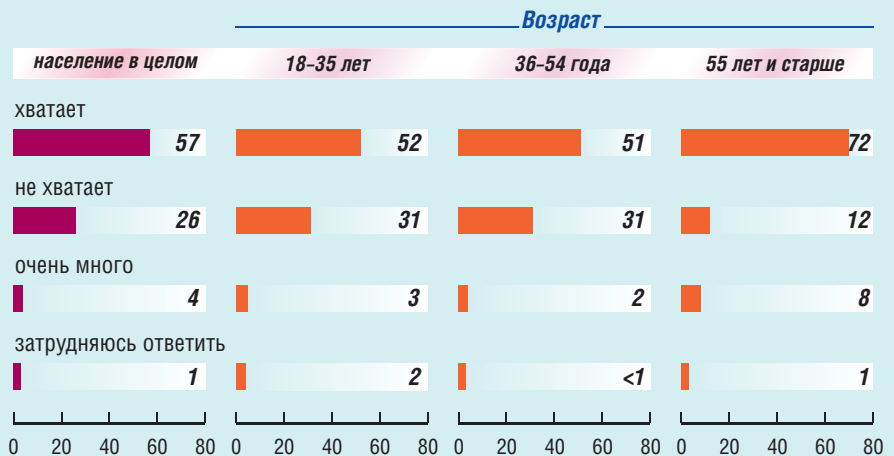
- есть свободное время каждый день
- бывает свободное время по выходным и праздникам
- вообще не бывает свободного времени
- затрудняюсь ответить

Скажите, пожалуйста, у Вас бывают такие ситуации, когда Вы не знаете, чем заняться в свободное время, куда себя деть? И если бывают, то часто или редко?

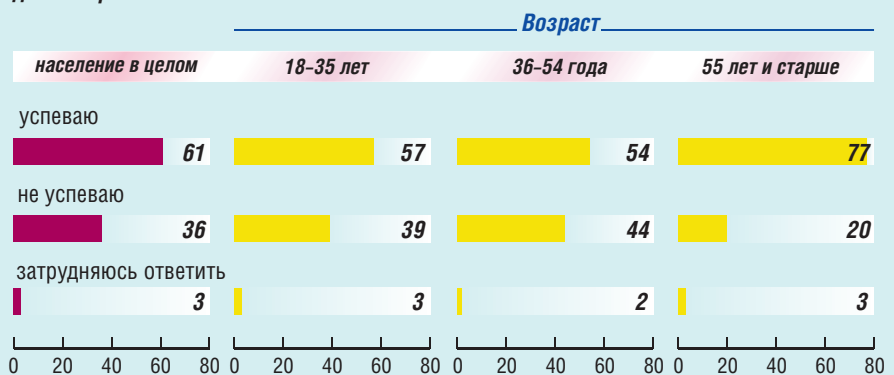

- бывают часто
- бывают редко
- таких ситуаций не бывает
- затрудняюсь ответить

Скажите, пожалуйста, Вам в целом хватает или не хватает свободного времени? Или свободного времени у Вас очень много? (Ответы всех, кроме заявивших, что у них не бывает свободного времени, — 88% от всех опрошенных)

Скажите, пожалуйста, Вы обычно успеваете или не успеваете сделать все необходимые дела вовремя?

→ Окончание статьи.

Дмитрий Володихин (писатель, историк)

Разорванные времена

Является ли тот образ общества, который виден в современной фантастике, моностилистическим – или все-таки полистилистическим? Что мы видим: общество единой культуры или многих культур? Когда я попытался подойти к ответу на этот вопрос с академической логикой, разложить материал по циферкам, ничего у меня не получилось – вышла лишь странная нечеткая зарисовка. Поэтому я буду делиться скорее впечатлениями, чем выводами. Впечатления у меня такие: *в фантастике присутствуют два разорванных образа общества, вернее, две разорванные группы образов общества.* То, что сюжетно обращено к настоящему, и то, что сюжетно обращено к будущему, различается весьма сильно. И я не вижу мостика, который связывал бы настоящее и будущее.

Настоящее фантасты в основном описывают не слишком утешительно. Александр Громов в большинстве своих романов, например, показывает, что современное общество с течением времени обязательно пойдет в тупик, а тупик обернется катастрофой. Олег Дивов – вспоминаю пресловутый роман “Выбраковка” – показал, что современное общество устроено совсем неправильно. В нескольких интервью он говорил об этом же, допуская, впрочем, возможность частичного исправления, улучшения социума. Столь же негативное впечатление от состояния общества присуще очень многим нашим фантастам. О современности пишут довольно мало, скудно, но когда пишут, реальность получается очень неприглядной. Полиона или моно- – не столь важно... Скорее все-таки моно-, но прежде всего – другое: доброго слова о ней никто не скажет. Что это такое? Это куль-

тура мутная, постларечная и одновременно чемоданная: то есть люди не чувствуют, что общество устоялось, что оно будет представлять собой стабильную социально-культурную среду для жизни на протяжении долгого времени. Ощущается его переходность: еще многое должно измениться, следовательно, надо сесть на чемоданы и подождать, когда начнутся изменения. Если попытаться дать этому состоянию определение, то может быть... это общество недоваренного капитализма. В романах, повестях, рассказах последних, наверное, пяти-шести лет видно вялое общее недовольство верхними эшелонами – в политике, в экономике, культуре, – и это недовольство не является радикальным, не звучит призывов к решительным действиям здесь-и-сейчас. Скорее налицо отказ в уважении, причем отказ достаточно всеобщий – я с трудом могу отыскать писателя, который сказал бы: нет, те ребята, которые нами управляют, поступают хорошо и правильно, мы можем ими гордиться, они сделали нечто полезное. Вместо этого в основном – потоки ворчания, которое по стилю напоминает конец 70-х – начало

80-х, насколько я, 69-го года рождения человек, могу вспомнить этот самый конец 70-х.

Я составил такое впечатление, читая, помимо Громова и Дивова, романы “Загон” Евгения Прошкина, “Синдикат «Громовержец»” Михаила Тырина, “Господин Чичиков” Ярослава Верова, труды современного писателя-политтехнолога Андрея Михайловича Столярова, книги Димы Скирюка... у последнего в обществе хорошо только то, что является либо маргинальным, либо неформальным, а все остальное – то ли мертвое, то ли медузообразное, но неприятное на вид и на ощупь. Главные социальные институты современности в нашей фантастике почти не упоминаются. Очень редко вылезает на свет президент. Условный какой-нибудь президент. Вячеслав Рыбаков

рассказал в романе “Человек напротив” странную историю: Борис Николаевич Ельцин сидит в тюрьме (это такая альтернативная реальность), и Бориса Николаевича из тюрьмы усилиями добрых людей вывозят. Пожалуй, единственный пример, когда с реальным историческим лицом, занимающим высокий пост в стране, фантаст обошелся как с положительным персонажем. Так вот, если социальные институты все же упоминаются, то создается впечатление, что они: а) не решают профильных проблем, б) если и решают их, то сикось-накось. По текстам последних пяти-шести лет, обращенным к реальности наших дней, видно, как много накопилось грязи и искажений, которые не дают нормально работать буквально ничему серьезному. Повседневный быт вполне себе нормально функционирует: трамваи ездят, парочки целуются, и газировку продают. Но вместе с тем общее ощущение мерзкое: общество застряло в какой-то невыносимой серяentine.

В качестве исключения я могу привести, пожалуй, только одно произведение – это весьма интересный рассказ Людмилы и Александра Белаш из Пензы, называется он “Портал”, вышел в “Русской фантастике-2007”. Рассказ напоминает: пусть все мы недовольны, но это еще не худший вариант, все могло быть гораздо хуже.

Существует и так называемый Баклужинский цикл Евгения Лукина, задающий не монокультурное ощущение от настоящего, а поликультурное. В первый раз городки Баклужино и Лыцк появились в большой повести “Алая аура прото-

назад можно было говорить о том, что существуют два подобных лагеря, более или менее единых, а сейчас, когда эту книгу читаешь, перелистываешь, видно, насколько уплыла она в прошлое. Это Баклужино и этот Лыцк невозможны в современной России.

Теперь о будущем, о перспективах. Вариантов общества, отличающегося от нынешнего, в современной фантастике огромное количество. За последние 5–7 лет выросли целые группы образов виртуально возможного будущего. Повторяю, наше настоящее выглядит как нечто монокультурное, весьма неприятное, но не катастрофичное. А наше будущее выглядит как огромное количество разных вариантов, из которых ни один еще не выбран. Они идут не по сходящимся, то есть не в сторону концентрации, а по расходящимся путям развития. Ну вот, в частности, в последнем романе Бориса Натановича Стругацкого “Бессильные мира сего” содержится надежда на то, что хоть “мельницы Господа мельют медленно”, но постепенно вырастет человек культурный, человек вежливый, и из таких людей когда-нибудь в далеком будущем будет состоять общество. Ясно видно, что это общество будет держаться на либеральной основе. Есть варианты совершенно другие. Так, например, Вадим Панов показал для России вариант корпоративной глобализации, оригинальный, довольно неожиданный для нашей фантастики. Есть китайский вариант Ван Зайчика, и он года три назад был невероятно популярен. Сейчас, на мой взгляд, его популярность пошла на спад. Русско-китайская Ордусь Ван Зайчика мыслилась не столько как альтернативная реальность России, а как реальность, которая когда-нибудь, возможно, осуществится. Собственно, к этому и подводили читателя. Сейчас распространен вариант, скажем так, государственно-православный. В той или иной мере к нему можно подвести космическую трилогию Александра Зорича, ряд произведений Романа Злотникова, кое-что из моих романов. Он является далеко не единственным.

Существуют также катастрофические варианты будущего. Версия будущего, нарисованная Ольгой Славниковой, мрачна: полное разрушение всех остатков традиционного общества

Наше настоящее выглядит как нечто монокультурное, весьма неприятное, но не катастрофичное. А наше будущее выглядит как огромное количество разных вариантов, из которых окончательно ни один еще не выбран

парторга”. Лыцк населяет когорту красных православных, а Баклужино объединяет людей, более или менее европейски, прозападно, пролиберально ориентированных. Все это сделано с юмором и не так кондово, как я сейчас вам пересказываю. Ощущение такое: лет 10, если не 15

и приход виртуализированной реальности, нечеловечески холодной, в которой выжить крайне трудно. Все настоящее там гибнет. Это роман “2017”. Полная гибель цивилизации, совершенная ее же собственными руками, – в романе Ильи Новака “Демосфера”. Еще один исход: спокойное, сытое, зажиточное общество по всему миру; такая среда крайне худо влияет на творческие личности, гробит возможность появления чего-то оригинального, принципиально нового. Это описал Михаил Тырин в романе “Отраженная угроза”. Ну и вариант малых корпоративных звездных войн, которые в трех десятках романов представил Алекс Орлов. Везде, во всех случаях в будущем присутствуют Россия, русские города, русские люди. Что же касается вопроса о монокультурности или поликультурности общества, то, понимаете, если столь несхожие варианты будущего рождаются в наше время в умах фантастов, это значит, современная реальность позволяет сейчас конструировать различные биографии для России. И следовательно, зачатки всех этих маршрутов существуют в настоящем, современном обществе. Какое уж тут моно-...

Ну и последнее – самое, наверное, важное. Я так и эдак прикидывал, каковы маршруты перехода из серого, мутного, постларечного, чemoданного, недоваренного капитализма в сверкающие варианты будущего: в государственно-православный вариант, в западный вариант, в ордуcский вариант. И я понял: в нашей фантастике не видно связи между образом настоящего и образом будущего. Люди, которые пытаются, как в “Пикнике на обочине”, провесить этот маршрут гайками, посмотреть, как можно из современного состояния прийти в то, которое желательно, встречаются очень редко. Из тех, кто пишет о будущем, может быть, один человек на пять или даже на десять пытается проторить такой маршрут. Получается с разной долей вероятности... Есть достаточно жесткие варианты, например военный переворот. И куда реже ставка делается на спокойное, эволюционное движение. Прозвучит, конечно, несколько пафосно, но, на мой взгляд, тот писатель ответит на невербализированный запрос общества, который будет сейчас об этих маршрутах писать, причем писать

вовне серьезно. Который будет посвящать этому романы и пытаться если не предугадать, то хотя бы предчувствовать, что может произойти и как в нужном направлении двигаться.

Роман Злотников (писатель)

Как мы скажем, так и будет

Фантастика для меня – это жанр, который может ставить вопросы (и отвечать на них), не имеющие юридически достоверного, но лишь статистически достоверный ответ. В свое время Роберту Шекли был задан вопрос (по-моему, на “Страннике”), как он относится к тому, что мусульманский мир начнет задавать направление движения и вообще направление развития всему мировому сообществу. Как раз было начало 2000-х, Аль-Каида, 11 сентября... Он говорит: такого никогда не будет, потому что я не знаю мусульманской фантастики. То есть если нет механизма, который некоторым образом формирует представление о направлении движения, то нет и четкого направления движения. Я не совсем согласен с ним, потому что такой фантастики, которая у нас является инструментом, там действительно нет, но надо очень внимательно относиться к религии, потому что любая религия определяет гораздо больше, чем мы привыкли думать.

Есть четыре варианта программ, которые двигают каждым из нас (хотя мы чаще всего считаем, что поступаем по своей воле, совершенно свободно, есть какие-то зашоренные люди, но это ж не мы...).

Первая программа – это язык. Все, кто знаком с основополагающими работами по NLP, знают пример, который приводил один из его основоположников. В языке племени североамериканских индейцев существуют всего три слова, которые обозначают цвет. И сразу вопрос: какой они видят раду? Естественно, трехцветной. Им и в голову не может прийти, что там какое-нибудь другое количество цветов. Так же язык, на котором мы говорим, во многом программирует нас, программирует наше видение этого мира.

Второй уровень программирования – это образец. То есть то, что мы воспринимаем как образец: образец успешности, образец для

подражания. Посмотрите, как мы быстро в конце 80-х скатились к блатате. В середине 90-х я ездил в дом отдыха МВД и немножко понаблюдал за молодыми лейтенантами: сущие блатные. Хотя чтобы офицер в советское время изображал из себя бандита – это было немислимо. Но в середине 90-х вся молодежь так или иначе пыталась изображать из себя крутых пацанов. Сейчас кое-что от тех времен осталось, но блатной стиль в основном отошел.

Третий уровень программ – это программы, задаваемые ячейкой социальной сети и социальным кластером, к которому мы относимся. Если мы научные работники, то мы соответственно ведем себя и действуем, разделяем ценности, которые приняты в нашем круте, и если мы члены тоталитарной секты, то разделяем ее ценности, поступаем так, чтобы вызвать одобрение наших лидеров.

И только четвертый уровень – экономика. То есть только на четвертом уровне мы действуем так, чтобы нам было каким-то образом выгодно это материально. Когда рухнул Советский Союз и та наша идеология, нам всем попытались объяснить, что на самом деле первых трех уровней не существует и все определяет экономика. И мы некоторым образом даже в это поверили.

Ситуация, к которой мы пришли сейчас, характеризуется тем, что первые три уровня у нас поражены. Язык у нас сейчас жутко засорен, это понимают все. Некоторые вещи уже нельзя выразить по-русски, чтобы тебя поняла существенная, важная для тебя часть твоих читателей. Они воспринимаются только по-английски. Образцы

Люди, которые пишут тексты, оказывают воздействие на общество. Они задают образ будущего, к которому хочется или не хочется присоединиться

сами видите. Слава Богу, в наших произведениях, как правило, все-таки образцы задаются положительные, хотя и не всегда. Социальная среда... об этом говорил Дима Володихин: подавляющее большинство наших граждан чувствуют се-

бя в сегодняшней социальной среде неуютно. Я все время говорю, что мои книжки – это та самая удочка, на которую я ловлю людей, с которыми мне точно будет комфортно. Потому что когда ко мне приходят и говорят, что мы ваши книжки читали, нам интересно, давайте поговорим, это, как правило, человек моего типа мышления, и он мне близок, и таким еще образом я формирую вокруг себя среду, в которой мне комфортно.

И только теперь с экономикой что-то начинает получаться. Но от этого-то нам, как выясняется на данный момент, ни хорошо, ни плохо. Более того, скорее плохо, чем хорошо.

В этом смысле наша с вами задача – воздействовать на общество. Люди, которые пишут и публикуют тексты, вне зависимости от тиража этих текстов оказывают воздействие на общество. Они задают образ будущего, в который хочется или не хочется поверить. Я часто встречал среди молодых авторов такое отношение: был Лев Толстой, который действительно оказывал влияние на общество, а я здесь самовыражаюсь и елочку свою пилю понемножечку, так что нечего тут ко мне лезть со всякой там мутью. Да нет же, на самом деле будущее будет таким, каким мы его напишем. Это точно.

Я начинал свои социальные эксперименты с серии “Империя”. Тогда была некоторая оторопь, народ начинал понимать: нам говорили, мол, давайте жить так, как французы и немцы, и главное – американцы, но вроде так не получается, да и нужно не совсем так. А как надо жить – непонятно. И были метания. Кто-то писал про царя, кто-то про то, как красные эскадры громят американцев из параллельной реальности (Федя Березин), кто-то, как Бурцев, панк-романы... И я вдруг понял, что надо сделать что-то, чтобы, грубо говоря, человек, почесав репу, захотел не просто это прочитать, а это делать.

Сейчас я считаю, что назрел роман или серия романов о “хороших богатых”. Которые, наверное, на самом деле есть, хоть их не так много. Эти романы могли бы быть восприняты ну хотя бы как повод для размышления, а может, даже в чем-то и как образец для подражания. Иными словами, надо задавать образцы. В среде русских богатых в основном популярны образцы в духе

Чикаго 30-х – они все мнят себя Аль Капоне, или алькапончики, или алькапонищи, и так далее, и тому подобное. И надо писать: ребята, вы другие, вы только притворяетесь этими алькапончиками – а на самом деле вы вот такие. Пусть начнут притворяться чем-то лучшим. Много ли их будет, не много – не знаю. Ну, с одной книжки – не много, один-два из нескольких миллионов, а может, и больше. Я в этом смысле все время помню об известной “Балладе о борьбе” Владимира Высоцкого. Я считаю, что ее должен знать наизусть или хотя бы близко к тексту каждый, кто начинает писать художественные тексты, помните, да? “Значит, нужные книжки ты в детстве читал...” Да. Так вот в том-то вся и соль: надо писать нужные книжки. Я, например, вдруг понял, что должны существовать книжки, которые я хочу прочитать, но их нет. И для того чтобы они появились, надо написать их самому.

Елена Хаецкая (писатель)

Что мы видим, когда смотрим фантастические сериалы

Последнее время я тупо смотрела по телевизору космические оперы одну за другой. Отчасти это освобождало меня от проблемы выбора, что посмотреть, потому что я смотрела следующую серию, а отчасти мне они очень нравились как разные варианты развития будущего. В общем, мы посмотрели “Крейсер «Галактика»”, “Стар трек”, “Вавилон-5” и “Файр флай”. И размышляли о том, какие ценности там присутствуют и какие ценности там отсутствуют. И вот что у нас получается.

Общество будущего во всех космических операх показано как общество монокультурное. То есть это такая практически американская модель, в которой разные национальности существуют просто как этнокультурные, забавные и даже милые этнические феномены. Общество выглядит, скорее, больше построенным на американских ценностях, чем на наших, старых добрых. Да, в этих обществах, как правило, господствует политкорректность.

Далее: это общество, несомненно, глобальное. В “Стар треке” глобализм показан как нечто очень положительное, и “Стар трек” – самый уютный из всех сериалов, то есть мне всегда очень хотелось путешествовать на “Энтерпрайзе”, находиться внутри “Энтерпрайза”, потому что там ужасно уютно, оттуда не хочется выходить, там сидишь – и тебе очень хорошо. В “Вавилоне-5” это несколько сложнее, но там в принципе тоже очень уютно. У меня такое ощущение, что люди “Вавилон-5” в конце концов решают любую проблему. Их там больше, в “Вавилоне-5”, этих проблем, чем в “Стар треке”, но ощущение такое, что они придут к такому же процветанию и благоденствию. В “Крейсере «Галактика»” все гораздо хуже. Тем не менее там тоже люди находятся перед лицом неминуемой катастрофы, но они тоже решают проблему. Там есть тетка-учительница, которая становится президентом вся Земли, и она настолько хорошо воспитана этим обществом, что в состоянии взять на себя командование всем, всем человечеством, которое осталось, и направиться куда-то на поиски. То есть какое общество должно быть, чтобы воспитать такого персонажа! Единственный антиглобалистский космический

сериал – это “Файр флай”. Там тоже общество победившего глобализма, но там положительные герои находились на проигравшей стороне. Им очень не хотелось глобализма, им хотелось иного... они превратились с его победой в маргиналов. Но по большому счету это тоже достаточно уютная цивилизация. То есть цивилизация глобализма в целом предстает как цивилизация очень уютная, там хорошо.

Но! В этих мирах присутствует колоссальное и пронзительное одиночество человека. Я не знаю, как это объяснить, но там никто не может с другим чем-то поделиться, они начинают что-то рассказывать – и сами себя обрывают, они все замкнуты в себе. В них отсутствуют дети, вся эта сериальная фантастика никоим образом не связана с детьми. А если есть, как в “Эндере” или в фильме “Солдат”, то их просто собирают в специально оборудованные места и там воспитывают. Из них делают идеальных программеров или идеальных убийц. Точно так же отсутствуют семьи. В этом уютном обустроенном материальном мире отсутствует нормальная семья: бабушка, дедушка, мама, папа, дети, внуки. Показываются только какие-то обрывки. Мужчина и женщина, которые сошлись, но ненадолго, потому что все равно – или война, или иные проблемы, или не объясниться им никак...

Мир будущего описан космической фантастикой как, с одной стороны, мир победившего глобализма, где более или менее решены материальные проблемы, а с другой стороны, как

Мир будущего описан космической фантастикой как, с одной стороны, мир победившего глобализма, а с другой стороны, как мир, где человек необыкновенно одинок

мир, где человек необыкновенно одинок, где практически нет ни семьи, ни детей.

Женственность и мужественность там реализуются только через общественные функции. То есть женщина – прекрасный воин, например. Или женщина – президент республики. И ее женственность реализуется в том, что она носит об-

тягивающие штаны или очень красивый деловой костюм и умеет по-особенному авторучкой жестикулировать. Нету такого, чтоб был сильный мужчина, способный спасти и поддержать, когда надо, и прекрасная слабая принцесса. Это отсутствует: принцесса Лея, например – что же это за слабая принцесса, которая замечательно стреляет из автомата?

Владимир Березин (критик, литературовед)

Мы никто и звать нас “пищевой пакетик”

Я бы хотел внести долю скепсиса в наш разговор о пикейных жилетах. Это вызвано двумя причинами. Первая из них заключается в следующем. Мы не совсем точно определяем предмет разговора. Общество и фантастика – это несколько более сильное и рискованное обобщение, чем мы можем себе позволить. Потому что большая часть той литературы, которая называется фантастической, на самом деле ничем не отличается от литературы боевиков, от детективов, беллетризованных сериалов и всей остальной печатной продукции. Она сделана по другим законам – по законам массовой культуры и совершенно не хочет никакой прогностики, а подчинена очень простому правилу: правилу зарабатывания денег. Поэтому я очень часто употребляю и в статьях, и в общении со студентами фразу о пищевых пакетиках, то есть о той самой пресловутой лапше быстрого приготовления, к которой прилагается вкусовой пакетик – маленький такой. И он разнится в каждом из типов этой лапши: со вкусом цыпленка, рыбы, говядины и чего угодно. Тут то же самое: большая часть фантастических романов, особенно романов потогонных, которые пишутся сериями по 20–30–40 штук, построена по одному и тому же принципу. Этот принцип неизменен: абсолютно архаический сюжет, в котором существует герой, который просыпается небритый, с похмелья, жена ушла, машину угнали, после чего он долго спасает мир и в конце получает некий бонус в виде новой женщины, новой машины и, возможно, денежных средств. Совершенно нормальная система, и если герой вооружен мечом или бласте-

ром, сути дела это не меняет. Мечи и бластеры – и есть пресловутый маленький вкусовой пакетик. Никакой прогностики здесь нет, это подчинение обычной, простой технической задаче: заработать деньги. В кинематографе это будет подчинено более сложной задаче: накормить армию сценаристов и кинопрокатчиков и так далее. Поэтому никакой прогностики в прямом ее смысле в современной фантастике я не вижу. Это первый принцип.

А второй принцип таков: в связи с падением приоритета чтения мы не можем говорить о том, что текст романа может кого-то о чем-то предупредить. Предупреждает несколько более сильная конструкция. Сейчас всякий роман представляет собой как бы такое дополнение в пакете, который раздается в прессе на презентации фильмов. То есть только тот роман, тот сериал может быть успешным, который экранизировали. Тогда он действительно становится идеей, способной овладеть массами. Пример – “Ночные дозоры”, которые принято поминать на всех мероприятиях. То же самое происходит с якобы фэнтези “Волкодав”: роман становится вторичным, первичным по известности становится фильм. Неважно, хороший он или плохой, тут могут быть разные точки зрения, потому что спарка кинематографа и книги работает в пользу кинематографа.

Поэтому говорить об идеях или стремлениях мы можем очень опосредованно. Не автор решает, какой социальный отклик вызовет его произведение, а целая армия сценаристов, переписчиков, копирайтеров, режиссеров, прокатчиков и так далее – вся эта огромная армия людей решает как бы вместе с ним, на самом деле – за него. Отсюда, кстати, и недовольство авторов, когда их произведения переписываются.

Если мы хотим понять, что происходит с обществом, мы можем понаблюдать за спросом на вкусовые пакетики, а не на лапшу. Не на костяк этого мифологического сюжета, а на то, какой пакетик сейчас пользуется спросом. Так же, как в супермаркете можно посчитать, что одной и той же лапши купили 800 единиц, среди них 700 единиц – с курицей, а 100 – с рыбой, и мы понимаем, что популярность рыбы по каким-то

причинам ниже. Но при этом мы понимаем, что съели-то люди один и тот же продукт, просто он был посыпан глютамином натрия ну вот в такой пропорции. Это первое обстоятельство.

Большая часть той литературы, которая называется фантастической, сделана по законам массовой культуры и совершенно не хочет никакой прогностики, а подчинена правилу зарабатывания денег

И второе: существует ли желание автора о чем-то предупредить общество? Мне кажется, нет. То есть оно существует на бытовом уровне, когда мы говорим с вами в комнате или рассуждаем, как пикейные жилеты, в Интернете. Но при этом никакой книги, реально поворачивающей механизм общественного мнения, я сейчас не наблюдаю. Не книги сейчас его поворачивают, а медиа, некие программы в медиа, то есть не единичный текст. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

Глеб Елисеев (историк, литературный критик)

Литература важнее идей, но и она всего лишь род цирка

Чаще всего дискуссии, которые ведутся насчет того, как отражается социум в фантастике, сами собой приходят к той самой теме, которая, как вы прекрасно помните, поднималась еще в 60-е годы: что такое фантастика – цель или прием?

Фантастика, в зависимости от той задачи, которую ставит перед собой автор, может быть как целью, так и приемом. Так вот, я считаю, что когда автор заранее ставит перед собой задачу смоделировать некое общество (“я хочу написать роман о прекрасном будущем” или “я хочу написать роман об ужасном будущем”), фантастика выходит ущербной. Все-таки фантастика – это в первую очередь литература. Я категорический сторонник старого тезиса Бориса Натановича Стругацкого о том, что фантастика ценна только как прием. Что любая литература ценна только

тогда, когда она говорит о человеке. О человеке не как о социальной единице – о человеке именно как человеке, эмоциональной личности. Все остальное прилагается. Да, можно при необходимости использовать некие фантастические элементы, но для выявления в большей степени

Фантастика – это в первую очередь литература, и она ценна только как прием, ибо любая литература ценна только тогда, когда она говорит о человеке

все той же эмоциональной составляющей, для лучшего описания героев. Классический пример – три самые знаменитые антиутопии. У нас есть замятинская антиутопия “Мы”, есть хакслиевский “Дивный новый мир” и есть оруэлловский “1984”. Ситуация, при которой сочинение Хаксли проваливается на фоне сочинений двух других титанов, связана именно с тем, что и Замятин, и Оруэлл ставили во главу угла судьбу одного человека в этом ужасном обществе. Их интересовала больше судьба номера Д-503 и Уинстона Смита, чем то общество, которое они рисовали. Хаксли же мало интересовала судьба дикаря или Ленайны – то есть главных персонажей. Он хотел смоделировать и показать кошмарное общество. Ну и что в итоге? Да, общество он смоделировал. Да, то общество, которое нарисовал Хаксли, гораздо более правдоподобно и, возможно, более реализуемо, чем то общество, которое нарисовали Замятин или Оруэлл. Но как

произведения литературные, как элементы, факторы литературы и “1984”, и “Мы” стоят на порядок выше.

Каждый писатель должен отдавать себе отчет в том, что он хочет сделать. Если вы желаете сделать беллетризованный политический трактат в формате фантастики – да, делайте его, это хорошо, это правильно, это может даже оказаться интересно, но знайте: с чисто литературной точки зрения он заранее обречен на то, что будет более ущербен, чем тот текст, в котором писатель исторгает из души нечто о человеке, а фантастический элемент вводит как дополнительное художественное средство. В конце-то концов, когда мы рисуем любого человека в тексте, мы волей-неволей рисуем и некое общество. Опять же, классический пример: вот, казалось бы, человек, полностью вырванный из общества как такового, – Робинзон. Но тем не менее, читая того же “Робинзона Крузо”, мы узнаем массу вещей об обществе. Так что пишите книги о героях, а не об обществе. Это будет гораздо интереснее и гораздо результативнее, а сама картинка общества приложится автоматически.

...А по поводу того, что говорил Владимир Сергеевич Березин... Я думаю, что все-таки на его стороне, к сожалению, правда. Может быть, Владимир несколько драматизировал ситуацию на данный конкретный момент, но то, что эта тенденция господствует и будет нарастать, – это сто процентов. Мы, к сожалению, вошли в такую фазу развития общества, когда, ну что же делать, литераторы действительно находятся в положении лжепророков, в положении изгнанных жрецов и оракулов. Вот когда-то мы

были велики и к нам все прислушивались, а сейчас в лучшем случае приходят и спрашивают, подорожает горох или нет. Раньше спрашивали о том, стоит ли воевать с Лидией, а теперь – какие завтра будут цены на рынке. Дело в том, что литература сошла на уровень развлекательного искусства, которое в нормальном обществе должно существовать. Артисты цирка не собираются и не размышляют о том, что вот, ребята, как бы завтра с трапеции на трапецию перепрыгнуть – и весь народ сразу поймет, как мы неправильно живем. Вот литература должна понять: мы находимся сейчас на положении артистов цирка. Развлекаем почтеннейшую публику... и ничего изменить нельзя. Да, писатели были властителями умов. И это было, кстати, не суть хорошо вообще, например, в том же XIX веке, но так было. Сейчас этого не происходит. Сейчас писатель может стать властителем умов, когда он воспринимается как проект некоей социальной группы. Вот есть действительно конкретный пример, который подтверждает вроде бы твой тезис. Книжка Дэна Брауна, пресловутый “Код да Винчи”. Книга была проектом, это признано. Есть прекрасная лекция дьякона Кураева на эту тему, где он это спрогнозировал, и потом честно ребята признались: мы запускали “Код...” как конкретный проект, он отработал себя на все сто процентов. И в идеологическом плане еще очень хорошие бабки откатили под это дело. То есть все прекрасно получилось. Вот такая литература, текст, воспринимаемый как проект, поддерживаемый на целом ряде площадок, вот он может сработать. А партизанские действия в этой ситуации – ну, они, увы, остаются партизанщиной. Они могут навредить, но войны они в этой ситуации не выиграют.

Елена Хаецкая

A parte

Меня изумляет то обстоятельство, что люди все еще читают. То есть когда спрашиваешь: если вы утверждаете, что добро сильнее зла, то почему же ваше добро до сих пор не победило, обычно отвечают: меня другое удивляет, почему зло до сих пор не победило? Вот меня удивляло, что лите-

ратура существует до сих пор, а потом я поняла, почему она существует. Она существует, товарищи, экзистенциально. Потому что наша цивилизация – это цивилизация книги. Причем абсолютно любая цивилизация и культура, и даже бедным мормонам пришлось создавать какую-то книгу, без этого они существовать совершенно не могли. Все проекты существуют на основании какой-то книги, и обязательно должна существовать книга, лежащая на столе, вся в красном переплете, и все бы на нее клали руку и говорили: “Я клянусь говорить только правду”. Такова экзистенциальная основа, на которой существует литература.

Я, кстати, не согласна, что цирк не влияет на нашу жизнь, потому что я видела совершенно замечательное представление, где человек с тигром идут по земному шару под потолком, и все это кружится, и сверкает, и вызывает в душе здоровые слезы по поводу могущества человека, который шагает как хозяин...

Александр Ройфе

(критик, исследователь, издатель)

Все бывает, однако...

Глеб Елисеев вполне разумно и логично призывал писателей писать о людях, о героях и не писать об обществе в целом. И утверждал, что невозможен вариант, когда книга, написанная исходя из каких-то идейных установок, войдет в века, останется в памяти народа и так далее. Дорогой Глеб, правда опровергает твои слова, потому что, скажем, такая вещь, как похождения Гулливера, описанные Свифтом, писались именно как сатира, как книга об обществе в целом, и тем не менее является классикой мировой литературы. То есть такие варианты возможны. Хотя, конечно, можно привести обратные примеры, но я как бы просто призываю не ограничивать его заранее этим обстоятельством.

И точно так же у меня есть несогласие со словами уважаемого Владимира Березина. Он утверждал, что сегодня невозможна определенная социальная прогностика, влияние на общество оказывает не книга, а медиа... С этим трудно

спорить, но тем не менее все-таки все зависит от конкретных авторов конкретных произведений. В одном небольшом рассказе писателя-политтехнолога Андрея Столярова “Мы, народ” (если кто не читал, рекомендую всячески и искренне) содержится короткая и очень страшная история о том, как китайцы вытесняют из русских деревень тех, кто там по случайности до сих пор остался. Это самая конкретная социальная прогностика, жесткая, беспощадная и безжалостная. Конечно, может быть, этот рассказ, опубликованный малым тиражом в каком-то малоизвестном журнале, не перевернет общество, но тем не менее такие произведения пишутся, и нельзя писателей обвинять в том, что они не способны на сочинение подобного рода текстов.

Ольга Елисеева (историк, писатель)

Всегда литераторы бухтели, и не нам заканчивать

Дима Володихин рассказал нам о современном уровне фантастики, об описании современной фантастической литературой того мира, в котором мы живем. Иными словами, описании некой серятины – я бы на самом деле назвала ее чернухой, потому что серятина поуютнее чуть-чуть будет, чем то, о чем мы читаем в большинстве произведений, – и рассказал о том, что наше с вами общество глубоко собой недоволено, бухтит по поводу того, что оно живет в таком неуютном состоянии...

Мне вдруг пришло в голову: а когда оно не бухтело? Был ли хоть один такой период в русской литературе, начиная от ее классического состояния и переходя в состояние советское, когда наша литература – не общество даже, а именно литература – не бухтела по поводу того, что мы живем в сером, скучном, противном мире, где нам неуютно? Начиная с классики, начиная с... даже с князя Михаила Михайловича Щербатова, с его памфлетов о повреждении нравов в России. Это перешло во многие, к сожалению, произведения Пушкина –

хотя Пушкин был все-таки светлый гений нашей литературы, много ясного нам подарил, – и через Гоголя, и дальше, через Толстого и Достоевского, через Чехова, эта тенденция очень хорошо прослеживается. Наше дореволюционное общество все время продолжало бухтеть, хотя жило значительно более уютно, чем жило советское общество.

Затем забухтела наша советская литература интеллигентского любимого периода. Причем бухтела она не тогда, когда было действительно плохо, не тогда, когда людей эшелонами увозили в восточном направлении, а некоторых не довозили и расстреливали по дороге, не тогда она бухтела, а тогда, когда установилась более или менее спокойная жизнь второй половины XX века. Тут-то воробей оттаял и зачирикал всюду, как мы серенько живем.

И сейчас у нас такая же, собственно, ситуация. Так, может быть, это показатель не состояния общества как такового, а состояния нашей литературы, это наше родовое пятно, это, может быть, наш крест, который мы несем и втюхиваем читателю постоянное бухтение? И Российская империя, и наше общество второй половины XX века кое-какими достижениями обладали, кое-чего было приличное. Нет, нас всегда тянуло на эту чернуху и серятину, и вот уже раздаются голоса, что мы действительно пророчествуем и востребуем это разрушение дальше.

Так мы два раза его накликали на свою голову. Наша классическая литература накликала нам 17-й год, хотя она не одна виновата: все наше образованное общество того времени требовало разрушения. Это раз. Потом мы второй раз разрушили свою страну именно такого рода эманациями и в литературе, да и в культуре в целом. Описывая нынче серятину, идем по той же самой выбитой колее. Ребята, смотрите, мы третий раз разрушим! Вроде бы как писание книг – это созидательный процесс, но мы посредством этого разрушаем, и нам уже нечего разрушать. И я стараюсь не разрушать, я громко пою о том, что вот, ребята, давайте кончать с этой серятиной, с нудятиной, с рассказом о том, как мы плохо, дурно живем. Живем – слава Богу! ■

Кто такой патриот?

Какие смыслы вкладывают сегодня россияне в понятие “патриотизм”, какими критериями они руководствуются, признавая или не признавая кого-либо патриотом? Данные одного из опросов ФОМа позволяют составить об этом определенное представление.

Отвечая на открытый вопрос *“Какого человека можно назвать патриотом?”*, респонденты чаще всего (27% от общего числа опрошенных) говорили, что таковым, по их мнению, является тот, кто любит свою Родину, переживает за нее и за ее граждан: *“полностью преданный своей стране”*; *“думают не о себе, Родина у них на первом месте”*; *“болеет за свой народ”*; *“который переживает за свою Родину”*; *“патриот – человек, любящий свою страну, несмотря на ее недостатки”*.

По мнению втрое меньшей доли опрошенных (9%), патриотом можно назвать человека, который что-то делает для страны, для народа: *“принесит пользу народу, Родине”*; *“старается для своего народа”*; *“тот, кто заботится о благополучии страны и о людях”*.

Довольно многие – 7% опрошенных – предпочли проиллюстрировать свои представления об истинных патриотах ссылками на конкретных политических и общественных деятелей. Примеры разнообразны – от В. Жириновского до академика А. Сахарова. Нередко упоминается и действующий президент России.

Респонденты говорили также о таких чертах и признаках патриота, как готовность к самопожертвованию ради своей страны (6%), участие в сражениях за Родину или военная служба (4%), гордость за свою страну (4%). Как полагают еще 3% опрошенных, патриотом можно назвать того, кто не хочет уезжать из страны.

Далее мы попросили респондентов оценить – по отдельности – значимость ряда критериев патриотизма, которые были сформулированы в предложенных им вопросах.

Наиболее бесспорным из этих критериев оказалось отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть патриотом. Почти столь же существенными были

признаны еще два из упомянутых в опросе критериев: 70% респондентов сказали, что нельзя считать патриотом человека, не знающего истории своей страны, 69% – отказали в чувстве патриотизма тем, кто уклоняется от службы в армии. По мнению 56% опрошенных, не патриот тот, кто стремится уехать жить и / или работать в другую страну.

Иные признаки (такие, как участие в выборах, знание гимна своей страны, предпочтение, отдаваемое отечественному искусству перед зарубежным, и др.) оказались менее значимыми для оценки человека как патриота (31–45% ответов).

В целом более половины россиян – 57% – считают себя патриотами (не считают – 30%). Причем следует подчеркнуть, что соответствующий вопрос был задан уже после того, как респонденты определили свое отношение к перечисленным выше критериям.

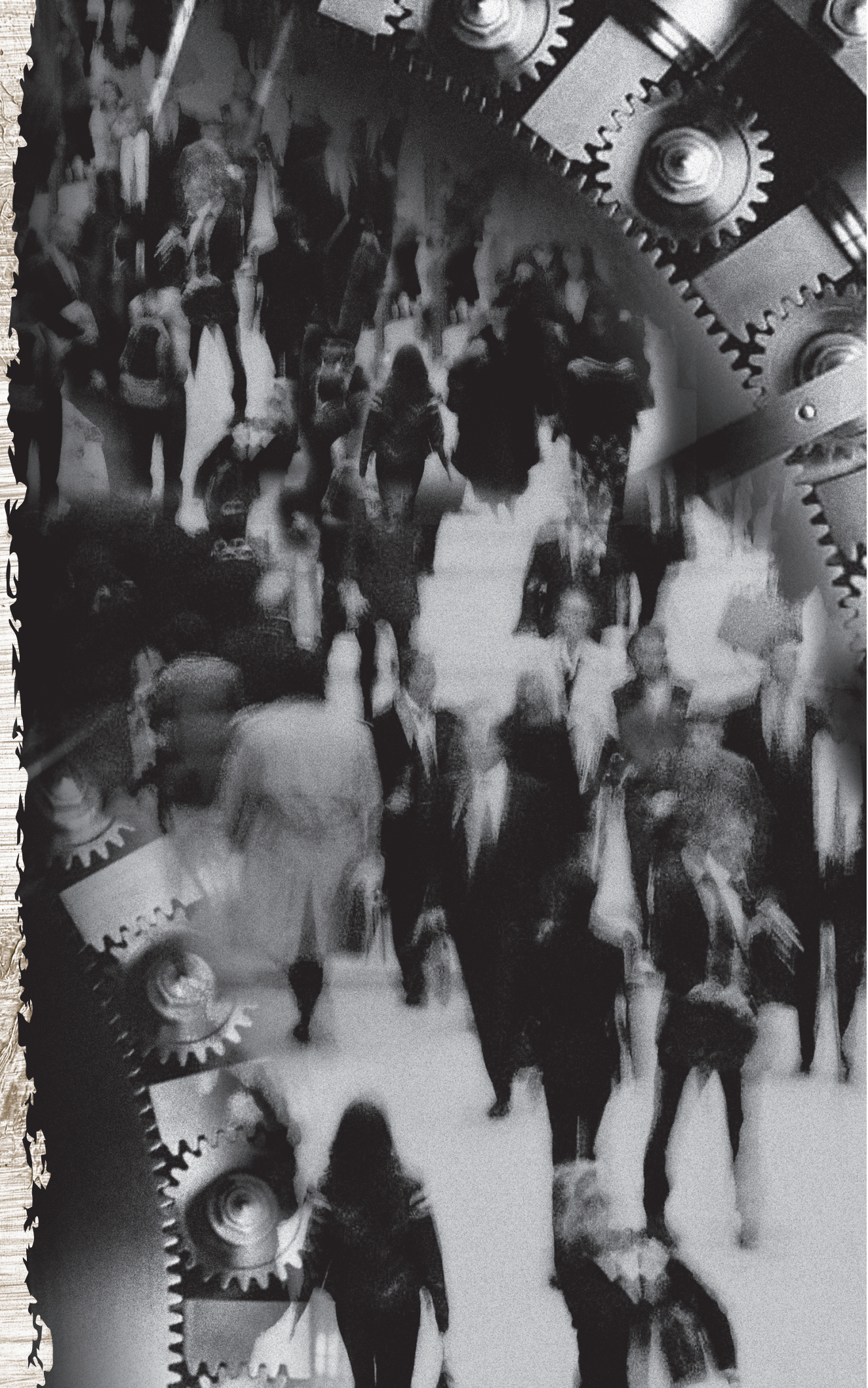
Заметно чаще прочих считают себя патриотами представители старшего поколения (65%) и люди с высшим образованием (69%). При этом первые более строго, чем респонденты в среднем по выборке, относятся к предложенным им критериям патриотизма, а вторые, наоборот, – более мягко.

П. Бавин

Общероссийский опрос населения от 2–3 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

WAGTIFPROJECTVAR

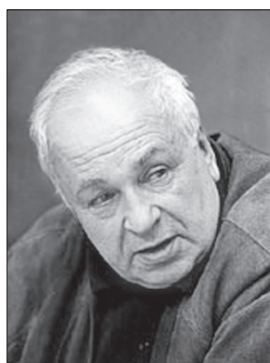

Б. Докторов

Жизнь в поисках “настоящей правды”

Заметки к биографии Ю.А. Левады

Благодарю многих коллег и друзей Ю.А. Левады, а также людей, не знавших его лично, за помощь в этой работе.

Жизнь состоялась

Как только российская социология начнет понимать себя и осознавать свою силу, она серьезно займется изучением наследия и биографий тех, кто ее создавал и возрождал, с чьей деятельностью связаны важней-

шие события в ее современной истории. Справедливо и обратное: без систематического исследования деятельности тех, кто в постхрущевские годы формировал теорию и методологию советской социологии, кто зафиксировал образ жизни, особенности массового сознания и характеристики многочисленных форм поведения населения СССР / России, отечественная социология не сможет по-настоящему понять и реально оценить себя.

Можно утверждать, что любой претендующий на полноту исторического, политического, социально-культурного анализа процессов, происходивших в СССР во второй половине прош-

го века и в России в начале наступившего столетия, всегда в значительной степени будет базироваться на результатах исследований общественного мнения, проводившихся Юрием Александровичем Левадой (1930–2006). Вместе с тем очевидно, что стремление историков науки к познанию экологии среды, в которой прошло становление советской социологии, неминуемо подведет их к изучению его жизненного пути.

Важной особенностью творчества Левады, наиболее заметно проявляющейся в его статьях и выступлениях последних десяти лет жизни, является их латентная и нетривиальная автобиографичность. В них нет мемуарности, но в их предметной наполненности – анализе наблюдений за динамикой сознания россиян – присутствует и его гражданская позиция, и его “я”, то есть размышления о прожитых им годах. Суммируя все происходившее с “человеком советским” или в “человеке советском”, Левада одновременно пытался осмыслить свой жизненный путь. Потому аналитики, для которых главную ценность представляют социологические выводы Левады, неминуемо увидят в них Леваду – гражданина и личность, а историки социологии смогут по-

дойти к пониманию жизни и творчества Левады лишь в том случае, если осияет его научное наследие. Пока можно сказать лишь одно: его жизнь состоялась.

Когда Левада стал заниматься социологией, он считал, что следует поставить перед обществом зеркало, чтобы общество в это зеркало смотрелось. Всю жизнь он старался это делать, и очень многое ему удалось [Левада. 2004].

Из сказанного следуют два вывода. Первый – творчество Левады и его биография непременно будут предметом специальных историко-наукведческих исследований. Второй – сейчас почти невозможно обстоятельно писать о сделанном ученым. Необходима дистанция для обзора жизненного пути и творчества Левады, и нужно время для освобождения от ощущения его харизмы, некоторые грани которой обозначены сорок лет знавшим его Алексеем Левинсоном. Он говорит о “феномене L” [Левинсон. 2006].

Однако это не означает, что изучение наследия Левады должно быть отнесено в будущее; это было бы крайне нежелательно и для создания его творческой биографии, и для написания истории современной российской социологии. Время не имеет обратного хода, и потому то, что относительно легко сделать сейчас, через несколько лет может оказаться неосуществимым.

В конце прошлого года журнал “Социальная реальность” объявил о начале проекта “история с близкого расстояния”. Его цель заключается

в том, чтобы наследие живо и останется значимым для будущих аналитиков общественного мнения. Уверен, что в этом “Зале славы” должно быть место и для портрета Юрия Александровича Левады.

Дважды шестидесятник

Для нескольких поколений российских социологов, аналитиков общественного мнения, исследователей культуры Юрий Александрович Левада был и остается эталоном с точки зрения поведения обществоведа в сложных политико-нравственных коллизиях. На его смерть отозвались виднейшие политики страны, ведущие исследователи российского общества, демократически ориентированные средства массовой информации России, ряд западных информационных каналов. Соболезнования прислали президент Владимир Путин, вице-премьер Дмитрий Медведев, а также первый президент Советского Союза Михаил Горбачев [Москва сегодня прощалась...].

Если кратко сформулировать причину подобного внимания к явно не публичной, не пафосной личности, к ученому, полтора десятилетия вынужденно молчавшему, то она проста: огромный дефицит людей, верящих в существование, говоря словами Левады, “настоящей правды”, постоянно ищущих эту правду и стремящихся ее говорить. Многим такая вера и такое поведение кажутся наивными, немодными, опасными и бесполезными. Однако в моменты просветления общественного и личностного сознания оказывается, что именно этого “устаревшего” товара всегда и всем недостает.

Леваду можно назвать “дважды шестидесятником”. В 1960-е, подобно многим интеллектуалам, он воспринял идеалы хрущевской “оттепели” и сделал их базой, гражданским императивом своих научных изысканий. В середине 1980-х он, поколебавшись – ведь мысль всегда пессимистична, – принял дух перестройки. В интервью, данном Левадой за два месяца до его смерти, он вспоминал: “Я помню, как обсуждали пришествие Горбачева. Я ему сначала не верил совершенно. Считал, что это очередной Черненко. Но потом исправился” [Вытеснение в мертвую память].

Когда Левада стал заниматься социологией, от считал, что следует поставить перед обществом зеркало, чтобы это общество в него смотрелось

в анализе личных судеб и творчества тех, кто во второй половине XX века и в первые годы наступившего столетия внес заметный вклад в изучение общественного мнения [Докторов. 2006]. Это будут “оперативные материалы”: очерки, воспоминания, фотографии, документы другого рода о людях, чей жизненный путь уже завер-

Обладая мужеством все додумывать до конца, он, скорее всего, никогда не считал, что “иногое дано”, но одновременно в течение последних двух десятилетий не допускал мысли о реставрации милой сегодня многим в России имперскости. Даже внутри социологического сообщества, в котором представители старших поколений обоснованно относят себя к шестидесятникам, не все сохранили политические ценности и интеллектуальные устремления того времени. Левада – сохранил. В печально-траурные дни профессор А.Г. Здравомыслов, знавший его четыре десятилетия, писал: “Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в молодости...” [Письмо Здравомыслова Докторову. 2006].

Молодой блестящий ученый

Юрий Левада был человеком закрытым: о себе говорить не любил, воспоминаний не публиковал, но все же из разрозненных публикаций и скупых в биографическом отношении воспоминаний его друзей и коллег вырисовывается общая траектория жизни ученого.

Родился он в Виннице; его мать была журналисткой, отец, Александр Степанович Косяк-Левада – известным украинским литератором; он участвовал в Великой Отечественной войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов.

Бабушка Левады была полькой, принадлежащей к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже Левада читал по-польски газеты, политическую и социологическую литературу, слушал на польском радио “Свобода”, которое не глушили.

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было, а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить. “Историю социологии, – говорил Левада осенью 2006 года, – кроме польских ис-

точников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социоло-

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было, а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить

гии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу” [Вытеснение в мертвую память].

Украинский язык он всегда знал, интересовался Украиной и часто там бывал. По воспоминаниям украинского социолога Владимира Паниотто, в 2004 году Левада участвовал в проведении экзит-поллов, а на пресс-конференции по их результатам неожиданно для всех присутствовавших заговорил на украинском [Письмо Паниотто Докторову. 2006]. Возможно, еще в юности он начал изучать и другие языки, во всяком случае в зрелые годы он читал социологическую литературу и говорил на ряде европейских языков.

О детстве Левады известно очень мало, потому приведу кажущийся мне интересным факт. В годы войны – значит, ему было не меньше десяти лет, – Левада жил с семьей в Тюмени (в 2001 году я рассказал ему о конференции в Тюмени, и он заметил, что если бы знал о ней раньше, может быть, и поехал бы – не был в том городе после эвакуации). И вспомнил, как однажды его мать пришла домой и сказала тихо: “Юра, к нам в город приехал Ленин”. Прежде всего он подумал о “живом Ленине”. Вообще в те годы очень немногие знали, что тело Ильича находилось в Тюмени.

Интерес к философии у Левады появился в старших классах школы: начал читать – и понравилось. У деда со стороны матери – профессора медицины и фармакологии – книжные полки занимали все стены. Была лесенка, на которой

было уютно сидеть и углубляться в философские дебри. В 1947 году, с наивной надеждой, что существует место, где должны говорить “настоящую правду” [Левада. 1999], Левада поступил на философский факультет Московского университета. В начале 2000-х годов, вспоминая факультет, он говорил: “Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал”. Со студенческим окружением ему повезло: “В те годы через факультет проходил «сильный пучок» интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого «парада планет» не было” [Нарышкина]. В цитируемой выше статье А. Левинсон отмечает феноменальность студенческой когорты тех лет [Левинсон. 2006]. Одновременно с Левадой, чуть раньше или позже, учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Эрик Юдин, Георгий Щедровицкий. На одном курсе с Левадой училась и Раиса Титаренко, будущая жена Михаила Горбачева. Горбачев пишет в своих воспоминаниях: “...Все чаще стал я посещать комнату общежития, где жила Рая, познакомился и с ее подругами и их друзьями – Мерабом Мамардашвили и Юрием Левадой (первый позднее стал известным философом, второй – столь же известным социологом). Собеседники они были интересные...” [Горбачев. 1995. С. 69].

Вспоминая студенческие годы, Николай Иванович Лапин отмечает: “С Юрием Левадой, просто Юрой, я познакомился в 1949 году, когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и проницательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически” [Письмо Лапина Докторову. 2006].

Чистая философия Леваду тогда не интересовала, это пришло позже, его влекло к социально-политической проблематике, к вопросам социальных изменений. Социологии в те годы не обучали, он слышал о ней совсем немного, никакой специальной литературы у него не было.

Университет Левада окончил в 1952 году, в конце обучения его заинтересовал Китай. По его словам, он “наполовину выучил язык”, напи-

сал диплом, а в 1955 году – и кандидатскую диссертацию по китайской революции [Левада. 1955]. В том же году он начал работать в Институте китаеведения, поехал в Китай, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же сделать удалось. Потом отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 году Левада перешел в Институт философии АН СССР и начал заниматься социологией религии – темой, имеющей многовековые традиции в мировой культуре и обществоведении, но абсолютно новой для того времени в СССР. Уверен, при раскрытии этой темы Леваде приходилось сдерживать себя и при стремлении к высокого уровня философским обобщениям, и при спуске в глубины массового сознания. Исследования завершились книгой “Социальная природа религии” (1965 год), не потерявшей свое значение и в наше время. Им был сформулирован ряд общих подходов к социологическому исследованию культуры, показано, как обществом, человеком воспринимаются сложные явления окружающего мира, и описан механизм становления управляющей общественной системы. Думаю, что многое, о чем ему хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

В 1966 году Левада становится одним из первых в стране докторов наук, работающих по социологической тематике, и создает научный коллектив, ведущий исследования по теории социологии. В том же году родился известный левадовский междисциплинарный семинар, на котором обсуждались новые для того времени походы к изучению всего множества форм социальных отношений. Тогда это был не “теневой” семинар, обычный – классическая форма академической работы.

За “не те” слова он был обречен на молчание

В 1968 году Левада участвует в создании Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Через год он издает “Лекции по социо-

логии” [Левада. 1969]; два тома, каждый из которых был немногим более ста страниц. Это были материалы лекций, которые он четыре года читал в МГУ будущим журналистам.

Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь являются далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения “Лекций” и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, идеологи старой закалки, вынужденные в период “оттепели” припудрить свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до “Пражской весны” и пропущенная цензурой, в 1969 году была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек – ничто, а массы – все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики. Статьи в “Правде” и “Коммунисте”, главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина – отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х включал и такую частушку: “Ой, не надо, ой, не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду да к столетию Ильича” [Интервью с Лисовским. 2000].

На время Леваду оставили в покое, но летом 1972 года к руководству ИКСИ пришел М.Н. Рут-

кевич. “Тогда, – вспоминал Левада, – он имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что там тут не жить, надо уходить. Я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением” [Интервью с Левадой].

Поскольку в достаточно влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов друзья помогли ему устроиться на скромную

Позже Левада называл свой курс “Лекций по социологии” примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было стремление показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества

должность старшего научного сотрудника в Центральном экономико-математическом институте АН СССР (ЦЭМИ). Первоначально с ним должны были перейти еще несколько человек, но в результате не дали даже ставки секретаря. Так, “сам по себе”, он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

В дни, когда друзья и коллеги прощались с Левадой и я делал подборку материалов о нем [Человек, всю жизнь искавший “настоящую правду”. 2006], Владимир Шляпентох писал: “Для меня главное, что сделал Юрий Левада в своей жизни, – это мужественное противостояние давлению тоталитарного государства в 1970-е годы, которое с большой вероятностью могло обер-

нуться арестом. Он тогда не дрогнул и стал, по сути, единственным диссидентом среди социологов первой волны» [Письмо Шляпентоха Докторову. 2006].

В разные времена судьбы огромного числа людей были сломлены советской властью, но в ряде случаев ее давление на тех, кто высоко ценил свою правоту, был глубоко предан своим убеждениям и верил в правоту своего видения мира, приводило к обратным результатам. ГУЛАГ сделал Солженицына, заключение выковало Бродского, «психушка» обострила художественное видение Шемякина, высылка из страны Ростроповича привела к тому, что он стал мировой знаменитостью. Их таланты раскрылись в вынужденной эмиграции; обстоятельства дали им почувствовать настоящую свободу в творчестве.

Возможно, власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, – он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным. Речь идет о том, что все эти годы работал левадовский семинар. Каждые две недели собирались люди: иногда – лишь постоянные участники, и потому хватало небольшой комнаты, иногда – несколько сот человек. Официальная философия, социология были узкими, скованными, потому существовал интерес к нормальным, неидеологизированным исследованиям, ощущалась необходимость изучения реального человеческого поведения. Случалось, что вокруг семинара возникали скандалы, приходилось менять место.

Власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным

Деятельность семинара и его руководителя интересовала и КГБ, но, скорее всего, органы понимали, что лучше не загонять обсуждение общесоциологических проблем в подполье.

Очень яркий факт, говорящий о гражданском, личном мужестве Левады, приводит в своем эссе Владимир Шляпентох – он вспоминает время, непосредственно предшествовавшее его эмиграции в Америку: «Левада, вообще очень сдержанный и даже суховатый человек, не был моим другом, только добрым коллегой. Так вот, как только стало ясно, что я оказался в числе «неприкасаемых», он стал бывать в моем доме почти ежедневно, полностью игнорируя тот факт, что все его посетители – таково было тогда всеобщее мнение – регистрируются соответствующими службами. Когда у меня возникали неприятности, я ждал его прихода с нетерпением для совета и успокоения» [Шляпентох. 2007].

“Не припомню, когда бы я говорил, писал или заявлял то, чего я не думал...”

В конце марта этого года бывший ленинградец, профессор Дмитрий Шалин, давно преподающий социологию в Университете Невады в Лас-Вегасе, восстановил и перенес на бумагу диктофонную запись своей продолжительной беседы с Юрием Левадой, состоявшейся в феврале 1990 года [Интервью с Левадой]. С любезного разрешения Д. Шалина привожу несколько разрозненных фрагментов (в тексте интервью они расположены не подряд) из воспоминаний Юрия Александровича об описанных выше событиях.

Д.Ш.: Как Вам казалось, в 60–70-е годы, особенно когда Вы были официально в опале, была у Вас возможность говорить то, что Вы думаете?

Ю.Л.: Возможно, я Вас в чем-то разочарую, но я могу сказать только то, что могу сказать. Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал. Внешнюю канву этих событий Вы знаете. В 69–70-м была попытка расправиться с социологией. Предлогом была моя книжка, я думаю, только предлогом.

Д.Ш.: Встречались Вы на дому? (Речь идет о семинаре. – Б.Д.)

Ю.Л.: Мы встречались обычно либо там, где я работал, либо еще на какой-нибудь другой почве. В основном там, где я работал, там у нас и проходил семинар. У нас помещения долго не было... Несколько раз его пытались запретить, мы

меняли название, меняли крышу и продолжали жить практически непрерывно.

Д.Ш.: Я вот слушаю Вас, и мне кажется, что Вы можете сказать или кто-то мог о Вас сказать, что Вы жили не по лжи. Вы по существу как думали, так и говорили. Я немножко утрирую, но...

Ю.Л.: Думаю, что да. Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю...

Д.Ш.: Хотя и молчали по поводу определенных вещей.

Ю.Л.: Во-первых, я просто не участвовал в социологических прочих вещах. Во-вторых, в это время развернулась политическая жизнь на уровне диссидентства.

Д.Ш.: Вы, кстати, не считали себя диссидентом?

Ю.Л.: Нет. Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал.

Д.Ш.: А был когда-то момент сомнения, что, может быть, пора уезжать?

Ю.Л.: У меня не было ни разу.

Д.Ш.: А Вы можете себе представить такие условия в Советском Союзе – тогда, сейчас, в будущем, – когда Вы бы всерьез задумались, что, может быть...

Ю.Л.: Сказать, что мне нужно было бежать от преследования, я не имел права. Сказать, что я чувствую интерес к лучшей жизни, я никак не мог, она меня не интересовала и не интересует сейчас.

Д.Ш.: Было такое ощущение, что когда Вы пишете, Вы что-то недосказываете или выбираете тематику...

Ю.Л.: Конечно, в какие-то времена кое-что недосказывал. У меня вчера был разговор с нашим Эрихом Гольдхагеном (Erich Goldhagen, профессор-историк, многие годы работал в Center for Russian Studies в Гарвардском университете. – Б.Д.), которому я сказал... я увидел, что он пишет о фашизме, интересуется им, и я ему сказал, что я когда-то очень занимался этим делом и написал одну статью, в энциклопедии она философской [Левада. 1993]. Она довольно боль-

шая, и в свое время мне нравилась, а потом... Он меня спросил: “Это написано в духе времени?” Вопрос, на который довольно трудно ответить. Мне самому кажется, что вряд ли совсем в духе времени, хотя и неясно, что такое дух времени. Вы знаете, что главой редакции Философской энциклопедии был академик Константинов, который не все читал, но он меня знал хорошо и статью взял читать. На полях верстки он сделал надпись: “Это про них или про нас?”

Д.Ш.: Тут-то Вы и поняли, что написали нечто хорошее.

Ю.Л.: Нет, это я, простите, заранее знал, тут мне особенно не надо было на него опираться, мне единственное надо было, чтобы он не мешал. Тогда редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово “буржуазный”, то есть это не просто такая организация, а “буржуазная”.

Востребован новым временем

В истории современного этапа российской социологии есть событие, которое большинству людей ни о чем не говорит, но при упоминании о котором у небольшой группы социологов первых поколений теплеют глаза. Речь идет о семинарах, или конференциях, в Кяярику (Kääriku) – небольшом эстонском городке вблизи Тарту. Там – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, в тех дискуссиях происходило понимание важнейших методолого-методических проблем социологии и формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения. Организатором семинаров был Уло (Юло) Вооглайд (Ülo Vooglaid) – тогда аспирант Тартуского университета, теперь – известный социолог, политик и общественный деятель, а дух этих встреч во многом определялся выступлениями и общим отношением к жизни и социологии Владимира Ядова. Первая встреча проходила в 1966 году, вторая – в 1967-м и третья –

в 1968-м. Состоялась и четвертая, но ее материалы не опубликованы.

Через сорок лет после Кяярику-1 Ядов вспоминает: «Встречи в Кяярику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода «Западом». Языка московские на-

Дискуссии в Кяярику – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, там обсуждались важнейшие методолого-методические проблемы социологии, формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения

чальники не понимали, и генсек эстонской компартии Иоханнес Кэбин точно играл роль «крыши». В Кяярику участники собраний чувствовали себя примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали – как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзевец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы» [Ядов. 2005]. А вот слова Владимира Шляпентоха: «Эти семинары были праздником души и профессионализма» [Шляпентох. 2006].

Если судить по оглавлению сборника выступлений на первой конференции, то можно утверждать, что Левада был там ключевой фигурой. Он делал доклад о массовой культуре и различных видах массовой коммуникации, в котором, в частности, сказал: «...Смотреться в зеркало не вредно, и в такое зеркало, как общественное мнение, тоже иногда можно смотреть...» [Левада. 1967-а]. В свете того, что через два десятилетия стало главной темой исследований Левады, интересен один из фрагментов его ответа на замечание В.Б. Ольшанского относительно введенной докладчиком «тонирующей» функции массовой коммуникации. Ссылаясь на Руссо, Левада говорил о демократии как о сочетании компе-

тентных мнений людей [Левада. 1967-б]. Таким образом, вопросы феноменологии общественного мнения находились в поле зрения Левады уже в начале 1960-х годов, латентно эта проблематика присутствует и в его статьях 1970-х – начала 1980-х годов.

Из «заточения» в ЦЭМИ Леваду освободила перестройка. В 1988 году социолог и экономист, академик Татьяна Заславская и профессор Борис Грушин, «отец» опросов общественного мнения в СССР, приступили к созданию Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМа) и пригласили Леваду возглавить теоретический отдел. Получив от Грушина предложение перейти во ВЦИОМ, Левада согласился, выдвинув одно условие: вместе с «командой». Условие было принято, и сильная группа социологов-культурологов, прошедшая через семинар, приступила к новой работе.

Расцветала гласность, вскоре была отменена цензура, население втягивалось в обсуждение всего происходившего в стране, людей можно было спрашивать о многом. Символично, что первая книга, выпущенная в 1990 году Левадой и его коллегами, бывшими «семинаристами», называлась «Есть мнение!» [Есть мнение! 1990]. Это не был ответ на самый сложный теоретический вопрос о том, что такое общественное мнение, но нечто созвучное восклицанию «Эврика!», передающему одновременно и удивление, вызванное обнаружением нового, и радость первопроходцев. Действительно, в те годы значительные группы населения страны были активно вовлечены в перестроечные преобразования; одни – принимали их, другие – отвергали, но в любом случае они реагировали на происходящее.

В 1992 году сотрудники ВЦИОМа выбрали Леваду директором, тогда ему пришлось заниматься не только теоретическими проблемами изучения общественного мнения, но определять стратегию деятельности института и решать множество рутинных вопросов. С момента рождения ВЦИОМ был ведущей в СССР, затем – в России организацией по изучению мнений населения, его результаты постоянно публиковались в наиболее известных средствах массовой информации, комментировались ведущими поли-

тологами и политиками. При этом нередко говорили не “как показали опросы ВЦИОМа”, а “по результатам опросов Юрия Левады”.

Одновременно с освещением отношения граждан к происходящим в стране событиям Левада постоянно вел углубленное исследование динамики сознания россиян. Мониторинг был задуман в 1989 году для отслеживания, как казалось, уходящей натуры – “человека советского”. Однако опрос 1994 года показал, что все происходившее в обществе не столько формировало “нового” человека, сколько обнаруживало, освобождало в нем ранее скрытое, латентное. Еще через пять лет оказалось, что большинство населения – консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже реставраторских настроений. Четвертое обследование (2003 год) проводилось в обстановке “авторитарной стабильности”. Подводя итоги мониторинга, Левада отмечал, что почти за два десятилетия с начала реформирования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается “советским”, и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам [Левада. 2007].

Прошло свыше трех десятилетий после разгрома “Лекций” Левады, и вокруг ВЦИОМа начали развиваться события, напомнимшие многим далекое прошлое. Созданный еще в “старое” время Центр и в начале нового века формально оставался государственной организацией, хотя свои финансовые проблемы решал самостоятельно, денег из бюджета ему не полагалось. В 2003 году власти под предлогом упорядочения хозяйственных вопросов решили изменить статус ВЦИОМа и снять его руководителя. И тогда, и сейчас выдвигались разные предположения, соображения о мотивах подобной деятельности властных структур; в частности, есть точка зрения, что, по оценкам ВЦИОМа, рейтинг президента имел иную динамику, чем в расчетах аналитиков других организаций. В то время я проводил специальные сравнительные исследования и ничего подобного не обнаруживал. Потому предположу, что реальная причина была в ином:

власть действовала на опережение. Смотря в будущее, она в принципе прогнозировала возникновение таких политических коллизий, в которых ей придется договариваться с Левадой о направленности тех или иных опросов, а, может быть, об интерпретации получаемых результатов. Одновременно она понимала невозможность успешности таких переговоров.

Завершилась эта эпопея тем, что Левадой и его сотрудниками была создана новая независимая организация “Аналитический центр Юрия Левады”. Туда перешли 82 человека из 82, работавших во ВЦИОМе. Работа не прекращалась ни на один день...

Наследие Левады: это надолго

Менее чем за месяц до смерти Левада следующим образом суммировал сделанное за годы изучения общественного мнения: “Мы стараемся делать, что мы можем делать, – профессионально. Говорить, что это получается у нас очень хорошо, я бы не стал. Получается что получается. Какое у нас общественное мнение, такая и жизнь. Говорят, что есть центры, которые стараются причесать это мнение под власть. Я вообще

Почти за два десятилетия с начала реформирования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается “советским”, и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам

не понимаю, зачем это делать. Оно и так такое гладкое и причесанное... Мы ведем мониторинг постоянно, регулярно и независимо от ситуации. У нас ряды до 15 лет и больше. Такая наша жизнь со всеми ее увлечениями, разочарованиями, провалами. И в людях, и в политиках, и в зарубежных связях. Мы считаем своей спецификой не то, что мы ставим вопросы, а то, что мы стараемся

их понимать. Мы считаем себя обязанными понимать, почему люди говорят так, а не иначе” [Не стало Юрия Левады. 2006].

Юношеские мечты Левады о поиске настоящей, подлинной правды в зрелые годы трансформировались в глубокую исследовательскую установку – понимать социальный мир. Он в полной мере разделял спинозовскую максиму: “Не радоваться, не горевать, а понимать...” [Левада. 1993. С. 18]. Эта мысль, внутренний императив отражены и в целях многолетней деятельности ученого, и в методах и результатах его работы.

В жизни-творчестве Левады я могу выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства. Все периоды были в высшей степени продуктивными, а кумулятивный эффект – весьма значимым.

Защищая свои “Лекции по социологии”, Левада потому был бескомпромиссен, что не мог себе позволить отказаться от тех теоретико-методологических конструкций, которые он начал возводить. Он верил в них и не становился веротступником. Полтора десятилетия в ЦЭМИ – я не говорю о драматизме самого факта затворничества – превратили Леваду в одного из самых образованных советских социологов, позволили ему вести свободный внутренний диалог по принципам социальной философии и политики. Невозможность публиковаться обернулась для него возможностью сосредоточенно размышлять об основах социального знания, уст-

высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения.

Исторически сложилось так, что в Америке и Западной Европе изучение общественного мнения является научно-аналитическим видом деятельности, лежащим на пересечении социологии, социальной психологии, политологии и журналистики. И хотя уже в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов XX столетия изучением массовых установок занимались такие крупные ученые, как Гордон Олпорт, Пауль Лазарсфельд, Самуэль Стауффер, Стюарт Додд, а в настоящее время данные опросов, особенно длинные ряды, используются историками, социальными философами и культурологами, изучение общественного мнения во многих странах не относят к разделу академической науки. В СССР процесс становления исследований общественного мнения развивался иначе, центральные и локальные партийные организации привлекали к проведению опросов социологов, работавших в академических институтах, университетах, в научных и образовательных структурах КПСС.

Начинались опросы общественного мнения в СССР в 1960 году фактически по той же модели, что и в США, по заказу и при поддержке газеты; Б.А. Грушин проводил их для “Комсомольской правды”. Но потом он занимался ими как сотрудник институтов Академии наук. Первый всесоюзный репрезентативный опрос по месту жительства на основе территориальной выборки был проведен В.Э. Шляпентохом, когда он работал в Институте социологических исследований АН СССР. В Ленинградском отделении того же института проводил опросы работающего населения Б.М. Фирсов. В Академии общественных наук при ЦК КПСС региональными зондажами мнений занимались Ж.Т. Тощенко и несколько позже – М.К. Горшков. Значительное число всесоюзных и региональных опросов общественного мнения в 1970–1980-х годах было проведено Ф.Э. Шереги, возглавлявшим соответствующий отдел в Высшей школе при ЦК ВЛКСМ. К моменту создания ВЦИОМа в стране было защищено множество кандидатских и несколько доктор-

В жизни-творчестве Левады можно выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства

ройстве общества и месте человека в обществе. В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера – но в действительности он таковым был. Прежде всего это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его

ских диссертаций по проблематике исследований общественного мнения.

Творчество Левады – исследователя общественного мнения – продолжало и развивало традицию изучения общественного мнения академическими (университетскими) социологами. Но он привнес в эту область социальных исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога. Время, логика развития науки и ряд внешних обстоятельств организационного плана поставили перед ним задачу: в конце XX века объединить огромный опыт, накопленный за века в социальной философии и культурологии, с новейшими достижениями в области информатики и технологии опросов. Он принял этот вызов и ответил на него. Его наследие – уникально и бесценно. Это – крупномасштабная и многокрасочная картина трансформации общественного сознания россиян в один из драматических для России и мировой истории моментов: перехода страны от тоталитаризма к демократическим принципам общественного устройства. Его стиль анализа эмпирической информации – уникален, думаю, неповторим, как неповторим тот путь, которым он пришел к изучению общественного мнения.

Вот как характеризует ВЦИОМовский период работы Левады Игорь Кон, который знал его в течение ряда десятилетий: «Появление Левады во ВЦИОМе было неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был прежде всего теоретиком, и если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, просто засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми... Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он раньше не занимался. Однако он пытался за текущей информацией политического характера нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориента-

ций «простого советского человека», и сделал это блестяще» [Кон. 2007].

Жизнь Левады сложилась так, что после книги о социальной природе религии им не было опубликовано монографий, однако ему принадлежит значительное число статей, большинство

Творчество Левады продолжало и развивало традицию изучения общественного мнения академическими социологами. Но он привнес в эту область исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога

из которых написаны уже после его перехода во ВЦИОМ. Малоизвестные читателям социологические работы периода десятилетнего молчания собраны в сборнике, увидевшем свет в 1993 году [Левада. 1993]. Через семь лет была опубликована коллекция статей ученого об общественном мнении [Левада. 2000]. В течение многих лет почти в каждом выпуске журнала «Мониторинг общественного мнения» (сейчас он выходит под названием «Вестник общественного мнения») публиковались статьи, написанные Левадой.

Проводя огромное число опросов (только за первое десятилетие работы ВЦИОМа их было свыше тысячи, опрошено более полутора миллионов человек [Левада. 2000. С. 572]), решая массу организационных проблем, с которыми сталкиваются полстеры, он всегда оставался... нет, был прежде всего социологом. Для него изучение общественного мнения являлось важнейшей частью исследования фундаментальных социальных процессов. Девизом левадовского ВЦИОМа и его наследника – Аналитического центра Юрия Левады – является краткая фраза: «От мнения к пониманию». Другими словами, от множества различных мнений – к настоящей правде.

Отсюда замаскированная легким стилем изложения глубокая теоретичность статей Левады; это нетрадиционное для многих аналитиков

общественного мнения описание распределенных голосов участников опросов. В действительности Левада непрерывно достраивал концепцию социокультурной системы и человека, которая начала у него формироваться при изучении социальной природы религии, развивалась им в серии ЦЭМИшных статей, была пунктирно намечена в небольшой коллективной книге о советском простом человеке [Советский простой человек. 1993] и затем проходила более чем десятилетнее испытание в “Мониторинге”. Человек “приспособленный”, или “адаптивный”, человек “недовольный” и позднее – “смирненно недовольный”, человек “лукавый”, человек “особенный”, человек “русский” – это все не просто эмпирически выявленные типы отношения значимых групп россиян к окружающему их миру, но каждый раз – проекция некоторого сложного, многомерного видения человека на определенную, заданную конкретными обстоятельствами (экономическими, политическими, социокультурными и проч.) плоскость. Человек един, правда, он – иногда быстро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он выглядит по-разному.

Теперь хотелось бы кратко остановиться на двух аспектах исследовательского подхода Левады, которые, на мой взгляд, не получили должного развития, и потому ряд переходов в движении “от мнения к пониманию” оказались

Человек един, правда, он – иногда быстро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он смотрится по-разному

недостаточно проясненными. Первый из них касается использования многомерных методов анализа данных опросов, второй – изучения роли средств массовой информации при формировании общественного мнения.

В середине 1960-х годов Левада одним из первых в СССР заговорил о важности ис-

пользования в социологии математических [Левада. 1964] и кибернетических методов [Левада. 1965]. Эти же вопросы освещались им и в его “Лекциях”. Здесь же назову комментарий Левады к докладу Ядова на первой конференции в Кяэрику. Он касался проблем измеряемости и надежности [Левада. 1967-в].

В начале 1990-х мне приходилось многократно обсуждать с Левадой ход и итоги совместной работы ВЦИОМа и международного Исследовательского института социальных изменений (Research Institute for Social Change). Проект базировался на использовании математической процедуры шкалирования, с помощью которой создавалась “европейская социокультурная карта” и определялось место России в ряду двух десятков европейских государств [Докторов. 1994]. Я помню, что Левада принимал логику этого метода и видел его эффективность при решении нетривиальных типологических проблем. Этот же вывод подтверждается статьей Л.Б. Косовой, в которой излагается попытка использования многомерного факторного анализа в типологии “советского человека” [Косова. 1997].

Сложно сказать, почему ВЦИОМ (позже – “Левада-Центр”) не вел работ в области многомерной типологии, но эта ситуация поправима; сейчас крайне важным было бы построение пространственной (многофакторной) модели “левадовского человека”. Это валидизировало бы выводы Левады, обнаружившего с помощью простейших измерений столь сложную структуру сознания советского человека, и дало бы новый импульс для развития теоретической схемы Левады.

Не обладая полной коллекцией публикаций ВЦИОМа и Левада-Центра, я могу ошибаться, говоря о недостаточном внимании разработчиков проекта “Советский человек” к исследованию деятельности средств массовой информации. Пытаясь выявить главные моменты в трактовке Левадой и его коллегами процесса зарождения мнений и перехода “от мнения к пониманию”, я обнаруживаю, что распределение мнений в целом трактуется ими как функция двух переменных: макросоциальных изменений в обществе и изменений, происходящих внутри “советского

человека” [Левада. 1997]. Такая схема была бы оправданной, если бы не ставилась задача понимания природы мнений, то есть выявления всей совокупности причин его динамичности (или статичности). Как отмечалось выше, еще в начале 1960-х Левада говорил о важнейших функциях массовой коммуникации и о демократии как проявлении компетентности общественного мнения, однако эта линия не была достаточно развернута в теоретических и прикладных исследованиях. Это тем более трудно понять, если учесть тот факт, что многие элементы модели взаимодействия средств массовой информации и общественного мнения были разработаны на рубеже 1960–1970-х Б.А. Грушиным в его “Таганрогском проекте” [Массовая информация... 1980].

Он уходил очень далеко от берега

Одна из ключевых, стержневых тем рассказа-притчи Хемингуэя о старике и море возникает в словах старика, обращенных к мальчику: “Твой не любит уходить слишком далеко от берега”. Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями – море и человек – имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик – это он. Море – это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба – это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, социолога и поллистера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: “Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне”. Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество

без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что “человек в море никогда не бывает одинок”, так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и непрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения со многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”, об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима [Левада. 1993. С. 177].

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то есть его большая рыба. Старик говорил себе: “Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к не-

Левада не прерывал своего общения со многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима

му готов”. Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому, что пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью [Дубин. 2007].

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: “Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: «Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?» Он отвечает: «Нет». Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен” [Демина. 2006]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за “рыбой” не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом – со стаей акул, говорил себе: “Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру”. Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: “Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушел в море”.

* * *

Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой в конце 1980-х, когда начал работать во ВЦИОМ. Подошел к нему и назвал: “Борис Докторов”. Он ответил: “Я знаю”, – и на этом вся церемония завершилась. Когда я уезжал в Америку, он сказал мне: “Будь мужественным, старик”, и в этом “старик” было и навсегда осталось что-то аксеновско-шестидесятилетнее.

Последний раз мы обстоятельно беседовали поздней весной 2004 года, он был гостем калифорнийского Стэнфордского университета, недалеко от которого я живу. Я приехал к нему в гостиницу, это были две небольшие комнаты с кухней; в таких “апартаментах” обычно селят приезжающую профессуру. Поговорили о целях его приезда, я рассказал немного о своих исследованиях по новым технологиям опросов общественного мнения. Как обычно, говорил Левада немного, но слушал внимательно. Дни стояли жаркие, и хотя утром было чуть прохладно, чувствовал он себя неважно, ему было трудно ходить. Я сказал, что запарковался в подземном гараже прямо у выхода из лифта и по его реакции понял, что это было удачное решение. Вся дорога от гостиницы до Центра по изучению России заняла не более четверти часа. Начался небольшой дождик, обещавший временное ослабление жары. Мы остановились там, где длинная и ши-

рокая аллея, усаженная пальмами и калифорнийскими тополями, упирается в огромное здание, выстроенное в староиспанском стиле. Перед ним – фонтаны, в просторном внутреннем дворе – копии фигур Родена. Дальше я ехать не мог, правила езды по территории университета очень строги. Леваде надо было пройти еще метров триста.

В моей памяти Левада навсегда остается человеком, идущим к другим с настоящей правдой о России. ■

Литература

Вытеснение в мертвую память. Памяти Юрия Левады: Интервью Татьяне Косиновой; <http://polit.ru/analytics/2006/11/17/levada.html>

Горбачев М. Жизнь и реформы: Кн. 1. М.: Новости, 1995.

Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006; <http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>

Докторов Б. Выдающиеся поллстеры второй половины XX века. К открытию цикла // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 116–119.

Докторов Б. 3. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.

Дубин Б. В. Образ и образец: памяти Ю. А. Левады (1929-2006) // Социологический журнал. 2007. № 1. Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Издательство “Прогресс”, 1990.

Интервью с проф. В. Т. Лисовским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 7–25; <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intevyu7-25.pdf>

Интервью с Ю. Левадой. “Я считал, что было бы естественно вести себя как-то иначе”; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html

Кон И. Вспоминая о Леваде // Социологический журнал. 2007. № 4.

Косова Л. Б. “Человек советский” – возможность типологии // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 17–21.

Левада Ю. “Человек советский” 1989–2003 гг. Размышления о “большинстве” и “меньшинстве” // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (73). С. 9–18.

Левада Ю. “Запугивание населения – признак потери власти” // Новая газета. 2004. 5 ноября; <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/84n/n84n-s22.shtml>

Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Левада Ю. А. “Научная жизнь – была семинарская жизнь” // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Рус. христ. гуманит. института, 1999.

Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 9–15.

Левада Ю. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993.

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1–2. М.: Институт конкретных социальных исследований, 1969.

Левада Ю. А. Выступление на конференции // Материалы встречи социологов “Методологические проблемы исследования массовой коммуникации”. Кярику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967-а.

Левада Ю. А. Участие в дискуссии // Материалы встречи социологов “Методологические проблемы исследования массовой коммуникации”. Кярику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967-б.

Левада Ю. А. Выступления по поводу доклада В. А. Ядова // Материалы встречи социологов “Методологические проблемы исследования массовой коммуникации”. Кярику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967-в. С. 122–133.

Левада Ю. А. Кибернетические методы в социологии // Коммунист. 1965 № 12. С. 91–98.

Левада Ю. А. Точные методы в социологических исследованиях // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 13–14.

Левада Ю. А. Об особенностях народной демократии в Китае: Автореферат. дис. канд. филос. наук. М., 1955.

Левинсон А. Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006); <http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4>

Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.

Москва сегодня прощалась с известным российским социологом Юрием Левадой; <http://www.echo.msk.ru/news/344916.html>

Нарышкина А. Совершенно свободное плавание; <http://ladentelle.livejournal.com/305.html>

Не стало Юрия Левады... // Новые Известия. 2006. 17 ноября; <http://www.newizv.ru/news/2006-11-17/58360/>

Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 80–90-х / Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Интерцентр, 1993.

Человек, всю жизнь искавший “настоящую правду”. Памяти Юрия Александровича Левады // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 41–43.

Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Социологический журнал. 2007. № 4.

Шляпентох В. Социолог: здесь и там // Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006. С. 639.

Электронное письмо В. Шляпентоха Б. Докторову от 21 ноября 2006 г.

Электронное письмо А. Здравомыслова Б. Докторову от 20 ноября 2006 г.

Электронное письмо Н. Лапина Б. Докторову от 20 ноября 2006 г.

Электронное письмо В. Паниотто Б. Докторову от 19 ноября 2006 г.

Ядов В. А. “...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...” // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 10.

Е. Петренко, Е. Галицкая

У кого сегодня синица в руках, или Попытка типологизации российских семей

Изучая на протяжении пяти лет образовательные траектории детей и молодежи (от 4 до 22 лет) и взрослых (от 23 до 60 лет), выясняя, как семьи оценивают необходимые для этого денежные затраты, мы постоянно фиксировали взаимосвязь выбора конкретных образовательных траекторий и величины необходимых для их реализации финансовых ресурсов. Это вполне ожидаемый и предсказуемый результат.

В 1983 году П. Бурдьё в статье “Формы капитала”, рассматривая природу различных ресурсов, которые люди используют для того, чтобы добиться для себя желаемого статуса, положения, позиции, обосновал существование трех видов капиталов. “*Экономический капитал* – обладание материальными благами, к которым... можно отнести деньги... *Культурный капитал* – образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался в наследство от его семьи и усвоен в процессе социализации. Социальный капитал – ресурсы, связанные с принадлежностью к группе: сеть мобилизуемых связей, которыми нельзя воспользоваться иначе, как через посредство группы, обладающей определенной властью

и способной оказать “услугу за услугу” (семья, друзья, церковь, ассоциация, спортивный или культурный клуб и т. п.)”¹. В другой своей работе Бурдьё, рассматривая роль образования в процессах социального воспроизводства, в очередной раз подтвердил, что семьи с высокими экономическими, социальными и культурными ресурсами имеют возможность дать детям такое образование, которое позволит им в дальнейшем занять престижные, высокооплачиваемые рабочие места [Bourdieu. 1970].

В российской социологии, начиная с 60-х годов прошлого века, барьеры на пути доступа к высшему образованию, влияние экономического, культурного и социального капиталов семьи на образовательные траектории детей находятся в центре внимания В.Н. Шубкина и его школы [Шубкин. 1979]. В работах этой школы показано, что образование, дающее возможность занимать выгодные социальные позиции, значительно чаще доступно тем ребятам, чьи родители в состоянии обеспечить учебу в хорошей школе, качественную довузовскую подготовку, поступление в престижный вуз.

Исследования В.Н. Шубкина обнаружили, что основной контингент первокурсников вузов в 60-х годах XX века составили юноши и девуш-

¹ Цит. по: [Шматко].

ки из семей с относительно высоким уровнем экономического, социального и культурного капитала. Выходцы из семей с низким доходом, с начальным профессиональным и/или средним общим образованием, проживающих в малых городах и селах, составляли меньшинство среди студентов первого курса.

Спустя двадцать лет со времени первых шубкинских штудий очередное поколение выходцев из семей с высшим образованием и высоким должностным статусом (то есть речь, по сути, идет о поколении детей первокурсников из первого исследования В.Н. Шубкина) вновь составило большинство среди поступивших в вузы [Образование в социокультурном воспроизводстве. 1994; Профессиональное самоопределение выпускников. 1996].

Еще 20 лет спустя, в 2002 году, когда ФОМ начал проводить исследования в рамках Мониторинга экономики образования, рассматривая практически уже третье (со времени первого шубкинского исследования) поколение абитуриентов, мы снова убедились в том, что контингент вузовского студенчества пополняется по преимуществу выходцами из семей, чей экономический, социальный и культурный капиталы заметно выше среднего уровня [Градосельская, Киселева, Петренко. 2002. С. 6–8].

Аналогичные результаты были получены нами в ноябре прошлого года в рамках исследований 5-й волны Мониторинга экономики образования. Чем выше экономический, социальный и культурный капиталы семьи, тем больше средств она инвестирует в воспитание и образование детей, тем чаще дети пополняют ряды студентов вузов. Чем выше культурный капитал семьи, тем сильнее проявля-

ется готовность к серьезным материальным затратам ради его воспроизводства в последующих поколениях.

Несколько слов о методике

Приглядимся более внимательно к результатам опроса, проведенного ФОМом в ноябре 2006 года.

Как и в предыдущих волнах Мониторинга экономики образования, в рассматриваемом опросе приняли участие 9000 российских семей, отобранных в соответствии с общенациональной территориальной случайной выборкой. Каждая из попавших в выборку семей рассматривалась как единица регистрации, для которой фиксировались:

- административный статус места проживания, должностной статус члена семьи с самым высоким доходом (кормильца),
- оценки размера дохода на члена семьи в октябре 2006 года,
- субъективные оценки материального благополучия семьи по равномерной шестичленной шкале,
- уровень образования в семье (самый высокий среди членов семьи).

Кроме того, респонденты отвечали на вопросы о кредитном опыте членов семьи, об их знакомстве с современными финансовыми практиками (обмен валюты, операции с акциями, пластиковыми картами и т. п.), представлениях о целях получения образования и о выборе между вузами – средним, но бесплатным, и хорошим, но платным.

Помимо фиксации перечисленных семейных характеристик, в каждой из попавших в выборку семей случайно отбирался один из взрослых членов семьи в возрасте от 23 до 60 лет, который отвечал на вопросы о пользовании компьютером, о своем уровне образования и возможностях его дальнейшего продолжения, должностном статусе, размере личного месячного дохода, возрасте и гендерной принадлежности.

Далее с помощью скрининга выбирались семьи, где есть дети от 4 до 22 лет. Таковых в нашей выборке оказалось примерно 5000, в каждой из которых любой компетентный член семьи

График 1. Цели получения высшего образования

(информатор) отвечал на вопросы о воспитании и образовании ребенка².

Таким образом, интервьюер беседовал в одних семьях с двумя респондентами, а в других – с одним. В первом случае один респондент отвечал на вопросы о семье и собственном статусе, а другой – о затратах на образование детей. Во втором случае респондент, признавший себя компетентным по всем вопросам, отвечал на всю анкету сам.

Как и в предыдущие годы, исследование показало, что сильнее всего установка на получение детьми высшего образования выражена у родителей студентов вузов, а слабее всего – у родителей учащихся ПТУ.

Уровень дохода в семьях студентов вузов, по оценкам наших респондентов, в полтора раза выше, чем в семьях учащихся ПТУ. Кто-либо из членов семьи на момент опроса уже имел высшее (или неполное высшее) образование в 77% семей студентов вузов, и только в 26% семей учащихся ПТУ. Сходные показатели фиксировались и в предшествующих волнах Мониторинга.

С одной стороны, эти результаты подтверждают хорошо известный по опросам общественного мнения факт: в семьях с высшим образованием заметно выше уровень дохода, чем в до-

мохозяйствах с более низким уровнем образования. А с другой стороны, как оказалось, первые гораздо сильнее мотивированы на сохранение и приумножение семейного социального капитала и отличаются высокой готовностью к преодолению барьеров на пути получения их детьми высшего образования.

Цели получения высшего образования, декларируемые россиянами еще лет десять назад и занимавшие тогда лидирующие позиции [Шубкин. 1999], а именно – найти интересную, творческую работу, стать культурным человеком, пользоваться уважением окружающих, сегодня оказались на периферии и набирают от 8% до 22%.

Результаты нашего исследования показали четкое переобозначение, переформулировку сегодняшним общественным мнением мотиваций стремления к высшему образованию (график 1).

На первое место выходят цели, направленные на достижения личного успеха, материальных благ, – хорошо оплачиваемая работа (72%), востребованная профессия (45%), карьера (41%).

Судя по всему, все чаще сегодня сам факт наличия высшего образования постепенно становится более значимым по сравнению с содержанием и качеством самого образования (график 2).

² Если в семье было несколько детей, то информатор рассказывал о воспитании и образовании того ребенка, у которого раньше наступит день рождения.

График 2. Стратегия действий в случае непоступления в вуз по результатам ЕГЭ

Более трети (37%) респондентов считают, что если ребенку по результатам ЕГЭ не удалось поступить в “хороший” вуз на бесплатное место, а суммы, которая ему предоставлена из бюджета, хватает на поступление в “средний” по качеству вуз, то ребенку следует поступить в тот вуз, на учебу в котором хватит предоставленных денег. Несколько меньше опрошенных (31%) полагают, что ребенку надо пойти учиться в “хороший” вуз, а недостающие деньги семья может либо выделить из своего бюджета (15%), либо взять долгосрочный образовательный кредит (9%), либо достать из других источников (7%).

Однако следует обратить внимание на один нюанс. Среди респондентов, считающих, что высшее образование в первую очередь необходимо для того, чтобы добиться успеха и сделать карьеру, число предпочитающих оплатить учебу ребенка в “хорошем” вузе несколько выше (36% против 31% в среднем по выборке). Судя по всему, сегодня жизненный успех, профессиональная карьера, по мнению наших респонден-

тов, чаще выпадают на долю людей, получивших именно *качественное* высшее образование.

Весьма показательны предпочтения относительно качества вуза – “средний”, но бесплатный, или “хороший”, но платный, – в зависимости от того, какую образовательную стратегию выбрала семья для своих детей (табл. 1).

И хотя все рассматриваемые группы семей отдали предпочтение “среднему” вузу, то есть пусть не очень качественному, но доступному высшему образованию, семьи нынешних студентов вузов (напомним, что это домохозяйства, обладающие самым высоким в нашей выборке социальным капиталом) чаще остальных отдают предпочтение качественному высшему образованию, несмотря на финансовые издержки.

Компромиссный вариант высшего образования (средний по качеству вуз) родители студентов ССУЗов выбирают более часто (на 12 п.п.), чем родители студентов вузов. Судя по всему, социального капитала в таких семьях (студентов ССУЗов) сегодня хватает только на обучение

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

Качество вуза	Семьи учащихся ПТУ	Семьи студентов ССУЗов	Семьи учащихся 10-11 классов	Семьи студентов вузов
“Средний” бесплатный вуз	43%	45%	41%	33%
Платное отделение “хорошего” вуза	16%	19%	23%	32%

ребенка в среднем специальном учебном заведении, несмотря на то, что среди них высока доля декларирующих ценность высшего образования (91%). Отметим, что семьям этой категории свойственна относительно низкая (64% против 83% в семьях студентов вузов) готовность к серьез-

Действие механизмов отбора выходцев из высокоресурсных семей при формировании студенчества фиксируется российскими социологами уже без малого полвека. Ни экономические реформы, ни смены политических режимов, судя по всему, существенной коррекции в эти процессы не внесли

ным материальным затратам ради получения высшего образования.

Социальный состав вузовского и ССУЗовского студенчества несколько различается. Более половины студентов ССУЗов (54%) – выходцы из семей со средним специальным образованием, а в вузах доминируют студенты из семей с полным высшим образованием (62%).

Отправились учиться в другой субъект Российской Федерации четверть (24%) студентов вузов и лишь 16% студентов ССУЗов. Последнее означает, что сегодня среднее специальное образование принято получать “дома”. Это экономно и доступно – спрос практически полностью удовлетворяется наличной сетью техникумов, профессиональных лицеев, медучилищ и т. п.

Обратим внимание еще на то, что у половины студентов вузов (52%) платная форма обучения, а в ССУЗах пока еще доминирует бесплатная (58%). Это означает, что ради получения высшего образования ребенка семьи (которые могут себе это позволить) вынуждены идти на существенные затраты: расходы на проживание ребенка в другом городе и на оплату (немалую по нынешним меркам) самого обучения.

Все это свидетельства того, что преодолеть барьеры на пути доступа к высшему образованию сегодня по плечу либо очень сильно мотивированным (готовым к снижению привычного уровня потребления), либо высокоресурсным семьям.

Напомним, что действие механизмов отбора выходцев из высокоресурсных семей при формировании студенчества фиксируется российскими социологами уже без малого полвека. Ни экономические реформы, ни смены политических режимов, судя по всему, существенной коррекции в эти процессы не внесли. Опять же на поверхности лежит предположение, что эти довольно-таки устойчивые процессы оказали влияние на формирование в определенной степени самовоспроизводящихся социальных слоев. За без малого пять десятилетий (с начала 60-х годов) упомянутые процессы вполне могли способствовать цементированию устойчивых социокультурных анклавов, страт, типов, социальных слоев.

Эту гипотезу – о существовании таких социальных слоев – мы и решили проверить на результатах ноябрьского опроса, проведенного в рамках пятой волны Мониторинга экономики образования.

Ниже предпринята попытка найти подобные типы среди проживающих сегодня в общедоступном жилищном секторе городов и сел РФ российских семей с детьми от 4 до 22 лет. Обратим внимание, что родители в этих семьях (в среднем не могут быть моложе 19–24 лет и старше 45–50 лет) представляют собой наиболее стабильную часть трудоспособного российского общества.

Ниже предпринята попытка найти подобные типы среди проживающих сегодня в общедоступном жилищном секторе городов и сел РФ российских семей с детьми от 4 до 22 лет. Обратим внимание, что родители в этих семьях (в среднем не могут быть моложе 19–24 лет и старше 45–50 лет) представляют собой наиболее стабильную часть трудоспособного российского общества.

Попытка типологизации российских семей

Используя имеющиеся в нашем распоряжении результаты опроса, фиксирующие должностной, имущественный и образовательный статусы “кормильца” семьи, мы предприняли попытку сконструировать типы семей, устойчиво воспроизводящих (инвестирующих, транслирующих) свой социальный капитал в ресурсном потенциале последующих поколений.

Под *типологизацией*, как это и принято в социологии [Абушенко], будем понимать исследовательские процедуры, позволяющие на основе выявления сходства и/или различия между со-

циальными объектами (в нашем случае – семьями) группировать их в обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы, по сути дела, не имеющие четких границ. Решение о принадлежности или непринадлежности того или иного объекта (семьи) к определенному типу выносится с той или иной степенью определенности на основании некоторых (формальных или сугубо содержательных) критериев.

Как правило, типологизация на основе эмпирических результатов конструируется в два этапа. Сначала по эмпирическим данным строится *классификация*, предполагающая нахождение четкого места каждому объекту (в данном случае – семье) в одном из найденных (рассчитанных, полученных, сконструированных) классов. При этом между самими классами есть возможность провести четкую границу, то есть одна и та же семья может относиться только к одному классу.

Если удастся найти сущностные, смысловые, содержательные различия между полученными эмпирически классами, то можно сконструировать опирающуюся на эти сущности т. н. “первичную” типологию, которая уже может позво-

лить сделать те или иные теоретические интерпретации и обобщения.

Итак, перед нами стояла задача построить классификацию семей, то есть обнаружить группы сходных между собой – по наличному социальному капиталу и установкам на те или иные образовательные стратегии для детей – семей с детьми в возрасте от 4 до 22 лет.

Искомая классификация строилась на основе так называемых *опорных* вопросов, в ответах на которые содержатся социально-демографические и статусные характеристики семей, а также индикаторы ценностных ориентиров относительно высшего образования и повседневных финансовых практик членов семьи. В качестве опорных вопросов нами были выбраны следующие:

“Скажите, пожалуйста, каким был доход Вашей семьи (зарботки, пенсии и т. д.) в расчете на одного человека в прошлом месяце?”

“Какова должность, служебное положение того члена Вашей семьи, у которого самые высокие доходы?”

“Скажите, пожалуйста, что из перечисленного кому-либо из членов Вашей семьи приходилось делать за последние год-два?”³

³ Отвечая на вопрос, можно было выбрать любое число ответов из предложенного перечня:

1. обменивать валюту на рубли или рубли на валюту
2. покупать или продавать акции, ценные бумаги
3. платить за товары или услуги при помощи кредитной пластиковой карточки, по которой автоматически выдается кредит, если денег на счете не хватает
4. платить за товары или услуги при помощи обычной пластиковой карточки, по которой можно тратить не больше, чем есть на счете
5. получать на карточку заработную плату (стипендию, пенсию)
6. расплачиваться за товары и (или) услуги при помощи интернета
7. покупать или продавать паи в паевых инвестиционных фондах (ПИФах)
8. получать дивиденды от акций, ценных бумаг
9. покупать товары в кредит или брать кредит в банке
10. класть или снимать деньги со своего пенсионного счета в Сбербанке
11. класть или снимать деньги со своего непенсионного счета в Сбербанке
12. класть или снимать деньги со своего счета в коммерческом банке
13. вкладывать деньги в собственный бизнес
14. покупать или продавать государственные облигации
15. покупать или продавать корпоративные облигации
16. совершать операции с фьючерсами, опционами
17. все перечисленное
18. ничего из перечисленного
19. затрудняюсь ответить

“Тип населенного пункта, где проживает семья”.

“Скажите, пожалуйста, какой самый высокий уровень образования среди членов Вашей семьи?”

“Для чего прежде всего сегодня стоит получить высшее образование?”⁴

Существенно, что опорные вопросы были представлены в виде шкал разного типа: и номинальных, и порядковых.

По ответам на опорные вопросы с помощью процедуры многомерного шкалирования [Крыштановский. 2006. С. 217–223] строился набор количественных индикаторов. В нашем случае были построены десять индикаторов.

Эти индикаторы подбирались так, чтобы в их пространстве наилучшим образом располагались точки, соответствующие типичным сочетаниям ответов респондентов.

В процессе построения индикаторов показатели, измеренные в номинальной и порядковой шкалах, квантифицировались (заменялись

количественными показателями), после чего применяется метод главных компонент [Крыштановский. 2006. С. 193–205].

В пространстве преобразованных индикаторов множество семей разбивалось на кластеры⁵. Кластерный анализ проводился в две стадии: сначала выполнялась иерархическая кластеризация (методом Варда, минимизирующим внутри-

классовую дисперсию) [Бююль, Цефель. 2002. С. 388–403]. Результатом первой стадии явилось разбиение множества респондентов на оптимальное число кластеров (в нашем случае – 9), которое выбиралось по правилу “каменистой осыпи”: при дальнейшем сокращении числа кластеров они резко теряли четкость, определенность их интерпретации⁶.

На второй стадии полученное разбиение задавалось в качестве начальных условий для кластеризации методом К-средних [Бююль, Цефель. 2002. С. 404–409]. Этот метод позволяет улучшить интерпретируемость получаемых кластеров.

⁴ Отвечая на вопрос, можно было выбрать не более трех ответов из предложенного перечня:

1. чтобы найти хорошо оплачиваемую работу
2. чтобы найти интересную, творческую работу
3. чтобы найти работу со свободным графиком
4. чтобы стать специалистом, который везде нужен
5. чтобы заниматься наукой
6. чтобы добиться успеха, сделать карьеру
7. чтобы стать культурным человеком
8. чтобы жить среди культурных, образованных людей
9. чтобы найти друзей, спутника(-цу) жизни
10. чтобы поменять место жительства
11. чтобы продлить годы учебы
12. чтобы пользоваться уважением окружающих
13. другое
14. затрудняюсь ответить

⁵ Перед выполнением кластерного анализа необходимо вернуть каждому индикатору ту дисперсию, которую он объясняет в исходном материале. Для этого каждый индикатор умножался на корень квадратный из соответствующего ему собственного числа. См.: [Галицкий, Галицкая. 2006].

⁶ Прирост суммарной внутриклассовой дисперсии разбиения начинает скачкообразно увеличиваться.

Методы многомерного анализа данных, которые использовались при построении типологии, реализованы в программном пакете SPSS.

В результате была получена классификация семей, состоящая из девяти кластеров. Их величина и профиль (распределение ответов на опорные вопросы в каждом кластере) приведены в *Приложении*.

Прежде чем рассматривать полученную кластеризацию, еще раз уточним, что речь идет о наиболее стабильной части сегодняшних трудоспособных россиян – это семьи с детьми от 4 до 22 лет. Возраст родителей, соответственно, – не моложе 24–25 и не старше 46–55 лет, то есть активный трудоспособный возраст. В силу этого есть все основания полагать, что обнаруженная типологизация семей (при отсутствии тех или иных социальных катаклизмов) может сохраняться весьма продолжительное время. Напомним, что в каждой семье из нашей выборки случайно отбирался один из взрослых, возраст которого фиксировался. Так вот, медианный возраст взрослых из рассматриваемой совокупности семей оказался в диапазоне 31–45 лет.

Сравним между собой два самых крупных из полученных кластеров, один из которых на-

зовем *квалифицированные рабочие среднего достатка* (см. *Приложение* – 3 группа), а другой – *обеспеченные горожане-специалисты* (см. *Приложение* – 7 группа). Для этого воспользуемся визуализацией характеристик этих кластеров.

На *графике 3* видно, что в семьях *рабочих* доминирует среднее специальное и/или общее образование, а в восьми из десяти семей *горожан-специалистов* есть члены семьи с высшим образованием.

На *графике 4* представлено распределение должностных статусов кормильца в рассматриваемых группах семей.

Не менее выразителен и *график 5*, на котором представлено распределение доходных групп в рассматриваемых категориях семей. В пятой квантильной группе по доходу в 7 раз чаще оказываются семьи *специалистов*, тогда как во второй – в 4 раза чаще семьи *рабочих*.

Чем выше административный статус (а, соответственно, развитее инфраструктура, выше культурный капитал жителей) населенного пункта, тем вероятнее встретить в нем семьи *специалистов*; в малых городах наблюдается явное доминирование семей *рабочих* (см. *график 6*).

График 3. Рабочие и специалисты: самый высокий уровень образования в семье

График 4. Рабочие и специалисты: должность члена семьи, который имеет самый высокий доход

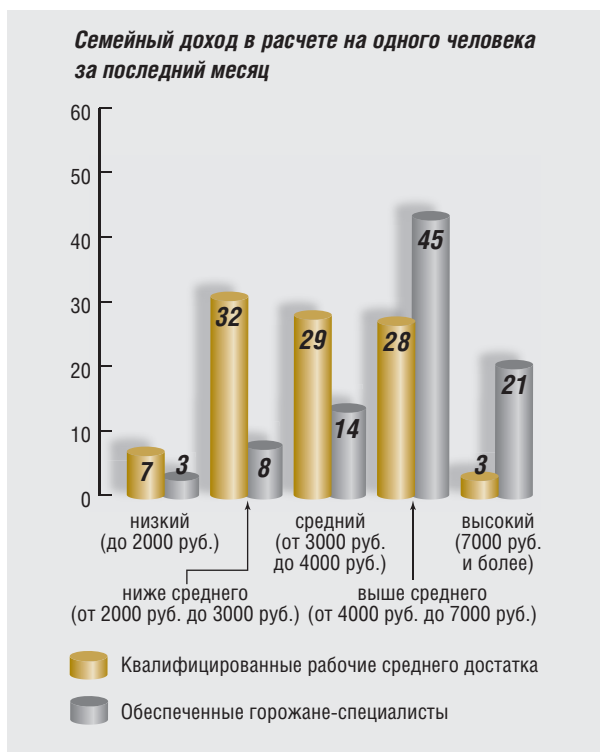

График 5. Рабочие и специалисты: семейный доход в расчете на человека в месяц

График 6. Рабочие и специалисты: тип населенного пункта

Как оказалось, в рассматриваемых кластерах существенно различаются и освоенные современные финансовые практики (график 7). Так, если среди пользователей кредитных услуг *рабочие* составляют основную массу, то *специалисты* здесь менее активны.

После того как мы убедились, насколько сильно различается социальная фактура двух рассматриваемых кластеров, не удивительны и разительные контрасты в их ориентациях относительно образовательных траекторий детей. Посмотрим для примера на результаты выбора между “средним” и “хорошим” вузом, который делают представители рассматриваемых кластеров (график 8).

Не будет преувеличением сказать, что представители кластера специалистов ориентированы на создание своим детям условий для получения качественного высшего образования, тогда как в кластере рабочих сам факт получения вузовского образования явно более значим, чем его качество.

Таким образом, рассмотрев конкретные характеристики двух самых крупных кластеров

в полученной классификации, мы убедились в содержательности полученной классификации российских семей.

Теперь рассмотрим подробнее пять из полученных кластеров, которые, с одной стороны, выглядят особенно “контрастными” (сильно отличающимися по ответам респондентов на практически все опорные вопросы), а в силу этой самой “контрастности” легко ассоциируются с реальными социальными субъектами, и с другой стороны – охватывают большую часть (74%) рассматриваемой совокупности. Каждый из этих кластеров имеет четко выраженный профиль – характерное только для него сочетание ответов респондентов на опорные вопросы. Такие сочетания позволяют опознать каждый кластер в качестве представителя определенного социального слоя. Тем самым есть возможность совершить эмпирически обоснованный переход от классификации к типологизации. А поскольку опорными вопросами для конструирования классификации (кластеризации) семей служили ответы на вопросы, в той или иной степени характеризующие экономический (размер до-

График 7. Рабочие и специалисты: финансовое поведение членов семьи

хода и оценка материального положения), социальный (должностной статус, место жительства) и культурный (уровень образования, освоенные финансовые практики) капиталы, то можно рассматривать полученную классификацию как основу для перехода к ресурсной типологизации российских семей.

Ресурсные типы российских семей

Конечно, конструируя социальные типы российских семей, мы вынужденно огрубляем полученный результат, ориентируясь на наиболее яркие социальные отметины в полученной кластеризации. Теперь перейдем к описанию пяти сконструированных типов, постепенно переходя от низкоресурсных ко все более ресурсным семьям.

Наименьшим социальным капиталом обладают представители первого из выделенных типов семей (см. Приложение: исходный кластер – 1 группа) – *семьи сельских рабочих*. У них – самый низкий уровень дохода на члена семьи (нижняя квантиль) и низкие оценки своего материального положения. Уровень образования в семьях такого типа редко превышает среднее

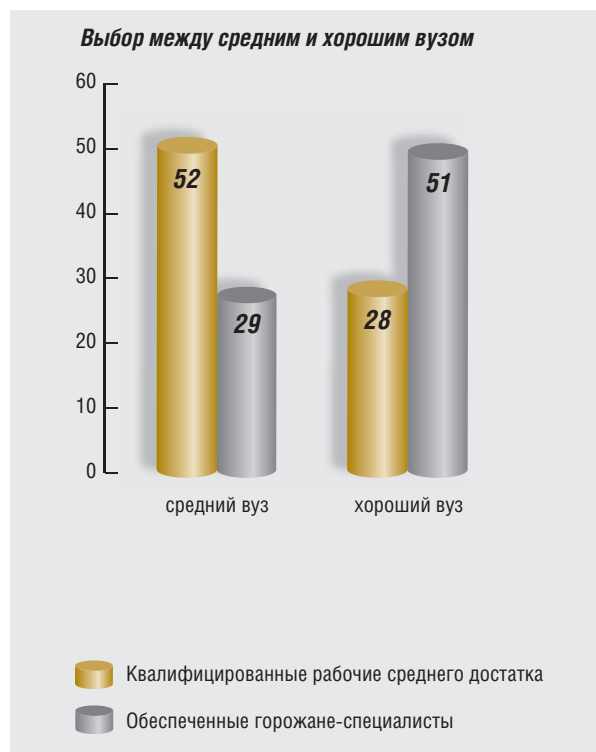

График 8. Рабочие и специалисты: выбор между средним и хорошим вузом

общее. Представители этого типа семей практически не знакомы с современными финансовыми практиками. Установки на высшее образование у них выражены слабо и носят по преимуществу декларативный характер.

Несколько выше социальный капитал у семей *квалифицированных рабочих российской провинции* (см. Приложение – 3 группа). У них средний уровень семейного дохода (вторая, третья и четвертая квантили). Своё материальное положение они оценивают как среднее или чуть ниже среднего. Самый высокий уровень образования среди членов их семьи – среднее специальное. Они декларируют некоторое знакомство с современными финансовыми практиками. Именно квалифицированные рабочие российской провинции являются самыми активными пользователями кредитных услуг, треть таких семей получают зарплату на пластиковую карточку. Ценность высшего образования для них состоит в первую очередь в том, что оно дает возможность стать востребованным специалистом. В случае, если бы пришлось выбирать вуз для обучения своего ребенка, они

предпочитают средний, но бесплатный вуз хорошему, но платному.

Еще большими социальными ресурсами обладают *семьи высокообразованных специалистов из крупных административных центров* (см. Приложение – 7 группа). Они получили вузовский диплом, тем не менее частенько в тех или иных формах продолжают свое образование. Их семейный доход явно выше среднего (третья и четвертая квантили). У семей этого типа уже шире знакомство с современными финансовыми практиками (пользование пластиковыми картами, кредитный опыт, опыт обмена валюты). Они предпочитают, чтобы их ребенок получал высшее образование в хорошем (а не в среднем) вузе, даже ценой серьезных материальных издержек. А главные ценности высшего образования для них состоят в том, что оно дает возможность стать востребованным специалистом, сделать карьеру и иметь творческую работу.

Следующий тип – *семьи предпринимателей из малых и средних городов* (см. Приложение – 8 группа). Их семейный доход явно выше среднего. Об этом свидетельствуют и оценки месячного дохода, и оценки материального положения семьи. Среди освоенных членами семьи широкого круга финансовых практик доминирует “ведение собственного бизнеса”. Главная цель получения высшего образования, которую декларируют представители семей этого типа, – сделать карьеру – является предельно инструментальной.

Завершают нашу галерею типов *семьи лиц, принимающих решения, – специалистов высших*

категорий, руководителей среднего и высшего звена (см. Приложение – 9 группа). Представители этих семей обладают главным образом высшим образованием. А главные цели получения их детьми высшего образования для них состоят в том, что оно позволит им и сделать карьеру, и жить среди культурных, образованных людей и самим стать таковыми. Для представителей семей этого типа практически все рассматриваемые в опросе финансовые практики (даже такие, как операции с акциями и совершение интернет-покупок) стали рутинными.

Теперь кратко рассмотрим образовательные траектории, которые выстраивают для своих детей семьи разных типов. На *графике 9* видно, что дети из семей *специалистов, предпринимателей и лиц, принимающих решения*, заметно чаще обучаются в школах, лицеях с углубленным изучением предметов, чем дети из семей *сельских рабочих и рабочих российской провинции*. Безусловно, можно попытаться списать отмеченное расхождение на то, что в провинции (особенно сельской) просто меньше таких школ, чем в административных центрах.

Однако разницу в планировании образовательных траекторий для детей в семьях разных типов (*график 10*) объяснить таким образом уже не получается. Практически единодушно семьи *предпринимателей, лиц, принимающих решения* (93%), а также *специалистов* (по 82%) планируют продолжение образования детей в вузах, тогда как семьи других типов планируют для детей совсем другие жизненные траектории.

График 9. Типы семей: школа, в которой учится ребенок

График 10. Типы семей: образовательные траектории после 11-го класса

График 11. Типы семей: сегодняшние занятия взрослых детей

Особенно красноречиво об этом свидетельствует реализация подобных намерений: на *графике 11* представлены данные о том, чем сегодня заняты взрослые дети из семей разных типов.

Барьеры на пути к высшему образованию чаще удается преодолеть выходцам из семей *лиц, принимающих решения, предпринимателей и специалистов из крупных административных центров*. Дети из семей *сельских рабочих* и *квалифицированных городских рабочих*, скорее всего, оказываются в ССУЗе, а еще чаще – на работе или в армии.

Если в семьях *сельских рабочих* 19% детей учатся с 1-го по 9-й класс в школах с углубленным изучением предметов, то в семьях *квалифицированных специалистов крупных административных центров* в школах такого типа учится 35% детей, а в семьях *предпринимателей* – 44%.

На дополнительное образование ребенка (а это реальный путь наращивания культурного капитала учащегося) несут затраты лишь 8% семей *сельских рабочих*, тогда как среди семей *лиц, принимающих решения*, эта доля составляет 41%. Не удивительно, что на “отлично и хорошо”

Табл. 2

% по столбцу от семей каждого типа

После 11-го класса ребенок...	Типы семей				
	лица, принимающие решения	предприниматели	образованные специалисты крупных административных центров	квалифицированные рабочие российской провинции	сельские рабочие
Учится в вузе	73	63	69	37	16
Учится в ССУЗе	14	15	16	30	26
Работает, служит в армии и т. п.	9	12	9	21	39

учатся лишь 29% детей из семей первого типа, и 52% – из пятого.

В старших классах школы отмеченные контрасты прорисовываются еще резче: лишь 3% семей *сельских рабочих* – против 33% семей *лиц, принимающих решения*, – оплачивают дополнительное образование своих детей.

Планируют учебу ребенка в вузе после окончания 11-го класса 39% семей *сельских рабочих* и 93% семей *лиц, принимающих решения*.

А вот какова оказалась реализация этих планов, судя по ответам родителей юношей и девушек, уже окончивших среднюю школу (табл. 2).

И хотя выпускники школы из семей *рабочих* заметно реже, чем выпускники из более ресурсных семей, становятся студентами вузов, все же полученные результаты свидетельствуют, что институт высшего образования в какой-то степени выполняет функцию социального лифта: 37% се-

Однако масштабы действия этого социального лифта, судя по полученным результатам, сами по себе едва ли смогут вызвать заметные подвижки в соотношении ресурсных типов российских семей. Дело в том, что социальный лифт, опирающийся на институт высшего образования, работает лишь для “подъема” от второго из рассмотренных типажей к третьему. Далее как восходящие, так и нисходящие траектории определяются, скорее всего, не столько культурным капиталом семьи, сколько другими видами социальных ресурсов ее членов.

В заключение обратим внимание, что сконструированные типы охватывают практически все российские семьи с детьми (73% всех домохозяйств), кормильцы которых находятся в активном трудоспособном возрасте. Между собой полученные типы различаются уровнями семейного социального и культурного капиталов. В разных типах семей освоены различные наборы (сочетания) финансовых практик, выбираются различные инвестиционные стратегии как применительно к финансам, так и применительно к социальному капиталу. Чем выше ресурсный уровень семьи, тем чаще осуществляются материальные и культурные инвестиции в воспитание и образование детей. ■

Институт высшего образования в какой-то степени выполняет функцию социального лифта: 37% семей квалифицированных рабочих российской провинции и 16% семей сельских рабочих отправили своих детей учиться в вузы, дав им шанс подняться на более высокую ступень социальной лестницы

мей *квалифицированных рабочих российской провинции* и 16% семей *сельских рабочих* отправили своих детей учиться в вузы, дав им шанс подняться на более высокую ступень социальной лестницы.

Литература

Bourdieu P. et Passeron J.-C. La Reproduction: Eléments pour une théorie du système d’enseignement. Paris: Editions de Minuit, 1970.

Абушенко В.Л. Типологизация // Энциклопедия социологии; <http://slovari.yandex.ru>

Бююль А., П. Цефель П. SPSS: искусство обработки информации. М.-СПб.-К.: DiaSoft, 2002.

Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. Кластеры на факторах: как избежать распространенных ошибок? // Социология: 4м (методология, методы, математические модели), М.: ИС РАН, 2006. №22. С. 145–161.

Градоусельская Г. В., Киселева Н. Е., Петренко К. В. Выбор образовательной стратегии детей: ценности и ресурсы // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень №1. М.: ГУ–ВШЭ, 2002.

Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: ГУ–ВШЭ, 2006. Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты / Отв. ред. В. Н. Шубкин. М.: ИС РАН, 1994.

Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ: По материалам массовых социологических обследований молодежи / Отв. ред. В. Н. Шубкин, Д. Л. Константиновский. М.: ЦСО РАО, 1996.

Шматко Н. А. Бурдые Пьер // Энциклопедия социологии; <http://slovari.yandex.ru>

Шубкин В. Н. Молодежь в меняющемся мире // Социально-профессиональные ориентации и жизненные пути молодежи (по материалам социологических исследований). М.: Институт социологии РАН, 1999.

Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.

Приложение

Особенности типологических групп в таблице выделены шрифтом: жирным – значимое превышение над долями, рассчитанными по всей совокупности изучаемых семей (доли приведены в столбце “Семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет”), курсивом – занижение этих долей.

	Семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет	Классификация российских семей (в % по столбцу)								
		1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	6 группа	7 группа	8 группа	9 группа
Все опрошенные (кол-во семей)	5061	719	300	1224	648	157	235	1124	265	389
Доли групп (%)	100	14	6	24	13	3	5	22	5	8
Самый высокий уровень образования в семье										
основное общее и ниже	2	0	30	0	0	1	0	0	0	0
ПТУ	4	8	6	8	0	4	2	0	5	1
среднее общее	12	44	18	7	10	13	11	<u>1</u>	<u>4</u>	<u>2</u>
среднее специальное	38	37	<u>24</u>	63	54	33	40	<u>13</u>	34	<u>15</u>
незаконченное высшее	6	2	5	8	5	10	5	6	6	7
высшее	39	<u>8</u>	<u>17</u>	<u>13</u>	<u>31</u>	40	42	80	52	75
Должность члена семьи респондента, имеющего самые высокие доходы										
предприниматель	5	2	1	1	2	5	1	0	69	1
руководитель, замруководителя	4	0	0	0	2	6	3	8	7	12
руководитель подразделения	8	<u>2</u>	<u>0</u>	<u>1</u>	5	5	15	15	3	26
специалист	27	<u>10</u>	<u>1</u>	<u>18</u>	<u>21</u>	32	23	58	<u>9</u>	37
служащий	14	14	<u>2</u>	19	34	<u>9</u>	12	<u>6</u>	<u>4</u>	11
рабочий	32	56	<u>12</u>	56	28	34	46	<u>8</u>	<u>4</u>	<u>10</u>
пенсионер	6	1	81	2	2	3	<u>0</u>	1	<u>1</u>	<u>1</u>
неработающий	2	13	2	0	1	1	0	1	1	0
другое, затрудняюсь ответить	2	2	1	2	3	4	0	2	2	2

Продолжение прил.

	Семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет	Классификация российских семей (в % по столбцу)								
		1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	6 группа	7 группа	8 группа	9 группа
Все опрошенные (кол-во семей)	5061	719	300	1224	648	157	235	1124	265	389
Доли групп (%)	100	14	6	24	13	3	5	22	5	8
Семейный доход в расчете на одного человека в месяц										
низкий (до 2000 руб.)	17	74	48	<u>7</u>	<u>5</u>	16	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>5</u>	<u>2</u>
ниже среднего (от 2000 до 3000 руб.)	17	13	30	32	19	18	<u>3</u>	<u>8</u>	<u>12</u>	<u>4</u>
средний (от 3000 до 4000 руб.)	16	<u>4</u>	12	29	22	<u>10</u>	<u>5</u>	14	15	<u>5</u>
выше среднего (от 4000 до 7000 руб.)	25	<u>3</u>	<u>6</u>	28	<u>16</u>	34	26	45	25	24
высокий (7000 руб. и более)	15	<u>1</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	<u>8</u>	13	47	21	31	55
не знаю, затрудняюсь ответить	4	5	2	0	13	3	13	3	5	4
отказ от ответа	5	0	1	0	17	6	4	6	7	6
Описание материального положения семьи										
денег не хватает даже на питание	10	39	36	<u>3</u>	<u>4</u>	6	<u>0</u>	<u>2</u>	<u>2</u>	<u>2</u>
на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви	26	38	48	39	29	<u>20</u>	<u>11</u>	<u>11</u>	<u>8</u>	<u>5</u>
на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники	41	<u>19</u>	<u>15</u>	51	48	48	60	49	<u>35</u>	<u>23</u>
денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину	16	<u>2</u>	<u>1</u>	<u>4</u>	12	16	25	32	22	36
денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом	7	<u>1</u>	<u>0</u>	3	7	10	4	6	20	31
материальных затруднений не испытываем; при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом	1	0	0	0	0	0	0	0	14	2
Тип населенного пункта, где проживает респондент										
Москва	6	<u>0</u>	2	0	2	3	3	10	4	33
Санкт-Петербург	4	0	0	0	0	1	70	0	2	3
областной центр, столица республики свыше 1 млн жителей	10	<u>3</u>	<u>4</u>	10	5	11	10	18	9	9
областной центр, столица республики менее 1 млн жителей	18	<u>4</u>	<u>13</u>	25	7	15	<u>5</u>	28	29	20
районный центр, малый город, поселок городского типа	35	<u>13</u>	34	39	69	49	<u>8</u>	33	38	<u>28</u>
село	27	80	47	26	<u>17</u>	<u>20</u>	<u>3</u>	<u>12</u>	<u>17</u>	<u>7</u>

Окончание прил.

	Семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет	Классификация российских семей (в % по столбцу)								
		1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	6 группа	7 группа	8 группа	9 группа
Все опрошенные (кол-во семей)	5061	719	300	1224	648	157	235	1124	265	389
Доли групп (%)	100	14	6	24	13	3	5	22	5	8
Финансовое поведение членов семьи										
кредит в банке и магазине	36	<u>27</u>	<u>16</u>	50	<u>23</u>	<u>29</u>	<u>23</u>	35	39	52
зарплата по карточке	27	<u>4</u>	<u>4</u>	29	<u>10</u>	23	48	40	<u>18</u>	72
обмен валюты	11	<u>3</u>	<u>0</u>	<u>3</u>	<u>3</u>	8	19	11	26	62
обычная пластиковая карточка	7	<u>1</u>	<u>1</u>	3	3	6	11	5	8	50
кредитная пластиковая карточка	6	1	2	4	<u>1</u>	5	2	2	11	40
счет в коммерческом банке	3	0	1	1	2	1	5	2	9	21
собственный бизнес	3	0	1	0	0	0	0	0	54	4
операции с акциями	2	0	1	1	0	3	5	1	3	9
интернет-покупки	2	0	0	0	1	3	1	0	5	18
Цель получения детьми высшего образования										
хорошо оплачиваемая работа	72	75	68	75	72	83	<u>60</u>	71	<u>66</u>	69
нужный специалист	45	44	<u>38</u>	53	<u>29</u>	<u>24</u>	<u>31</u>	52	47	47
сделать карьеру	41	<u>33</u>	<u>23</u>	42	<u>33</u>	<u>18</u>	<u>34</u>	51	54	53
творческая работа	22	<u>12</u>	17	21	<u>14</u>	39	43	27	23	26
стать культурным человеком	14	<u>8</u>	<u>8</u>	13	10	<u>6</u>	21	19	19	23
уважение окружающих	11	15	8	13	6	<u>3</u>	<u>4</u>	13	9	13
культурное окружение	8	6	6	9	4	<u>2</u>	11	9	10	15
свободный график	3	0	1	0	0	89	0	0	1	2
изменить место жительства	3	5	3	4	2	4	2	1	2	3
заниматься наукой	2	1	1	2	0	1	19	1	3	3
найти друзей	2	2	2	3	1	6	2	4	3	1
Выбор между "средним" и "хорошим" вузом										
средний, но бесплатный вуз	37	41	51	52	<u>12</u>	42	46	<u>29</u>	34	<u>25</u>
хороший, но платный вуз	31	<u>15</u>	<u>9</u>	28	<u>14</u>	<u>22</u>	<u>14</u>	51	43	56
не поступали, ЕГЭ в следующем году	8	11	4	8	<u>2</u>	20	15	8	13	6
другое, затрудняюсь ответить	24	33	36	<u>11</u>	71	<u>15</u>	25	<u>12</u>	<u>10</u>	<u>13</u>

Авторы номера...

Елена Галицкая
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Борис Докторов
Доктор философских
наук, профессор,
независимый аналитик
и консультант

Марина Иванова
Специалист
Фонда
“Общественное
мнение”

Вероника Максимова
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Елена Петренко
Директор
по исследованиям
Фонда “Общественное
мнение”

Дмитрий Рогозин
Кандидат
социологических наук.
Декан факультета
социологии МВШСЭН.
Старший научный
сотрудник Института
социологии РАН

Ирина Солодова
Менеджер проектов
маркетинговой компании
“Бизнес Аналитика”

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии РАН

Анна Турчик
Аспирант Института
социологии РАН,
научный сотрудник
Междисциплинарного
академического центра
социальных наук
(Интерцентр)

Подписка – 2007

на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте в Агентство “Книга-сервис” по адресу:

117168, Москва, ул. Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: (495) 129-0154, 719-08-22

Адрес e-mail для связи: **public@akc.ru**

Подписаться на любые номера журнала можно в течение всего 2007 г.

На основании указанных Вами данных после получения купона

Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Вышедшие из печати номера будут Вам высланы по почте после получения оплаты

Подписка принимается только на территории Российской Федерации

линия отреза

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Подписной
индекс

C86301

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Фамилия

Имя

Отчество

Почтовый индекс

Область/край

Город/село

Улица

Дом **корпус** **квартира**

Телефон **подпись** **дата**

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН

КПП

Полное юридическое название

Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)

Улица

Дом **корпус**

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

линия отреза

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова. 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2